

Галина ЩЕКИНА

АНОМАЛИЯ

Семейная хроника

Эпизод 1. ПОСЁЛОК

Вечером отец пришёл с работы и принёс маленькие валенки. Тоне было года три или четыре, но она всё отлично помнила. Её торжественно посадили на кухонный стол и стали надевать валенки на голые ноги. Прибежала старшая сестра Валя, она недавно стала школьницей и потому воображала, подошёл отец, и радостная мама стала добиваться: «Скажи, что тебе нравится». Девочка чувствовала, что должна сказать, мол, очень нравится или что-то в этом роде, ведь в то время покупки в семье были редким явлением. Все вещи доставались Тоне от старшей сестры. А тут ей лично купили целые валенки. Она разве не рада? На дворе стояла зима. Скрипел под ногами снег. На детей напутывали кофты и штаны, поверх шапок завязывали платки. Валеночки были очень жесткие, пегие и страшно кусались.

Тоня боялась обидеть отца и сидела молча. На ней было байковое синее платьице с белыми и красными мячиками. Она его разглаживала на коленках, чтобы казаться примерной. К девочке быстро потеряли интерес и ушли. Осталась только мама и стала добиваться: скажи да скажи ей про валенки. Маленькая упорно молчала. Она думала, как это можно надеть? В моде она ничего не понимала, но в душе был дикий протест. В конце концов, мама завелась, накричала. Хорошо, хоть не треснула по затылку, потом ушла, чеканя шаг. Тоня осталась одна сидеть в жестких валенках на кухонном столе, не имея возможности даже слезть с него, обруганная и всеми брошенная, вся в слезах. Но плакать нельзя, она это твёрдо помнила, иначе получишь ещё больше. Она двигалась тихо, в твёрдой уверенности, что она плохая. В квартире висела напряжённая тишина, только печка потрескивала дровами. Мама в старой кофточке в жёлто-коричневую шашечку и тугой юбке молча писала планы уроков — она была учительница. Папа, придя с завода, шелестел газетой, а черноглазая сестра к тому времени была первокурсницей и делала уроки. Все при делах. Перевернувшись кое-как на живот, малявка нащупала ногой табуретку, сползла с кухонного стола на пол. Потом тихо стащила с ног валенки, юркнула в детскую.

Тоня села на стул около своей кровати. На кровать садиться запрещено. В семье было железное правило при уборке кровати. Необходимо простыни сильно натянуть, подушки очень взбить, а одеяла сложить так, чтобы образовался прямой угол на сгибе. И к кровати не смей подходить целый день. Тоня в детстве не умела так хорошо убирать кровать, это делала мама, но, пойдя в школу, она должна была это делать сама. А если тебе плохо, посидишь на стуле. Да не так уж тебе плохо. Подумаешь, цаца. Бери из угла старую куклу и жалей её молча, если уж так тебе хочется, чтоб тебя пожалели.

Тоня маленькая долго не говорила. Говорила только отдельные слова. Все приставали — скажи то, скажи это. А она не знала, как сказать правильно, чтобы не получить по шее. Её молчание и нерешительность раздражали мать. Ей казалось, что ребёнок молчит ей назло.

И вот она сидела на стуле и сквозь туман слёз смотрела на подушку. На подушке были вышиты гладью красные маки. Очень красивый узор и очень яркими нитками. Она долго рассматривала эти цветы. Мама умела вышивать красные розы с синими васильками и жёлтыми колосьями, у неё была корзинка с шитьём и яркими цветными нитками мулине. Она чисто мыла полы, вкусно готовила и много чего умела делать быстро и хорошо. А иногда по субботам пельмени лепили всей семьей. Все были в муке, и никто не ссорился. Тоню это все бесконечно удивляло, особенно руки мамы, быстрые и лёгкие, будто бы волшебные, они летали сами по себе. Ещё Тоню, например, завораживали эти вышивки. И она успокаивалась. Кто знал, что через много лет она тоже начнёт прекрасно вышивать! И у неё будет много оригинальных вышитых картин.

А вообще этот молчаливый ребёнок догадывался, что его родители как бы не его

родители. Что просто надо временно у них пожить. Но чем дальше, тем яснее становилось — других не будет. И надо ещё потерпеть. Она часто слышала, как люди ахали на неё — «вылитый отец!» Такая же кудрявая, русоволосая, добродушная. Но, глядя на мать, трудно было догадаться о сходстве. Тут было что-то не так...

В школе Тоня была тихой девочкой: очень красивой, большеглазой, худенькой и кроткой. Однажды на неё посмотрел мальчик. Она тоже смотрела на него, этого было достаточно, чтобы возникла любовь. Но поскольку оба были робкими, никто ничего не говорил вслух. А на Тоню ещё смотрел другой мальчик. Его звали Юрок. Он очень плохо учился, прогуливал, и его часто били после школы. И тогда она взяла его портфель и стала провожать его домой, надеясь, что при ней мальчика не изобьют. Так и случилось, она угадала. Надо было видеть, как забитый Юрок морщил нос и скрывал улыбку. Вот и на его улице случился праздник, рядом шла самая красивая девочка в школе. И что при этом думал тот мальчик Толик, которому она нравилась, сейчас уже никак не узнать. Но, возможно, это был своего рода подвиг, на который она шла ради Толика. Это был подвиг нравственный, от желания защитить другого, слабого и зависящего от хулиганов человека. Возможно, тот первый мальчик, Толик, всё это понял. Он мог бы и другое понять — что девочка провожала того, кто нравился. Через много лет уже тот мальчик, Толик, написал Тоне открытку, и было совершенно понятно, что они любили друг друга всю жизнь. Но почему они не могли друг к другу подойти? Считалось за прещённым. Дети боялись опозорить семью, разговаривать с теми людьми, с кем нельзя разговаривать. После школы Тоня с двумя портфелями спускалась со школьного крыльца. Она оглядывалась, идёт ли несимпатичный Юрок, и ветер трепал кудрявые пряди волос. Вот такая вот невидимая миру странность. Или видимая, но непонятная.

Встаёт солнце, выливает вниз из своего ведра тяжёлое, сладкое, оглушительное ведро. Целый отряд цветов выстреливает ярко-жёлтыми лепестками. На темной зелени горят, мелькают тёплые язычки. Так горели бы газовые горелки прямо из грядки. И вдруг лепестки срываются и дружно взлетают. Ветер сдул лепестки? Да нет же ветра. Цветы стали бабочками, и вспыхнуло живыми искрами холодное небо. Одна бабочка кружится над водоёмом, танцует вместе с упавшими туда травинками, садится на лист, лист несёт её. Лягушка раскрывает рот на красивую захватчицу, но той уж след простыл. Узор цветочный разлетелся, и как его теперь вернёшь? Только если запомнишь и вышьешь. Или составишь лоскуты ткани в похожий узор. Что сказал бы одноклассник Толя, увидев узор? Смог бы он поверить, что руки той девочки из детства сотворили это чудо? И как вообще из ничего появилось что-то?

Когда-то молоденькая Тоня пришла жить в дом мужа Антона, в котором он обитал с дедом Гошей и бабой Надей. Тонкая тростиночка с испугом смотрела на неровные бугристые стены и на сидящих на кроватях дедов. Первое, что запомнилось Тонечке — песок, который сеялся с потолка в суп. Дом был старый, его строил дед сразу после войны. Ничего не поделать. И когда Тоня попыталась впервые постирать, ей пришлось снять бельё с трёх постелей и стирать его в ванне руками, применяя ребристую железную доску. Это было что-то первобытное. Тоню охватила реальная глухая тоска. Тогда она хрипло сказала Антону, что придётся покупать стиральную машину, хоть какую-нибудь, но так дальше дела идти не могут. Антон не в силах был реагировать. Он морщил лоб и собирался ехать после строительного института по распределению в глухомань Кировской области, поэтому сбивал багажные ящики и не мог рассмотреть в туманной дали какую-то стиральную машину. Молодожёны Славновы уехали в посёлок Даровской Кировской области, и там даже было выделено общежитие, куда и сгрузили нашу тростиночку с этими багажными ящиками, а сам-то муж уехал дальше в тайгу, где жил в вагончике. Тоне пришлось ещё долго стирать руками и с ребристой доской.

Сестра Тони Валентина узнала про тайгу много позже. Однажды она уже после института просто сорвалась и поехала в Кировскую область, потому что душа у неё ныла невыносимо. Месяца два не было от Тони вестей. С поезда сошла в Котельниче, полтора часа тряслась на машине, крытой брезентом, все мозги встрясла по ухабам. Сама бродила по посёлку, ничего не могла понять. В общежитии, которое ей указали по конверту, комната была закрыта. Рядом с дверью стоял один из тех багажных ящиков, которые когда-то сколачивал муж Тони, а дверь — чик-пок на замок.

Сестра Валя, дрожа от страха как от холода (в большую жару), двинулась к единственной гостинице. Женщина на вахте с большой головой в бигуди и крепдешинном ярко-цветочном шарфе обзвонила всё на свете. Она спешно отвела номер приезжей, но та сидела и редела, пока женщина в бигуди висела на телефоне. Продавец из киоска

сказала: «Самого нет в посёлке, он в тайге, звоните в контору СМУ, что жена пропала!» Киоскерша лично знала Тоню, у которой училась в вечерней школе, и подсказала ещё одну ученицу на почте. Почтарка уже стала звонить в СМУ, чтоб узнать номер участка, где вагончик стоит. И так весь день. По типовой гостинице ходили редкие жильцы, а приехавшие на работу вахтовики отсыпались и уезжали в ту же тайгу. Они мимоходом пытались утешить рыдающую женщину:

— А какого ты тут сырость разводишь? Деньги потеряла? Умер кто?

Но Валя мотала головой, и они, пожав плечами, шли дальше. Когда она очнулась, перед ней лежала скромная сумма в полторы сотни рублей тройками.

К вечеру, когда Валюшка выплакала все слёзы на год вперёд, в вестибюль гостиницы зашел человек значительного роста в спецовке, заляпанной побелкой. Это был Антон Славнов, Тонин муж. Он рванул за материалами сразу после звонка с поселковой почты, услышав только несколько слов, что по посёлку бродит женщина, ищет пропавшую. Краснощекий, обветренный и весёлый, грудь колесом, он подошёл прямо к заплаканной Валюшке:

— Ну что, мать, сырость разводишь? Потеряла чего? Идем!

— Ещё бы! Сестру потеряла!

И кивнув тёте в бигуди, мол, спасибо за хранение родственницы, шагнул на улицу... Антоша пошёл прямо к больнице. В одно отделение, в другое. Шагал насквозь — и всё! Как будто это рынок или склад. Валя, торопясь и спотыкаясь, лепетала, что надо бы сначала сходить в справочную, но ему было некогда по справочным ходить. Он сам быстро прошарил всё и быстро отыскал жену Тоню в инфекционном отделении.

— Хорош сидеть! — сказал он. — Дома дел много, — и потащи её за руку. Она упиралась. — Ничего не знаю, — смеялся муж. — Завтра придешь и выпишешься. Я сейчас на погрузку, домой на пять минут, одёжу сменить, и обратно на стройку.

В это время у входа нервно приплясывала Валюшка. Увидев бедную, бледную и беременную сестру, бросилась её обнимать. Мало кто из поселковых женщин подолгу в больнице-то лежал, так на Тоню накнулись, и давай упорно лечить.

Сёстры зашли в магазинчик, купили сыру и томатного сока, чтоб дома приготовить рожки. Рожки с томатом — хорошо. На улице стало ветрено, накрапывал дождик, а они шли в обнимку и были так счастливы! Потому что Тоня оказалась не одна в своём посёлке. Её знали, разыскали. И Валя оказалась не одна. Одна другую за руку вела, как ребёнок. Вскоре Антон уехал. Надо было спешить, пока от дождика дорогу не развезло. Сёстры ночь почти не спали, разговаривали.

В посёлке, как оказалось, Тоня первое время производила фурор у местной молодёжи. Узнав, что в вечерней школе появилась новая молодая учительница, да ещё такая — стройная, высокая, красивая блондинка с вьющимися волосами до плеч, с обалденной фигурой и ещё одета в бархатный модный костюм бордового цвета, — в вечернюю школу на занятия стали приходить все, кто там числился, и те, кто не числился. В классе за партами сидели по три человека. Тоня их развлекала как могла: на химии, например, устраивала эффектные опыты, что однажды ей обернулось боком.

Из кабинета химии её ученики утащили кусочек натрия, бурную реакцию которого с водой она продемонстрировала на уроке. Этот кусочек они бросили на мокрый пол в «чипке», то есть в винном магазине. Натрий стал извергать огонь, бегая по всему полу под ногами нетрезвых мужиков. Началась паника, и народ ломанулся на улицу, попутно выбив дверь. Скандал был большой, приезжали пожарные и милиция, даже было дело заведено по этому поводу. Тоню, конечно, начальство «пропесочило», но оргвыводов делать не стало — нужно же было кому-то работать. Ей даже дали какое-то количество часов в средней общеобразовательной школе. Однажды одна ученица вечерней школы узнала, что её муж пьяный упал в чипке. Прибежав на урок, немолодая ученица, рыдая, стала отпрашиваться. С ней ушли ещё двое. Но про училку пошла слава, что она не просто красивая, но и понимающая, и ей стали все сочувствовать и помогать. Вот эта самая ученица и дозвонилась с почты до села Красного и, в конце концов, нашла Антона.

Когда началась зима, на улицах появилось множество людей, тащащих куда-то санки с установленными на них фанерными «гробиками». Тоня не знала, что это значит. И боялась спрашивать даже. Оказалось, родители везут так детей в детский сад! У такого саркофага откидывают крышку на петлях, сажают в него ребёнка и крышку захлопывают, чтоб ребёнок не замёрз по дороге. В этих «подводных лодках» даже делались маленькие остеклённые окошки впереди. Но всё-таки зрелище того, как по улице друг за другом в одном направлении идут люди с «гробиками» на детских саночках, производило жутковатое впечатление.

Зимой мороз в посёлке доходил до пятидесяти градусов. Кто мог, все сидели по домам, не высывались. Был набег волков, которые съели собаку на цепи, она ведь

убежать не могла. Не было бани. Чтобы помыться, приходилось греть кипяильниками много вёдер воды, и пока человек стоял в тазике на кухне, его поливали из ковшика. Вода тут же остывала, и чтоб не простудиться, приходилось спешить...

Так вот, бывали случаи, что на урок приходило в несколько раз больше учеников, чем записано. Тоня видит, что есть посторонние и просит их выйти, надо вести географию. Не уходят. А зачем вы пришли? Молчат. Тогда она начинает толкать речь о смысле жизни здесь, почему не хотят засыпать щебнем дороги, почему люди валяются у чипка и чего хотят от властей. Молчат. Когда она после звонка выходит, и они с мужем домой идут, за ними по грязи, потёмкам и лужам идёт остальная толпа, тоже молча. Что это было? Возможно, они смотрели на неё, как на эстрадную диву в её бархате. Она же вся горела полемическим задором, а они улыбались, хмыкали. Дива распалаясь, а они, наверно, думали, когда же она сбежит. И не было в ней никакой забитости, страха перед матерью или начальством... Ничего, кроме веселья и озорства. Просто фонтан легкомыслия.

«Понимаешь, — рассказывала Тонечка Вальке, — я ничего не боялась и доходила до крайности. Дерзила всем — и ученикам, и администрации. Мне казалось, я одна всё знаю и понимаю и даже другим могу указывать. Но что я знала о страшной жизни в посёлке? Ничего. А они и так все бедные, не жизнь у них, а настоящий ад... Вот когда начала что-то понимать, пора уже было рожать, и я уехала. Наверно, Толик из детства осудил бы меня, как фитюльку. Но Толик был далеко...»

...Вообще у Тони была своя теория о том, что её научила дерзости институтская подруга Семечка. Дружба с Семечкой имела для Тони и плюсы, и минусы. Если раньше она готовилась к семинарам и зачётам долго и тщательно, теперь времени оказывалось совсем ничего.

— Чтобы сбежать в библиотеку, мне надо было придумать и соврать Семечке про несуществующее свидание, — смеялась Тоня, — а в библиотеке я помнила, что курсовую мне придётся писать и за себя, и за неё. Однажды даже пришлось самой и защищать этот курсак — Семечка внезапно попала в больницу «по женскому вопросу». Пошла я защищаться сперва со своей, а потом с другой группой, и зачетку Семечки подсунула. Преподаватель не заметил ничего или не признался, только буркнул: «Вы, Семёнова, опять колер сменили...» Ещё бы — она черненькая, я русая... Смеху-то потом было... Наверно, поэтому всё же Тоня стала немного Семечкой...

В ту ночь в посёлке Валя узнала необычную личную историю Тони.

Они были с Семечкой на вылазке и шли обратно на электричку.

...Грустный парень в очках сидел и жёг костер. Смотрел в огонь и переворачивал палочкой картошку в золе. Семечка тут же забыла, что они от кого-то бежали, и по привычке стала его цеплять. Тоня молчала. В обратной электричке ехали вместе. Парень тоже молчал и без конца смотрел на подругу Тони. Это ж был фейерверк, а не девушка. У Тони заняло сердце. Антон не был похож на других. В сумке у него лежал толстый географический атлас и роман Мелвилла. И он никогда не ездил в лес с компанией. Он был такой молчун, этот Антон.

Тоня закончила свой естгеофак, Антон — строительный институт. Они уже встречались, но он всё молчал. Проблемы с Семечкой продолжались, и однажды Тоня вскользь бросила:

— Когда уже она угомонится! Сколько можно!

На что строгий Антон сквозь зубы бросил:

— Брось, ты такая же...

Она вздрогнула. Выпускные у них не совпали. На её выпускном он уже был как её жених, а на своём он появился с Тоней как с невестой. Ночью у фонтана он сказал, наконец:

— Поехали со мной? А, жена?

У Тони брызнули слёзы, и Антоша целовал её в слезах.

— Так почему ты письма мне писала такие? Отчаянные? — терялась в догадках сестра Валя. — Что тут у вас было?

Тоня ей писала в панике, что молодой муж избегает близости с ней... «Он меня целует, обнимает, но... больше ничего. Игнорирует! Зачем я выходила за него, не понимаю! Наверно, он больной какой-то. Тем более у него такие жуткие командировки! Строит школу в глухом посёлке, и я подолгу одна... Понимаешь, Антон оказался слишком целомудренным человеком, — задумчиво сказала сестре Тоня. — Он расстроился из-за моей хорошей подруги Семечки, узнав, что она сделала два аборта. До меня никого не любил. Думал, что я такая же, наверняка не девушка, и боялся, что ему будет противно. Месяц он меня вообще не трогал. Характер показывал. Потом уехал в дремучие леса, потом приехал ещё через месяц со стройки. Я-то уже внутренне простилась с ним, купила вина, сделала ужин и решила сказать ему всё напрямик, что уезжаю, ну, чтоб

красиво, без скандала... А он вдруг как схватит меня!..»

Она всё время вспоминала Толика как точку отсчёта. Считала его равным себе, но откуда? Она с ним никогда не разговаривала, просто смотрела и думала, думала... Светлые полуприкрытые глаза, нервно отросшая стрижка и белое пятнышко на скуле. Но на просвет знала, что он её понимает и много лет спустя, и даже старый понимает её, старую.

А уж когда молодожёны из глухого посёлка в свой город вернулись, из туманной дали чётко проступили и машина-стиралка, и мебель, и ремонт самого дома. Надо было всё и сразу. Началась такая круговерть! Только деньги из тумана никак не проступали. Из тумана проступали деды, чтобы остаться тут навсегда. А куда им ещё деваться, только к внукам.

Первой слегла баба Наталья, со стороны Антошиной матери. Сами-то родители Антоши в пригороде Ленинграда обитали, строили там электростанцию — и остались. А бабки, куда же их... Баба Наталья лежала с ногой, её перевезли к себе. Она год целый всех изводила, ела по часам и кричала, что помрёт с голоду. Но померла она от диабета и кричала от него же. Перед уходом она заботливо отписала внуку Антоше квартиру, которую починили и стали сдавать. Деда эти с отцовской стороны были уж вовсе старенькие, за восемьдесят, но успели понянчить старшенькую дочь Тони, Медину. Упадут, бывало, на кровати без сил, а сами ногой коляску катают. Такие честные деды были.

Потом пришел черед деда Гоши. Ему всё было жарко. И он перестал одеваться перед выходом на улицу. Всё твердил, что в подвале деньги замурованы. Его, конечно, не слушал никто, мол, бредит старик. Он так и простыл на ветру, умер от воспаления лёгких. Баба Надя — лежачая, велела на веранде постелить плёнку и помыть деда. Вот Антоша и стал мыть, потом завернул в пододеяльник и кое-как сам одел. Пока Тоня сидела с малой и одной рукой варила щи, Антоша мотался на кладбище. Он жутко торопился, потому как жара была. А схоронив деда, встретили родителей, которые примчались на другой день на похороны из пригорода Ленинграда. Сам же Антон упал с температурой сорок. Родня сказала, что надо было лицо закрыть, в маске деда-то мыть. Какой-то дух заразный пошел, вроде трупного яда.

С того дня баба Надя каждое утро просыпалась с криком: «Гоша, не тяни за ноги! У тебя руки холодные, за ноги не тяни!» И какими только лекарствами её не поили, она говорила, что деда Гошу видит, как живого, обряженного внучком в полосатый костюм с орденовыми планками. Три месяца он её тащил и всё-таки утащил. Операция с клеёнкой на веранде повторилась, только теперь Антоша и Тоня в масках были. Та ещё работка. От неё долго отойти не можешь.

Это были первые деды, самые тяжёлые. Гоша через два ломали подвал во дворе и нашли горшочек с монетами. Такое было потрясение. Прости, дед Гоша. А когда горшочек сдали, денег получили всего ничего. Рубль-то обесценился.

* * *

Бабочки осели обратно в траву и вспыхнули ноготками, настурциями, львиным зевом, бархатцами. Только что их была туча, от этого мельканья, трепета, шороха рябило в глазах. И уже застыла туча из бабочек лепестками цветков, и Тоня стала поливать цветы, прибрала мётлы и ведра, заведующая пришла как раз, она с утренней работы прибежала, мыла пол в банке. Заведующей Эве Эдуардовне Куцей, тайно прозванной Эволюцией за интеллигентность, все сочувствовали. Тяжёлая история с сыном получилась, в армии ему всё нутро отбили, а потом ещё и мать в госпиталь не пускали. Кое-как через Совет солдатских матерей удалось его из госпиталя увезти, и справку выдали — к службе, дескать, негоден. Эва стала выхаживать сына, не надеясь ни на что. Вот уже полгода это тянется, надо Эве успевать на пяти работах, да творог, масло, сметану из деревни возить. Сама Эва ничего этого не ест, но все понимают, соглашаются внутренне, творог разбирают...

«Тонечка, вы два берёте? Один? Ну ладно, два творога и сметана. И ещё одно дело! Разумеется, меня предупреждали, но всё-таки поймите правильно, случай исключительный. Люди интеллигентные, о, это что-то. Сама из номенклатуры, дочь в банке, мать была в Питере, вернулась. Сын у них. Не выручите, посидите? Нет, в садик его, проблемного, нельзя, сильнейшая аллергия. Ничего, ничего нельзя. Вы уж как-нибудь, Тонечка. Знаю, что сложная ситуация: дом, дети, муж, старики. Всё знаю, дежурите аккуратно, воспитателей подменяете. Дети к вам льнут. Да никаких рекомендаций, слова моего довольно. Сколько ни дадут, всё больше, чем наши ставки в садике, а питание у них будет трехразовое. Стаж не прервётся, ну, ставку сторожа я вам оставлю. Совсем недалеко отсюда — квартал. Вы поймете. Нервное дитя, не разговаривает».

Эпизод 2. ЛЕПЕСТКОВЫЙ УЗОР

Почтовый ящик.

«Валь, сначала о моей новой работе. Никакой соцзащиты, практически рабство. Сажу в закрытой квартире. Смотрю за ребёнком. Бабушка его находится здесь же. У неё сломана рука, поэтому она часто сидит на кухне, варит еду. Ребёнка зовут Кузьма, ему два года. С таким маленьким вроде несложно. Он ещё не показывает свой характер. Папа его живёт в Москве. Своя фирма по продаже, сначала сахара, затем различных комбикормов для сельского хозяйства. Купил квартиру у нас в городе, в элитном районе, называется — «Немецкий городок». Мама ребёнка работает в банке, живёт со своей мамой рядом с моим домом. Поскольку мама с папой не живут вместе, я работаю две недели у мамы, а две недели в Немецком городке у папы. В вопросах воспитания папа с мамой не согласны, но мама не согласна и со своей мамой. Работать в этом треугольнике — кошмар. Однажды днём у ребенка поднялась температура. Я позвонила в банк, мама сказала, что перезвонит папе, так как его сестра — врач, и вообще она скоро освободится и придёт. Забегая вперёд, скажу — она не пришла даже в семь вечера, хотя официально я работаю до пяти. Через два часа, поняв, что помощи не будет, позвонила на работу бабушке, которая уже вышла на свою работу в прокуратуру. Она заверила меня, что придёт врача, а вообще это дело мамы, а не бабушки. К тому времени ребёнок перестал бегать и играть. Стал ныть и звать маму. Через два часа помощи не последовало, я позвонила папе в Москву и пригрозила, что вызову участкового или дам антибиотик сама. Папа взмолился — только не это, он сейчас позвонит сестре. От сестры никто не приехал, а у ребенка поднялась температура сорок. Я всё время носила ребенка на руках, он метался в жару, дико ревел. А родственники переругивались по телефону, регулярно звонили мне, что сейчас или вот-вот помощь будет. Наступило пять вечера, я одна в закрытой квартире. Ребёнок лежит на диване, как тряпочка, не подавая признаков жизни. Я растолкла таблетку бисептола, что нашла в квартире, разболтала с водой и залила ему в рот. Час он лежал тихо, потом началась дикая рвота, он очень аллергичный, поэтому обычные врачи его не лечили. Я его умыла, сразу упала температура. Он заснул у меня на руках. Так мы и сидели в темноте в лужах рвотных масс. Зато ребёнок тихо спал без температуры, спокойно дыша. Скажешь, почему я раньше так не сделала. Мне запрещено самой принимать какие-либо меры или решения. А все прибежали в семь вечера. Врубили свет и громко загалдели. Ребёнок повис у меня на шее и не хотел разомкнуть руки. Еле оторвали. Конечно, такие события, угрожающие жизни ребенка, происходят нечасто, но каждый день какая-то мелкая бестолковщина бывает из-за того, что люди не разговаривают друг с другом. А всё передают через меня. Например: «Передайте маме, что, если она не будет смотреть за ребёнком, я лишу её родительских прав». А когда ей смотреть-то, как она с работы приходит в семь вечера. Бабушка мечтает всучить свою дочь мужу, потому что они живут раздельно, но не разведены. Сама бабушка мечтает устроить свою личную жизнь. Мама бегает по друзьям в выходные дни или висит на телефоне. Папа грозит, что отдаст ребенка в суворовское училище, так как в этом доме нет никакой дисциплины. И это в таком нежном возрасте, что будет дальше? Обе женщины в этот момент рыдают, заламывая руки. Занавес.

Вот такая работа примерно. Нужно со всеми спокойно говорить, не принимая ничью сторону. А каждый мечтает затащить меня в свой лагерь. Типа на суде вы будете говорить то-то и то-то, а это не говорите. Потому что все враждуют друг с другом. А ребёнок между всеми. До суда, правда, не дошло. Поэтому нужно не болеть — все работают, и ребенка некуда девать. Не уставать, так как после работы все задерживаются, никто не собирается менять меня в пять вечера, как договорились, приходят после семи, надеясь, что кто-то пришёл бы первым и меня отпустил. Никакого отпуска — иначе зачем я нужна. Мамочка была в июле в отпуске и ни одного дня не сидела с ребёнком, бабушка в августе была в отпуске — ни разу пораньше не отпустила.

А я на заработанные деньги сделала себе зубы, купила Милке пальто, купила ей дачу, на которой буду работать сама, конечно.

О работе моего мужа. Теперь он работает в районе, так как строительная фирма его строит объекты в сельской местности. Приходится ездить по командировкам, ночевать в нетопленных бытовках в степи, питаться одними бутербродами, а иногда и без них и без чая. Одежда не успевает высохнуть за ночь от дождя и снега. Командировки длятся по три дня, а иногда и по пять. Приезжает — отсыпается, отъедается и опять в траншею или котлован. В общем, ничего хорошего, но платят регулярно. Работает, как раб на плантации.

Медина завела кошку, поэтому при её отсутствии Милке приходится идти ноче-

вать к ней на квартиру (которая от бабы Наташи) и кормить кошку, заодно что-нибудь помыть и постирать. Последний раз до четырёх утра что-то отмывала там, а к восьми утра пошла на работу. Ну не лапочка?

Что со мной. Как всегда, работаю на трёх работах, держу дома собаку, которую выгуливаю по утрам и вечерам, что-то готовлю, стираю. Связала Медине кофточку, Камилле — типа водолазки что-то, и пошла длинную юбку. По выходным — на дачу. Как там хорошо, всё плохое забывается. Красота и простор. Забываю о проблемах и времени. Растворяюсь в пространстве, этом звенящем от пчёл воздухе, дыхании Земли. Это чудо какое-то. Посадила лук, чеснок, укроп, нарциссы, тюльпаны, гладиолусы. Яблок было много по осени, облепили полно. И тыквы, конечно. Мы с Милой уже распланировали работу на весну. Антон не видит дачу в упор — не поеду, не приставайте. Ему на работе сельских радостей хватает. Нам необходимо сделать забор от коров и приобрести ёмкость для воды, врезаться в общую водопроводную трубу. На следующий год будем копать котлован. Вообще-то у меня мечта — машина. Ты скажешь, что раньше я мечтала о картинах, а теперь о машине. Вот так прозаично. Нужно на даче много инструмента, да и урожай вывозить.

По-прежнему покупаю много книг. В основном духовные. Но есть и тема царской семьи. Мила погружена в технические науки, ей сейчас не до этого.

Мне очень хочется пошить себе костюм или хотя бы юбку, ведь у меня теперь такая замечательная машина, шьёт ткань и трикотаж даже кому, но времени у меня совсем нет. Всё работа забирает, но я живу надеждой.

*Не покидай меня, надежда,
Когда над пропастью стою,
Дай руку мне свою, как прежде,
Чтоб удержаться на краю...*

Плохо, что дождь и снег, все равно поеду на дачу. Зато оттуда приезжаешь обновлённой, и все кажутся хорошими и добрыми, а город кажется приветливым, а уж мой собственный дом кажется дворцом со всеми удобствами, и собачка кажется славной и рычит совсем негромко и недолго, даже мать звонит и ругает за что-нибудь — всё это кажется пустяком. Так на меня действует дача. Постараюсь весной тебе её сфотографировать, чтобы передать то состояние радости.

У Медины будет выставка, сейчас она рисует твой портрет карандашом. Там ты сидишь с цветами в волосах, в жизни так не бывает, но это же её представление.

Сейчас я вспомнила, как Мила говорит про пять стадий дачного настроения: стадия радости и энергичности, стадия боевитости, стадия мышечного подъема, стадия приятной усталости, стадия полного равнодушия и можно уезжать. Ха-ха. Мила любит всё по полочкам разложить. Ребёнок проснулся и мешает писать. На этом заканчиваю. Тоня»

Когда Тоня строила дом, она мечтала, что детям будет свой угол. Чтоб каждой дочке по спальне, чтоб посредине большая гостиная с круглым столом, чтоб у мужа рабочий кабинет, а у неё большая светёлка со швейной машиной. Они с мужем десятый год горбятя, два этажа вывели, нулевой — всё никак. Но вы не думайте, они потом доделали и нулевой — там уже есть как бы теннисный корт, но пол пока без покрытия. Хотели сделать в подвале гараж со въездом с улицы. Но что-то не рассчитали, и верхний край оказался ниже, машина не могла проехать внутрь. Это было сильное расстройство для владельцев...

Хотели бассейн, но ладно уж, без бассейна. Дразнились дочки: бассейн выложить золотыми монетами, ни одной серебряной, будет хоть одна серебряная, не зайдём и родных не пустим, чтоб не позорились. Но позориться теперь особо некому. Старшая хоть и живёт дома, но как бы уже отдельно, младшая тоже когда-то уйдёт. Кому останется этот дом, эти невозможные хоромы — столовая, кухня, два кабинета, библиотека, ванная, два туалета, пять спален и веранда крытая? Муж строил с запасом, загадывая на внуков.

Старшая дочка Славновых — Медина — такая оказалась красавица, просто сумасшествие, с шестнадцати лет мужики убивались по ней. Крутейшая грива разноцветных от природы волос — полосами темно-русыми и белыми, как при мелировании, глаза, хмельно сверкающие серо-зеленым, слишком тяжёлые глаза для детского-то лица.

Коммерсант её выслеживал, когда экзамены сдавала в колледже. Тоня сторожила её, чтоб не бегала по ночам, так этот коммерсант Гена складывал цветы кучей на крыльцо. Выйдешь утром — ах-ах-ах. Прямо в конвертах, сверкающих с лентами из цветочного магазина, а то и в горшочках, но тоже с лентами. Однажды Тоня пришла с работы, а старшенькая мимо неё вихрем: «Гулять!» Какие могут быть гулянки перед

экзаменом? «Мама, я умру (умоляюще). Мам, да ничего такого. Он просто дарит цветы, говорит всякое, в кафе водит — просто...»

Ночью пришла, рот до ушей: любит. И бряк на трюмо пузырек с духами в бархатной коробке. И ещё коробки. И шоколад. И Тоня не выдержала. «И ты на это барахло польстилась?» — «Не барахло, это стоит шесть сотен, сама видела». — «Ах, ты видела? А ты вот это не видела? — грубый жест Тони. — Когда дарят — приятно. А когда платить?» — «Мам, ты плохо думаешь о людях. Гена бесподобный...» — «А какой бесподобный? Ну, машина, ну, деньги, ну, в белых пиджаках ходит. А сам лысый и на четвёртый десяток».

Старшенькая Медина — рыдать. Вот так она экзамены в колледже и сдавала, в лихорадке — по ночам по окнам прыгала, когда он из машины сигналил. Высунет голову в форточку и заливается смехом на всю улицу. Он что-то говорит отрывисто из открытой машины, а она прямо из форточки готова выпасть. Гоняла её Тоня от форточки, гоняла, потом экзамены кончились, надо на работу идти, а Медина как чумная — я не стану работать, да зачем мне работать, у меня и так будет всё. Глазищи в пол-лица слезами налила, под ними контрольной математической школы девочка набрала висб разметались вокруг лба. Что ж, совсем обезумела девка, это в шестнадцать-то лет, а что будет в двадцать?

Дочь Медина имела гордый характер и большое упрямство. Её когда-то с трудом взяли в математическую школу, а потом школу отстроили заново и открыли в другом районе. Можно было бы перевести её в ближнюю школу, но нет, так и продолжала ездить в далёкий район все десять лет. Каково было ездить встречать её на двух автобусах, а потом ждать с замиранием сердца.

Медина наряду с сильным характером имела много дарований. Есть дети с гуманитарными способностями, а есть с техническими. Так, у Медины рано проявились способности к математике и физике, а рисовать она начала ещё в детском саду. Было понятно, что лучше её в художественную школу отдать. Она туда и пошла с первого класса. Но на конкурсной контрольной математической школы девочка набрала высший балл. Там и обучение было платное, так нет, её приняли на бесплатное. В серьёзных вопросах ей всегда везло...

* * *

Когда полощет дождь, Тоня садится распаривать старые пальто и платья. Она всё это по швам разделяет, у неё специальная штучка есть, загнуто-острая, чтоб не надевать дырок. Потом всё постирает, выгладит утюгом «Ровента» на пару и начинает резать квадраты или ромбы. Если ткань не сыплется, значит, можно резать зубчиками и шить поверх. Когда накопится квадратов целый пакет с ручками, Тоня кладёт всё на пол и составляет узор. Бывает, она сидит над этим неделю, бывает — месяц. Вся эта штука началась, когда она купила книжку по лоскутному шитью, английскую. Там всё было показано, как делать. И Тоне полюбилилось делать из дерьма конфетку. Когда из драпа, когда из хлопка.

А когда показала результат заведующей, та просто села. И плеская руками, не верила, что одеяло то самодельное. Ткань как новая, хлопок с блеском, вроде сатина. А посредине огромный как бы пион. Лепестки расходятся от центра до краёв по кругу, в центре — голубовато-белое, а дальше всё темнее, до густо-сиреневого.

Тоня долго смотрит, голову наклонит, всё улыбается, мечтает, вертит так и сяк, отходит к окнам слушать дождь. Распахнет все окна на веранде, ветер раздувает занавески, и они по ней скользят и бьются. А Тоня смотрит вниз со своего второго этажа и видит, как во двор машина едет — Гены этого поганого. И старшенькая, ясно, вылезает и бежит домой вся в ворохе букетов и бутылок с французскими духами. Купили девку за рубль двадцать.

А младшую Тоня никогда не видит и не слышит, когда приходит. Тихо та идёт, ключами не швыряет, кошку не пугает и ботинки моет сразу.

«Ты будешь, родненькая, свежие котлетки?» — «Не надо, у меня пост». — Ты в сквер пойдёшь с подружками?» — «Я лучше почитаю». Ну, никуда, никуда не ходит ребёнок, и разницы у них всего-то четыре года.

Тоня смотрит в сад, как груши-яблони колошматятся в дожде, ветками топорщатся, в окна лезут, мало им на улице пространства. Зеленые яблочки стучают по цветам, и цветы прибывает к земле. И как это одно растение топчет другое? Не может же этого быть. Надо что-то думать с дочкой. Надо увезти её куда-нибудь, сбержечь.

Тоня взяла молитвослов и стала читать молитву ко всем святым и бесплотным небесным силам. Она просила оградить целомудрие дочери от насилия и так молилась

каждый вечер и каждое утро. Почему-то не за обеих, только за одну. Вторая была по-твёрже и сама всё понимала. И младшенькая Камилла молилась. Они читали каждая в своей комнате, но думали дружно одно. Это на кухне они были Донка и Милка, а когда дело касалось судьбы — то дело другое. Медина и Камилла. Всю жизнь Тоня строила дом, а теперь, когда он стоял и каждый имел свой уголок, было почему-то тревожно — вдруг они всего лишатся? Говорят, что самосвалы создают на мостовой вибрацию, и в домах идут микротрещины...

Антон приехал со стройки, где ставили бензоколонку по последнему слову техники. Он пять дней работал, ломил там, а на выходные приезжал. Раньше-то при городской работе мог кран подогнать и раствору забросить и рабочему дать подкальмить. А теперь не стало в городе работы, так он и рванул в село. Да ведь и все рванули в село. Всего ночь езды. Да привозил свежего мяса по дешёвке. Антон любил комфорт и ванну хоть раз в неделю... А тут одна работа бессменно. Он не выбирал профессию, родители выбрали, а он по их стопам.

Вскоре заведующая Эволюция помогла им купить путевку в хороший санаторий. Старшенькую собрали тщательно и увезли на такси рано утром, в четыре часа. Вывели её, как больную, под белые руки. Она молчала, не брыкалась. Вечером того же дня был Гена, и узнав, что любезной нет, умчался на своей поганой открытой машине с перекошенным лицом. Он крикнул в окно, что сожжет дом, раз такое дело!

Дней через несколько, когда Тоня была в саду с младшей, постучала в уличную калитку девочка. Беловолосая, в шортиках, майке и с сигаретой. Тоня думала, что это к старшенькой подруга, и крикнула, что той нет! Но девочка помотала головой и сказала: «Я знаю, выйдите». Тоня сполоснула руки в бочке, подошла. Девочка сжимала ручки на груди, то бросалась курить, то забывала о сигаретке, и та гасла.

Тоня была в плохом расположении духа, её мучила тревога о старшенькой. Она смотрела на полыхание цветов в саду. Особенно на гелиосы, они растут такими кустами. Это ей напомнило пожар в детстве. Однажды, собираясь на работу, её мать второпях не выключила электрическую плитку. Плитка была с открытой спиралью. Тоне нравились спиральки, которые из серых становились красными, краснея постепенно. Плитка осталась включенной, хотя и была на минимуме. Не заметив, мать набросила на неё туго накрахмаленную салфетку, так как любила идеальный порядок. Салфетка не легла ровно, а стала домиком над плиткой. Тоня позвала, указывая на плитку, пыталась матери сказать, но та торопилась, не хотела слушать и ушла, закрыв дверь на ключ. Девочка стояла посреди кухни не шелохнувшись и смотрела на салфетку, её охватывал ужас. Надо было что-то делать с этим ужасом. Какое-то время всё было тихо. Потом на салфетке проступили коричневые пятна, и она стала оседать на плитку. Потом пошел небольшой дымок. Может, всё потухнет само? Глеющая салфетка стала вонять дымом. Появилось настоящее пламя.

Огонек был маленький и упругий. Он перескочил на штору. Штора немного подымила и загорелась. Дым заволок всю кухню. Стало горько дышать. Огонь дошел до форточки и усилился. Соседи, увидев пламя, сообщили в сельсовет. Мать была в полях. За ней послали грузовую машину и быстро привезли домой. Тоня пыталась дышать через замочную скважину, она была большая. Но дым всё равно ел глаза. Когда мать приехала, распахнула дверь — шторы уже сгорели, и потом долго был закопченный потолок. Мать набросилась на дочку с руганью.

— Это ты, паразитка, подожгла! Зачем брала спички?

Нет чтобы на пожар смотреть, на ребёнка, жив ли. Так она — наоборот. Она хлопала руками по лицу, по голове и плечам. Конечно, это не родная мать — мелькнуло в голове Тони. Она пыталась сказать, что не виновата, это салфетка всё. Лучше бы она этого не говорила. Мать напала с новыми обвинениями. «Ты, брехливая дура, хочешь вину на мать переложить. А на самом деле это сделала ты, сволочь...»

Остатки огня потухли сами у потолка. Плитка была выключена. «Четырехлетняя брехливая сволочь» старалась не плакать, но какой-то противный ком стоял и стоял в горле, не глотался. Слёзы лились ручьями от такой несправедливости. Наконец, мать вышвырнула растерянное дитя за порог, чтобы прибраться, и оно побежало реветь в кукурузу. За длинными хозяйственными сараями было кукурузное поле, и ходить туда было запрещено. Кукуруза росла рядами, тесно, и зайти удалось не дальше третьего ряда. Тоня редела долго, потом увидела розовый выюнок под ногами. В нем спал муравей. Присев, она подула на него. Он зашевелился, но не убежал. Он развалился в этом разовом ложе и, наверно, наслаждался тонким нектаром цветка. Тоня маленькая долго смотрела на цветок и на муравья. Вздыхала. И успокоилась.

...Взрослая Тоня вздохнула, отгоняя рукой ото лба внезапное воспоминание. Перед ней не качалась стена кукурузы, а была перед нею чужая дочка с каким-то своим горем.

Девочка, запинаясь от волнения, просила тетю Тоню простить её папу. Ведь папа любит вашу дочь безумно, он сделает её счастливой. Тоня обомлела, когда до неё дошло, чья девочка. Да ведь это Гены поганого дочь! Ну, неужели до такой он степени дошел, что подослал своего ребенка? Зачем впутывать ребенка? Как вообще можно ребенка в такие разборки впутывать? Поймёт, что она на последнем месте у папы. На первом — ясно кто...

— Да. Это я и есть, Антонина Петровна. Но вы не плачьте, девушка, никак я не могу вам ничего обещать. Они не пара, понимаете, ну, вот и вы не понимаете. Деточка, ну вам ли это решать? Зачем вам этот кошмар? Рано, рано вы во всё это вникаете. Ваша мама знает, где вы? Да и как со стороны говорить? Вам бы лобик ваш ангельский над рефератами морщить, а вы? Но я не сомневаюсь, что вы с добрыми намерениями. Не все, не все дети так переживают. Обниму вас. Не плачьте, милая...

И Тоня готова была принять её в свою группу, как в садике, чтобы опекать и так далее.

Тоня, видя перед собой себя маленькую, обняла девочку в шортах, пожалела её... Проводив ребенка, Тоня долго стояла в саду, забыв про виноград и флоксы. Их розовые лепестки устилали землю душисто и немо. Сначала шапками идут, шапками, точно пена на варенье прет, а потом застывают, вроде облитые лаком. И вот уже смяты края, сдуваются шапочки, все. Всё нежное должно погибнуть, чтоб опять расти. В мире полный ужас и бесчестие. А старшенькая далеко. Там есть охранник, его муж нашел за хорошие деньги. И он честно будет охранять. Дочка будет гулять у озера, крепко спать. Будет ванны принимать, питаться по диете. Она успокоится. Там, говорят, хорошая культурная программа. Экскурсии там, природа и всё такое.

А чтоб зря не плакала старшая, не металась, мать её Антонина сидит и читает молитвы. Утром рано, прежде всякого вставания-потягивания, в ночнушке, стоя перед массивными иконами босиком, Тоня читает тихо и страстно. И ночью, когда сидит на дежурстве, накинув старый плащ, положив молитвослов на детский столик с ежиком. Потому что старшенькая — вся Тонина любовь и надежда, вся мечта о чудесной беззаботной жизни, всё то, что вытерпела Тоня — это ради неё, старшенькой. Для её непрерывной и нескончаемой радости, для сияния её италийского личика.

Сосредоточившись на том, чтобы отдалить беды от старшенькой, Тоня не была сурова с младшенькой, Милой. Она её не уговаривала, просто за неимением сил говорила как с равной. И подвязывали виноград они вместе, молча, и старые кофты в церковь несли вместе, и на дежурство в ночь вместе шли, молча.

А однажды, когда младшенькая, поймав усталый Тонин взор, поднялась мыть посуду, Тоню вдруг осенило — её по-настоящему, безмолвно слышат и угадывают её мысли. Ей несподручно было говорить вслух, иногда неудобно, ей казалось — она всё должна сама делать и умеет лучше других. Но младшенькая угадала без слов. Да, она была больше, чем дочка, больше, чем подруга или сестра. Она была её Ангелом-хранителем.

А когда соседка попала в беду, они вместе побежали в церковь заказать молебен. Тоня, отстояв службу, засмотрелась на полупустой уже храм. Младшенькая Камилла молчала, устремив глаза под купол — не рассеянно, а пристально смотрела. В шелесте и гулкости большого помещения она не была случайной в луче света. Она была частью всего этого. Не потому, что знала молитвы, правила исповеди и всегда знала, куда и кому надо поставить свечу. Всё это она делала легко, машинально, поглощенная другой, более важной мыслью. Как будто ждала младшенькая, что её терпеливое бдение вот-вот вознаградится. Спокойно было лицо её, спокойна белосметанная трепетная кожица, всегда опущены глаза при очень поднятых бровях. А здесь — она стояла, устремившись вверх, и не было сомнений больше — она видела то, что не видела Тоня. Уняв счастливые слёзы, Тоня прошептала: «Разные, до чего разные». На выходе её обнял ветер — шелестом и шепотом в уши. Листья над головой шевелились, пропуская вспышки и пригоршни солнца — его, солнца, отряхаемые лепестки. На Тоню тоже падал этот зыбкий золотой свет, и она думала об этом благодарно. «Господи, спасибо за всё». Она хотела бы собрать отдельные лепестки в один легкий ковер. Собирает же она треугольные лоскуты в узор покрывал: по отдельности ерунда, мусор, а вместе — такое любование. Даже хмурый муж, увидев её новое покрывало, молча остановился, тоже не поверил, что оно самодельное.

Эпизод 3. ПОЛЮБИ ЗА ДЕНЬГИ

Мальчик, мальчик беловолосый в это время ждал, как решится. Он сидел столбиком на необозримом диване, сложив руки на коленках. Ноги подогнуты по-восточному, штанишки крохотные джинсовые, в сверкающих заклепках, майка банановая желтая. Непослушный мальчик, он у доктора не хотел как следует открывать рот, и теперь мама Джина обиделась. Она будет греметь крышками, напевая, что-то варить, говорить в трубку, перекивая телевизор, потом открывать окно, кричать в окно с картошкой в руке. Она будет всю балабанить, не замечая его, мальчиговых, слез. А мальчик Кузя такой — он тоже первый не подойдет. Он тоже хотел бы посмотреть телевизор и балабанить. И когда Джина отойдет из большой бутылки желтое, просить себе сок или коку. И ему бы тоже дали детский сок, а коку нельзя, покроешься. Мама Джина гремела, Кузя терпел. Потом пришла баба Ульяна, стала качать головой и молчать. Она платочком Кузины слезки вытерла и на кухню. Ала-бала! Ала-бала! Стали на кухне с мамой кричать. Кузя терпел.

Когда папа уезжал в свою работу, он сказал:

— Терпи, Кузя. Всё будет бананово.

И Кузя терпел, не орал. Но потом опять бананово не было. Что толку терпеть? И тогда он лег тихо на спинку и уставился на круглый аквариум у дивана. Там цветные конфетти кружились замедленно, листики желтые и красные опадали, ниточки зеленые извивались. Рыбки шныряли, как молнии — чирк, чирк. Им всё можно, ему нельзя ничего. Автомат купить нельзя, папе звонить нельзя. Тогда он взял да и толкнул аквариум ногой! Сам не понял, зачем. Бдрым-м-м! Он не испугался, а стал смотреть, что будет. Рыбки заскакали по коврам. В это время звонок у двери. Ку-ку, ку-ку. Папа звонок повесил для Кузи, чтобы лес был.

Вбежали баба Уля, мама Джина и тетя. Стали руками плескаться да вздыхать. Мама и баба — ала-бала, ала-бала! Тетя рыбок собрала в баночку, аквариум подняла. На ковре полотенца разложила банные. Подошла к Кузе, погладила по голове и сказала:

— Скучно? Тебе скучно, Кузя? — он закивал. — А рыбки могут желание исполнять, знаешь? Но только золотые. А ты их вылил.

Кузя подошёл, показал пальцем на вуалехвоста в банке, который не плавал, а тупо лежал на дне.

— Бо-бо.

— Конечно, Кузя. Болеет рыбка. Не делай так, — он опять сел столбиком на диван. — Кузя-а-а, — вкрадчиво сказала тетя. — Ты — Кузя, — и она положила ладошку на Кузину грудь. — А я — няня Тоня, — и положила руку себе на грудь. — Няня. Подружимся, что ли?

Ладонь была тёпленькая. Кузя взял её руками и снова к себе приложил.

С первого дня голова у Тони загудела. Этот дом все силы у неё вытягивал, и не брезжило никаких просветов. Джина работала в банке, уходила рано, поэтому Тоня старалась смотреть на работу, убрать садик как можно раньше, сбежать домой, пошурудить на кухне, потом сразу в особняк Зерниных, кормить Кузьму, гулять Кузьму, потом разговаривать, заниматься, потом быстро на рынок, ребеночка-воспитанника на ручки, больно уж он тихо ходит.

По рынку Тоня неслась быстро, ведь мама Джина могла случайно увидеть её, и тогда всё воспитание быстро бы кончилось. Джина наполовину грузинка, гордая такая. Чуть что не так — вскидывается.

Мальчик нежный, сонный и безразличный, только покачивался на руках, как на верблюде. Пока Тоня платила, он мог схватить яблоко, сливу, и продавцы даже не возмущались, махали рукой — идите, идите с ребёнком. Но Тоня, отбежав, отбирала у Кузи всё, что он прихватил. Не углядишь, в рот потащит. Так получилось однажды. Схватил клубничину, сунул в рот молчком, а проснулся после тихого часа страшной атомной войны. Мама Джина с работы, а тут не пойми кто сидит! Какой-то осьминог вареный.

— Кузя! Тебе нельзя мандарин! Ты сыпью покроешься!

Но стоп. При няне Тоне эти выходки прекратились.

А когда приехал папа из Москвы, он велел няне Тоне переодеть платье и идти в машину. Джина вышла в макияже, а он: нет, лучше Антонина Петровна поедет с нами, она с ребёнком лучше справится, если что. И это маме Джине точно не понравилось. Но Зернину надо было ребенка врачу показать, и он долго не рассуждал.

И когда Тоня через неделю отпрашивалась на выходной, Джина не соглашалась. А Тоня сказала бесцветным голосом: «Извините, Джина, ко мне машина с бетоном придет». Залить бетон надо было в нулевой этаж и на площадку перед домом. «Что-о-о?»

Муж никак не мог, у него другой бетон на стройплощадке был. И когда водитель

подогнал бетономешалку к дому, не торопясь вылил часть через рукав прямо в подвал, оставалось только разровнять. А часть в огромную мульду около ворот. И тут только увидел, что появилась около мульды тонкая женская фигура с тачкой и лопатой. И у него, закаленного человека, перевернулось нутро. Он понял, что это по её душу пришла бетономешалка. Как же она сладит? И бригады все заняты, все в работе. И, чтоб не смотреть, уехал. А Тоня стала разравнивать. Потом тачкой в мульду. Потом сверху воды. Потом у мульды крышку еле закрыла. Ей так спину разломотило, что она зашла и легла на пол на кухне.

Когда опять приехал папа Зернин, он велел Кузю красиво одеть и посадил его в машину джип. Пристегнул. Мама смотрела на сборы, стояла. Но папа снова велел няне с ними ехать. Маме не разрешил. При няне Кузю не бесился. Он только тихо пинал няню ногой и показывал кулак, но няня всё время улыбалась. Няня Тоня, наскоро причесав свои мокрые кудри, держала Кузю за ручку и кивала ему. «Что творят! — думала она. — Помирить их надо. Что ж они как собаки, а Кузю мучается».

— Что ему купить? — спросил Зернин.

— Не надо ничего, — ответила няня. — И ягоды ему нельзя, будет сыпь, а от оружия в нем агрессия. Не надо ему автоматы покупать, он стреляет, грохот, слова нельзя сказать. Игрушки в окно кидает. Людям на головы.

— А что вы советуете?

— Вот таких куколок. Что на ручку надевают. Чтобы сказки играть.

— Да какие сказки. Что вы. Чушь такую современному ребенку.

— Трех поросят.

— Гм, — покачал головой Зернин.

— Вы у меня просили документ об образовании. У меня с собой. Пединститут.

— Да ладно. Вы правда думаете, он заговорит?

— Заговорит. У меня все говорят. Со временем.

Они приехали в какой-то белый кабинет. Там тетки в белых халатах все писали и что-то папе говорили, потом няне говорили. Ала-бала. Кузе было жарко, одиноко, и он заснул. Обрато Зернин на ручках нес.

«Почему же он такой красный? — думала няня Тоня. — Может, от стыда? Может, потому, что я в халате, словно из кухни вышла? Так меня никто не предупреждал наряжаться-то».

Ей было жалко могучего Зернина, который украдкой гладил губами голову Кузи, жаль его, жаль нервную жену Джину, которую даже не взяли на комиссию. Но няня ответила на все вопросы. И как занимается с ребёнком. Куда водит. Джина не занимается, только ругает. В общем, разошлись, а её бросили на прорыв. Эх, родители... Сын вам не нужен. Сами не полюбили дитя, так давай ты, няня. Люби за деньги...

Эпизод 4. СТОРОЖ

После работы в особняке Зерниных Тоня — худенькая женщина в горошистом длинном платье — спешила домой, чтобы покормить стариков. Цистерну овсянки, опять наваренную бабкой, ела постепенно сама, но знала, что завтра будет такая же цистерна. «Мама. Кому варите? А сами не едите». — «Нельзя такую сладкую». — «Так не варите. Варите без сахара». — «А как же? Противно». Беспольный разговор. На дежурство в садик пришла поздно. Огляделась — нет ли щелок света, не засиделась ли заведующая. Нет. Выключилась стиралка, запиликала. Надо развесить белье. На кухне всё вымыто, стоит приготовленная кастрюля с мытой свеклой. Это сварим за ночь. В холодильнике рыбная котлетка и кефир. Ишь ты. Позаботились. На дежурстве Тоня обычно что-то делала, работала по мелочи. Чинила одеяльца, прищепки ломаные. Потом читала молитвы. Окна садика выходили на площадь. И когда на площади проводили праздник, становилосьлюдно и шумно, дежурить было нервно. А тут вроде всё тихо. Музыка не гремит, ракетами не пуляют.

Около двух почти задремала после обхода. Трах! Посыпались стекла! Взяла рупор и на склад. «Стой, ни с места! Сторож, вызывай полицию». А сторожей, кроме неё, никаких. Два алкаша кинулись назад в окно. После рупора вбежал и залаял Дружок. Ох, и голос у крохотного песика! Ну вот, показалось, что он с ней не пошел. Участковые с площади подъехали, и вот уже всё пусто. Акт составили, фанерой окно закрыли. «Антонина Петровна, когда решетки поставите?» — «Поставим». Её трясло. Воры метили на сахар-песок, не успели. «Тихо, тихо Дружок. Умница моя». Какой теперь сон. Сварила свёклу.

В четыре светло уже. Пошла участок подметать.. В песочнице мадам сторожиха обнаружила толстого, хорошо одетого человека. Светлые брюки, дорогая барсетка. «Вставайте, мужчина. Уходите, пока нет никого. А то придут тут из полиции. Объясняй

им». Человек не вставал, только мычал.

По площади проехала с воем скорая. Человек медленно сел, держась за голову.

— Где я?

— В детсадике. В песочнице.

— Вы кто?

— Сторож. Уходим, говорю, уходим.

— Да нет, я спрашиваю — где, в смысле — город какой.

— Воронеж, пригород.

Лицо толстого человека исказилось. Он явно не ждал такого ответа. В чёрных глазах плескалась мука, не выразимая словами. Дружок, склонив голову, тоже скорбно молчал.

* * *

Почтовый ящик. «Дорогая сестра. Уже начинала, но не договорила тебе про Чехова. Больше стала читать, и в основном это на ночных дежурствах. Ну что ж, «Чайка» не понравилась, мура и скукота. Я не говорю, что автор дурак, нет, вернее, просто время было другое, сто лет прошло как-никак, по-другому жили, по-другому рассуждали. Но есть там в пьесе персонаж, который мне понравился, это Сорин, он и разговаривает смешно, и сам какой-то странный, но интересный, прикольный мужик.

«Тут тебя так доймают всяким вздором, что ты первого дня бросишься вон...», «Талант не пропьёшь...» Очень емко, и ярко, и кратко. Смеюсь на этом моменте. А ещё — «у меня никакая наружность, будто я запоем пил...» Теперь если кто спрашивает: «Что с тобой?» — отвечаю: «Это у меня наружность такая...»

И он является братом главной героини Аркадиной. Там так и сказано, что он носит чин статского советника и считается добрым, мягким, бесхарактерным человеком, за это врач Дорн называет его старой бабой. «Люди — скучные сущности, следовало бы вашего мужа отсюда гнать в шею. А ведь всё кончится тем, что старая баба Пётр Николаевич и его сестра попросят у вас извинения. Вот увидите».

Вместе с Сориним в усадьбе живёт его племянник Константин, актриса поддерживает племянника, который хочет стать известным. Конечно, несмотря ни на что, мне всё-таки очень жалко Треплева, он вызывает у меня сочувствие. Жалко Треплева из-за пьесы его неудачной и главным образом из-за матери. Это, видимо, из-за того, что я в его положении всю жизнь была. Всегда существовал какой-то авторитет рядом, который давил, авторитет моей матери Лидии. И меня тоже не любили, меня стыдили, как и его, лишь иногда на меня милостиво обращали внимание, потому что я глупенькая и болезненная... Моё ничтожество вызывало только жалостливые взгляды. И я тоже от этого страдала, и в том числе в детстве (как и он) на всяких взрослых собраниях. Моя мать всегда считала служение государству главным, она также считала, что учитель должен быть, как артист — всегда на виду. Аркадина сравнивала себя с такими, кто всегда на виду. Мать тоже всегда подчёркивала, что она одна и у неё один ребёнок...

«Правда, тебе нужно жить в городе» (Треплев — Сорину). По словам племянника, господин Сорин тоскует в деревне и из-за этого плохо себя чувствует: «Ему нездорово жить в деревне. Вот если бы ты, мама, вдруг расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-две, то он мог бы прожить в городе целый год» (Треплев не за себя просит).

«Я прослужил по судебному ведомству двадцать восемь лет, но ещё не жил, ничего не испытал в конце концов и, понятная вещь, жить мне очень хочется. Вы сыты и равнодушны и потому имеете склонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигары. Вот и всё. И в шестьдесят лет жить хочется» (Сорин о себе).

Там дальше Аркадина говорит, что никогда не была фефелой, не распускала себя, и моя мать говорила так же. Совпадение. Наверное, хотела воспитать у меня какую-то исключительную аккуратность? Возможно, не хотела, чтобы я держала руки в карманах. Но зато теперь я хожу, всегда держа руки в карманах своего халата. Но поведение Треплева мне тоже не всегда понятно. Вот, например, я не понимаю, зачем он принёс с собой дохлую чайку. И как вообще можно, если любишь человека, так обижать его, показывая ему дохлую птицу, а, например, не цветы! Типа того, что я и себя могу убить, как эту чайку. Ради чего этот мерзкий эпизод? Ради вызова? И вот теперь Чайка становится эмблемой целого театра! Говорят, что все любовные коллизии в «Чайке» разрушительны, не верит ни в какую любовь обиженная провинциальная женщина, вот и всё. И не понимаю, зачем театру нужен был такой позорный символ.

И вообще, здесь слишком с Островским всё связано. Эту драму Чехов называл комедией... Прямо чёрный юмор какой-то, наверное, всё было бы смешно, если бы не было так грустно. Вообще Чехов был какой-то невезучий и скучный человек, для него понятия страдания и смешного где-то даже сходились, смыкались...

Треплев и Тригорин. У критиков я читала, что не зря Чехов дал такие фамилии, они выражают характеры. Тригорин считается положительным и сильным, как три горы... Ничего мужского в нём не увидела, занят только пополнением своего словаря фраз. Аркадина им вертит, как хочет, а он за Ниной волочится. А вот Треплева всё-таки ценю, он всё же стал писателем, и он больше всего мне понятен. Машу вообще презираю.

Зачем написана пьеса, к чему зовёт? По-моему — не верить Тригориним, не замечать Аркадиных, верить только в Бога и в себя... А вот если кого поставишь выше Бога, как я Медину, так небеса накажут...

«Дядя Ваня». Я думаю, что Астров — это Чехов, но я о другом сейчас. Сама понимаешь, проблема «старый муж и молодая жена» меня очень задела, это больное моё место. Вечно эти старые к молодым лезут. И в то время такая проблема была, а не только у тёти Тани с Наташкой (и её старым мужем) и у тёти Ани с Аллочкой. Вообще-то очень уважительно отношусь к возрасту и старости, но когда лезут на молодых, это дико раздражает. Вернёмся к Чехову. Войницкий и Соня — две яркие личности, мне очень понравились. Астров — тоже ничего плохого. Хорошо Олеся говорит: «Раньше, давно, я ходила на спектакль «Дядя Ваня» и сама слышала выражения «небо в алмазах», «заткни фонтан». Ворчу, как старый хрен. А теперь со смехом понимаю, что это мы надёргали фраз Чехова. У меня сильное волнение, когда начали говорить о продаже имения, об адской работе по преодолению долгов. Очень уважаю Войницкого, что не полез на Елену Андреевну, не воспользовался ситуацией скучающей женщины. Астров (читай — Чехов) так и говорит в пьесе: «Не люблю русскую уездную жизнь, терпеть не могу и презираю всеми силами моей души». Я тебе писала в прошлом письме, что не любил Чехов Мелихова, ради отца там торчал. А ты, наверно, хотела опровергнуть, потому что Чехов — певец русской души. Конец пьесы тоже очень понравился. Вообще «Дядя Ваня» — лучшее произведение Чехова, всё честно.

Немного отвлекусь. Я купила альбом воронежской художницы Елены Кокориной, тема альбома — городской пейзаж. Это художница молодая, вроде Медины. А поскольку я с Павельевой занимаюсь краеведением, мне очень понравилось. Даже Антон целый час рассматривал этот альбом, хотя ничем, кроме автогонок и футбола, не интересуется, ещё сюжетные книги, правда. Альбом и вправду необычный. Дома, построенные Антоном, он всегда видел в сером цвете, а здесь те же самые дома засияли новыми красками — сиреневыми, если утро, и оранжевыми, если вечер. Пообещала себе книг не покупать, но удержаться не могла, тебе тоже понравится, если сможешь рассмотреть, конечно, мелко для старых глаз.

Я продолжаю покрывать лаком два стула и столешницу из вологодской сосны в своей спальне, каждый слой медленно сохнет, но получается очень хорошо. Готовишься ли ты к Новому году? У нас есть коньяк от Павельевой, берегу к празднику, купила шампанское «Абрау-Дюрсо»... Вообще-то жизнь прекрасна и удивительна, если бы не отец. Вчера утром проснулась от пения птиц в саду, это декабрь, вообще хочется строить хрустальные замки, в теле лёгкость и душа поёт. Я тебе говорила, что последнее время увлеклась Оскаром Уайльдом, нравится безумно, потом напишу почему. Вот кто писал чудесно и прямо душу завораживает. Пока всё.

Про издательство Болховитинова... Валь, ты не могла бы написать письмо в издательство? К 425 юбилею города они выпустили роскошную вещь — набор открыток с именами исторических личностей. Для краеведов это настоящая находка, составитель Дмитрий Дьяков, поклон ему в ножки за эту работу. Но в этом наборе почему-то нет Троепольского и Дубровина, как же так. Это же люди с далеко идущей славой. Может, будет переиздание или допечатка, так необходимо вставить туда этих писателей. Мы с тобой обе их любили, и другие тоже, и все говорят, что вставить надо. Я, конечно, тоже могу написать, есть компьютер, но кто я такая? Сторожиха в саду, а ты напиши, как писатель, тебя, может, послушают».

Эпизод 5. НЕДОВЕРИЕ

Пока сестра была в школе, а все на работе, Тоню закрывали дома одну, запрещали подходить к окнам и двери. Только позже ей оставляли ключ, который открывался изнутри. Одной сидеть дома девочка очень боялась, потому что изо всех углов на неё кто-то смотрел. Неизвестно кто. Без лица, но с глазами. Поэтому малая ненавидела тишину и боялась одиночества. Боялась приближаться к предметам и долго стояла посреди комнаты, не решаясь сдвинуться с места. Простояв так часа два, она решалась присесть на кончик дивана. На диване лежало покрывало из серого сурового полотна с вышивкой ришелье. Садиться на диван было нельзя, потому что покрывало быстро мялось, как любая натуральная ткань. Становилось ясно, что на диване кто-то сидел.

А за это можно было получить затрещину. Поэтому, вспомнив об этом, она быстро вскакивала и стояла, пока держали ноги. Понимая, что до обеда не простоят, тихо кралась на кухню и стояла там, боясь пошевелиться. Но и там на неё кто-то смотрел, ребёнок дрожал, мечтая часами только о том, как слиться со стенкой и стать, наконец, невидимым. Когда мать приходила с работы, дочка пыталась ей сказать, как ей страшно одной. Но слышала:

— Отстань, уйди, не приставай, не путайся под ногами.

От слова к слову голос её становился всё выше и грознее. Дочка уносила ноги, пока не дали по лбу. Ясно было, что работу никто не бросит ради того, кто путается под ногами... Ведь дочка — просто ничтожество, дура, малявка. А мать — важный специалист.

Но Тоня, сколько себя помнит, всегда была дома одна. За окнами был далекий шум машин, на заднем дворе кудахтали куры, соседка через забор от Дикаревых звала своих детей: «Домой! Куда вы задевались? Домой!» Люди были все далеко. Даже с подругой по классу с Нюшкой ей водиться не разрешали, потому что бедная была Нюшкина семья, много грязных детей и вообще... Бедная-то — да, но мать была улыбочивая, суматошная и добрая. У них можно было сидеть, не спрашиваясь, греться, семечки щелкать. Теленок стоял прямо на кухне, и его можно было гладить.

Тоня в детстве была бледным и худым ребёнком, про таких говорят — да её ветер качает. Она училась во вторую смену, поэтому часто оставалась дома одна. Мать и отец рано убегали на работу. Горячие свежеподжаренные котлетки стыли под эмалированной мисочкой, покрывались белым жирком. Она не могла смотреть на этот жирок. Чувствовала, что от матери достанется за пропущенный обед, но не ела, украдкой бросала котлету за стол. Прямо в щель между столом и стеною. Потом старательно заплетала тяжелые русые коски — они у неё получались наизнанку. Закручивала концы резинками и привязывала коричневые капроновые банты. Тоня была робкая девочка в жестких коричневых бантах, с огромными серыми глазами. Школьная форма всегда была широка ей, и тогда она брала и связывала концы пояска на черном школьном фартуке. Потом собирала портфель и ждала, когда стрелка подвинется к двенадцати. Сидела как на вокзале. Она и на фотографиях получалась такой: испуганные серые глаза, вытянутая шейка, коски наизнанку, старательно повязанные на четыре банта капроновые ленты. И в поднятых плечиках, и в ручках, сложенных на коленках, сплошное ожидание. А ещё была обреченность перед тем, что невозможно изменить. Чувствовала ли она свою судьбу? Она же видела, что мать с отцом трудно живут, иногда скандалят, но не могут разойтись. Потому что есть судьба. Однажды у них в доме затопило погреб, который был в подполе. Грунтовая вода затопила. Вода плескалась так высоко, что её слышно было, если проходишь по веранде. Потом вода ушла, и стало ясно, что картошка в подполе сгнила. Это был ужас, пропала еда, а из подпола пошло зловоние... «Давай выбросим, Петя?» — «Давай попозже, мне сейчас некогда», — отвечал замотанный директор завода. Прошел месяц, было некогда. Смрад из подвала дышать не давал. Перед выходными Петя уехал в срочную командировку. Тогда Лидия открыла подпол и стала ведрами выносить бывшую картошку, ставшую киселем. Она поднималась с двумя ведрами этого киселя то железным, скользким и не ступеням даже, по прутьям, и уносила ведра далеко, за ручей в роще. Лидия была в бешенстве, что муж бросил её в такой ситуации. Но мужа тоже никто не спрашивал, а беда-то усиливалась. И вот Лидия, разгоряченная обидой и гневом, вынесла за два дня всё из подпола. У неё поясицу сорвало и вены вылезли на ногах. «Ты что наделала?» — закричал Петя Дикарев, директор. Всё увидел, всё понял. Доказала ему, вот что наделала...

Старшая сестра Валя с виду была полная противоположность сестре — чернявая, невысокая и плотная, поесть любила, но по дому работала без устали, а Тоню воротило от посуды, от полов. Валу хвалили в школе, Тоню ругали. Если только приглядеться, то в разрезе глаз, в улыбке, в повороте головы было что-то сильно похоже. Как будто стакан один и тот же, но налито разных напитков.

Когда старшая сестра Валька ещё была с ними, Тоне казалось не так мрачно в доме. Они, бывало, по глупости хлестались полотенцем, кричали друг на друга, ссорились из-за очереди мыть посуду, но всё-таки был рядом живой человек. Старшая Валя была отличница, и строгая мать ворчала Тоне: «Учись! Смотри, как надо!» Но учиться так, как Валька, Тоня не умела. Она плохо запоминала речь учителя, и ей приходилось три раза читать, а то и зубрить учебник. Но учебник напрочь отбивал всю охоту к знаниям. Получая очередную тройку, Тоня кусала губы и оглядывалась — опять ей скажут что-нибудь обидное.

Когда младшая несла дневник, она получала затрещину и указ на старшую. Когда старшая приносила на подпись дневник, там чаще были пятерки, чем четверки. Отец

подписывал, а мать только поднимала брови — дети обязаны учиться. За дневник Вальку не ругали, зато ругали, что не те книжки читает. Когда Валька переписывала в тетрадь стихи, мать заявила:

— Таких, как Ахматова, надо вычеркивать. Постановление было.

Когда Валька принесла домой новую книжку, мать стала грозить пальцем. Она заметила, что на столе у Вали лежит учебник, а под ним спрятан совсем не учебник! Они то и дело ругались из-за этой голубой в разводах книжки Анчарова. Мать говорила Вальке:

— Начнется с неумения надевать чулки. Кончится неумением жить.

— Да при чем тут Анчаров-то?

— При том, что ты его начитаешься, осоловеешь, и глаза у тебя будут вставлены в стенку.

Валька втягивала голову в плечи.

— Может, я думаю! Мечтаю. Нельзя, что ли?

— А рано тебе думать. Ты пока ещё никто. Начнешь зарабатывать на кусок хлеба, тогда думай и мечтай. А пока ты никто и ничто. Ничтожество.

Валька хлопала дверью, шла реветь. Тоня ненавидела неизвестного писателя Анчарова всем своим маленьким горячим сердцем. Он навсегда отнял у неё сестру. Да кто он такой, чтоб из-за него так унижали? И почему она ради него на такие жертвы идет? Ей хотелось как-то заступиться за сестру, например, уговорить, чтоб она не упоминала при матери эту фамилию.

Но Валька хмурила брови и отворачивалась:

— Ты ещё маленькая.

И тогда Тоня впервые почувствовала себя такой одинокой.

Валя приехала однажды на каникулы из института, и у неё оказался перстень на руке. Такой тяжёлый пластиковый или стеклянный, прозрачный, синий, а внутри так переливчато, искристо. Перстень был похож на дальние края и цветные фильмы про любовь. Тоня погладила перстень и попросила:

— Ты привези мне такой. Сможешь?

— Привезу! — кивнула Валя. И тут же забыла.

А Тоня ждала не один год. И всякий раз в глаза заглядывала. Потом перстень вышел из моды и затерялся, а Тоня всё ждала. И по ночам ей он снился. Приезжая на вокзал, Валя иногда спохватывалась — куда я его дела? Но было поздно.

* * *

В студенческие времена у сестер не было никакой одежды. Ну, не будешь же по городу в халатах бродить. А в магазинах ничего не было. Ну, футболки ещё ладно, они с короткими чёрными юбками ещё тянули на студенческий молодежный стиль. Так они купили дешёвый ацетатный шёлк и попросили женщину во дворе шить им платьица, простенькие, мешочком. У Вали шелк был синими разводами, у Тони темно-красного цвета. Платьица продержались недолго. Они садились при стирке. А ещё у Вали было коричневое платьице мешочком с кривой снежинкой у горла. Зачем надо было вышивать эту снежинку? Может, её вышивали под Новый год, но вскоре это устарело.

В общезнании Тоня помогла Вале купить желтый батник, он прослужил ей много лет. Это в студенчестве, а потом Валя носила его после института, уже уехав в город у моря. И где-то лет через шесть, когда Валя поехала в Финляндию, батник всё ещё был жив. Этот батник Тоня и сама могла бы прекрасно носить, но отдала сестре... Потому что понимала, что значит «нечего надеть». А девчонке же покрасоваться охота.... Перед Финляндией Валя получила от Тони очередную вязаную кофту — темно-синяя плотная пряжа, воротник шалька и пояс широкий, в резинку. Волна благодарности приподняла Валу над землей.

Однажды, ещё в школе, Тоня стояла в магазине и ждала, пока мать её Лидия померяет блузку. Это было перед каким-то праздником, наверно, перед Восьмым марта, и намерения у матери были серьезные. Она перемеряла весь магазин. Всё, что на вешалках и на стеллажах, под прилавком тоже. Прошло часа два или три, продавщицы только переглядывались, но настойчивой покупательнице не перечили, что значит жена начальника. У Тони уже ноги подкашивались, она несмело намекала матери, что не может больше стоять. Когда уж магазин стали закрывать, Лидия, наконец, оделась и ушла, ничего не выбрав, да ещё сильно хлопнув дверью. Может, ей так представлялась гордая дама из кино.

— Мам, да ты чего? — шептала ей смущенная до ужаса Тоня. — Ты ничего не выбрала, тетки, надувшись, смотрели на тебя...

— Ничего с ними не случится! — двинула плечиком мама. Ей даже в голову не при-

шло, что дочке тоже надо было что-то померять! Как будто никого тут и не было эти два часа. Это было очевидно! Но просить Тоня не посмела. Ей было стыдно, что мать мерила так долго и ничего не взяла... Лично она, Тоня, ни за что так бы не поступила...

В чём ходить? Не в чем. Тоня перед институтом нашла дома старый гипюр и сама слепила простенькое синее платье на чехле. Это платье сильно выручало её весь первый курс. Весной она привезла его домой к родителям, потому что надо было всё увезти, камеры хранения на лето в общежитии не давали. Осенью давай она искать это платье, так нет, не нашла. Потом оказалось — отдали соседке. Но почему? «Так ты его привезла, значит, не нужно?» — «Да нет, просто хранить было негде...» Этого первого гипюрового платья так было жалко, просто ужас. Даже никто не спросил её — оно тебе надо, не надо... Она не была для матери девушкой, достойной наряда, она не была никем. Просто пустое место...

Походы по магазинам раскрыли Тоне красоту тканей. Научили ценить этот волшебный мир и управлять им. Она вполне осознанно захотела связать с этим миром свою профессию. Но не судьба.

Так считала забытая Тоня, но Валя так не считала. Потому что для Вали это был десятый вопрос. Она открывала книжку и про всё забывала...

Может, поэтому взрослая Тоня чуть что — или день рождения, или вечер какой — бежала «на толпу», чтоб найти старшенькой свеженькую блузку поярче. Или джинсы, фирменные или не очень, но чтобы поаккуратнее швы... Тоню никто не заставлял, над ней не было гнета, просто она очень переживала за детей, они казались ей такими гордыми, такими красивыми, и при этом они не могут быть хуже всех одеты... Хуже всех! Эта мысль обжигала. Потому что она много раз сама была хуже всех!

Однажды Тоня на практику дальнюю в институте собралась. В плане практики надо было ехать паромом, ходить в природные заповедники, лазать по горам...

— Мам, дай денежек на штаны да на куртку. На пароходе будет холодно.

Мама сдвинула брови — нету. Повозившись в шкафу, нашла старое пальтишко, короткое, на ватине. «Вот, можно перелицевать...» Да, в этой тужурке было тепло, но когда солнце палило — тут уж держись, это тебе не болоньевая ветровка... В том и поехала.

Были, были попытки приодеть дочек. На восьмой класс Вальке выкупили темно-синее платье с белым воротничком, а Тоне похуже, но красное, и тоже с воротничком. Наверно, считалось, что так должны выглядеть примерные дочки-школьницы. На втором курсе Валю запечатлел чей-то фотоаппарат — длинное фиолетовое платье приталенное, узкое книзу, хвостик черных волос между лопатками. Это платье подарила ей Лидия, стало мало. Говорили, она в нем выделялась.

Куплено было Вале в институте синее крепдешинное, это считалось шиком. Но потому, что предстояла Тонина свадьба. А ты в чём? Опять голая! Платья у матери и Вальки оказались тонкие, легкие, как раз на жаркую погоду. И это была удача, носились много лет, не выцветали... А когда Тоня замуж собралась, мама ей отыскала в шкафу белую ткань: на, пошей! И Тоня, втянув голову в плечи, села шить. А невесте нельзя самой-то платье шить! Нельзя, примета плохая. Сумрачный жених, к слову, честно помогал обшивать края мелкими белыми цветами. И когда подобное случилось у сестры Вали, та тоже ведь расстилала на полу свои восемь метров белого шелка. Ну, дуры девки. К тому же белая ткань оказалась отрезом шерсти в рельефный рубчик. Как невесте жарко потом было — август месяц, духота, не высказать, она вся приклеилась к ткани, вся как в клею. Даже на фотках было видно её напряженное и мокрое лицо, а это всё невидимые миру слёзы... На свадьбе-то гостей было много, и все двигали плечами от недоумения на директорских дочек. Чего там губы-то кусать? Не бедные, авось.

Но они были бедные, на самом деле. Валя, когда приехала учиться, студенткой жила у родственников отца. В комнате бабушки стоял скрипучий диванчик. Первый год прожила на диванчике этом, потом папа пристроил в заводской общаге, и она могла облегченно вздохнуть. А вот Тоне не так повезло. Ей общежитие дали далеко не сразу! Пришлось снять комнатку во дворе, где стояло заводское общежитие. Хозяин той комнатки был неадекватный сын отдельно живущей мамы. Как бы для присмотра за квартирантками. Но ещё кто-кто за кем присматривал! Иногда он подкапывался к двум девочкам-студенткам, требовал плату вперёд и так далее. Тогда Тонечка со всех ног бежала к Вале, и они ютились на одной железной кровати! Валетом! Но хотя бы можно было съесть миску вермишели с килькой в томате... колбаса была в редкость... А если к семинару что повторить, так это — на кухню, на оцинкованный длинный стол, там свет можно было долго не гасить.

И вот через год дали общежитие Антонине. Она перебралась туда на следующую осень со своим чемоданом и, на всякий случай, со своим постельным бельем.

Можно было не трепать больше нервы с неадекватным сыном квартирной хозяйки. В комнате было четверо, всё, казалось, спокойно будет, но не тут-то было. Придя домой с занятий, Тоня получила от ворот поворот: слушай, ко мне друг из Москвы. Будь другом, езжай к своей тетке. У тебя тетка есть, ну? Тоня, вздохнув, потащилась поздним вечером к тете Тане, на тот самый скрипучий диванчик, где раньше ночевала сестра Валька. Двоюродная сестра Наташка, тогда ещё студентка, сердобольно разогрела макароны по-флотски на огромной сковородке. Тоня съела это простецкое блюдо, запила кипятком со смородиновым вареньем, молча рухнула на диванчик в бабушкиной комнате. Болевшая в той же комнате бабушка покряхтела, но ничего не сказала.

Личная жизнь в комнате номер шестьдесят того общежития, куда прописали Тоню, была довольно интенсивная, и Тоня это испытала на себе, прибегая к скрипучему диванчику тети Тани. Не хотелось быть занудой и стыдить подружек по комнате.

А в результате тетя Таня на неё пожаловалась, и родители вызвали Тоньку на телефонные переговоры. А это ехать сорок минут до центра города. За пять минут переговоров Тоньку научили жить, хотя и не помогли материально. Дочка, поймав паузу в речи матери Лидии, пискнула, ей туго с деньгами, мам, пап, не поможете?

— Запомни! — отчеканила Лидия, отрабатывая воспитательный техминимум. — Не надейся проехаться. Сама выкручивайся. Нет у тебя ни мамы, ни папы. Надеяться надо только на себя. Мы после войны нуждались, но нам никто не помогал.

Кто его знает, может, Лидия вспомнила свою тяжелую послевоенную молодость, может, вообще войну и фашистов, но прозвучало как-то грубо. Красотка Семечка, которая жалостливо поехала с Тоней на переговоры в одиннадцать вечера, несмотря на редко ходящий трамвай, даже заорала на всю ночную улицу:

— Уж на что у меня мать-врачиха строга, да и то, когда прихватит, сжаливается и помогает в беде. А ты-то что сделала?! Ты учишься из последних сил, сама одеваешься, другим помогаешь, не гуляешь. Они что, совсем? Не реви. Давай хоть денег тебе займу!

И она тут же дала телеграмму маме-врачихе: «Вышли переводом сто». И утром до занятий они уже сбегали, получили телеграфный перевод... Видно, мать-врачиха Семечке как-то побольше доверяла... Танька благодаря этому всё же закончила институт, хотя и была далеко не примерной студенткой.

Тоню потряхивало, но она на своих ногах бодро пошла на занятия. С доверием дело у обеих сестер обстояло симметрично. У сестры Вали то же самое. Тоня вспомнила, уже на первом курсе Валюхе досталось от мамы-папы за «отвратное» поведение.

Приехав навестить дочку ближе к весне, как раз в школе были весенние каникулы, Лидия, гордо сев нога на ногу и отказавшись от обеда, устроила Вале пропесочку. Хотя речь примерной учительницы была далека от совершенства.

— Опять тройки? Опять стипендию не получаешь? А что это за манера виснуть на чужих мужиках? Своего заведи и висни.

— Я... Это... Я не висла.

— Врешь. Виснешь на этого кибернетика. У подруги отбиваешь.

— Да откуда это известно? — Валя была уже темно-красного цвета.

— От подруги же!

Валя ушла рыдать в ванную. Она даже не спросила имя подруги, а это была её обожаемая Галя Суслова, которая наябедничала Лидии по телефону. Вот тебе и совершенство, и скакала верхом... Но откуда телефон?!

— Из твоего деканата, дурочка! И кому поверила мать? Да не тебе. А подруге...

У Вали оборвалось сердце. Она тогда же поделилась с сестрой. Да, несколько раз она встречалась с Юрой Сусловым, менялась книгами. Юра Суслов был обаятельный молодой человек из группы кибернетиков. Он знал наизусть всего Евтушенко и блестяще копировал модного в те времена Рафаэля. Даже прозвище у него было — Рафик. На вечеринки с Сусловым сбегались толпы народа. И книг у него было много — Евтушенко, Рождественский, Вознесенский... Валя, помнится, стояла в холле второго этажа с книгами Юры, как вдруг из коридора показалась Галя Суслова и бросила в Валу записочку — «Ага, я вас застукала!» А за её плечом улыбался Юра Суслов. И это была расчётливая засада.

Чего же они этим хотели сказать? Каких разоблачений добиться? У Вали тогда был только один знакомый парень из лесотехнической академии, и ей было довольно сложно и без Юры. Ведь Рафик — всего лишь картинка на стене... Но скандал был жуткий.

Однажды, уже на втором курсе, когда у Сусловых родилась дочка, Юра Суслов забрел к Вале вечером и попросил чаю. Читал стихи и смотрел в окно: «Со мною вот что происходит, ко мне мой старый друг не ходит...» Потом вдруг сказал в то же окно, обращаясь к развесистой липе: «Может, надо было не её, а тебя выбрать, может, я с ней ошибся на всю жизнь... Но судьба повернула иначе». Опять эта судьба неведомая.

Что за этим? Собственная слабость? Всё было горько и возвышенно. И больше они не разговаривали. Ничего себе, «виснешь на чужого мужика...»

Тоня одна знала правду. Тоня всегда была интуитивной и догадливой. Она знала, кому можно верить, кому нет. Кто кого предаст, кто на всю жизнь друг. А Валя была доверчивой, наивной, слепой... Её легко было обвинить и наказать... Только не угадала Тоня, кого Валя предаст. Ту самую Иванну, которая самая верная...

* * *

Однажды на большом семейном сборе годы спустя родная тетка Таня расчувствовалась, рассказала Тоне странную историю из её, Тониного, детства.

— Ой, Тонюшка, хорошая ты девка, вся ты в нашу, Петькину, породу и так песню подтягиваешь славно. Помню, как вас отец привез ко мне в гости, маленьких ещё. Ну, Валя, смотрю, сразу уткнулась в книжку, и ты сидишь такая, ручки на коленках. И ведь малая была ещё, а будто понимала, что нельзя ничего. Что в чужих людях надо послушной быть.

— Так я, тетя, всю жизнь послушная, а не только в чужих людях. Я вон пришла к мужу в семью, никому не понравилась и сразу как в осаду. Правду сказать, и сама не подарок.

— Да брось, ты очень хорошая. Просто мать у вас больно крута. Так вот, смотри, мать твоя Лидя очень заболела, лежала в больнице, потом уехала к бабке вашей в Хохляндию. И почему-то взяла с собой Валю, а тебя нет. Отец-то твой в МТС работал, тебя не с кем оставить, то у соседки, то одна. Меня позвал приглядеть. Я приехала, слезла с попутки, он ключи дал и убежал. Я дверь-то открыла, глядь, а ты в уголке тихонько сидишь, копаешься. Вся грязненькая такая. Я даже сумку уронила свою. Дитя сидит возле помойного ведра и чего-то там вылавливает! Мож, голодное, мож, от скуки. Сколько лет? Да года два-три... Я тебя схватила и ну обнимать, а ты ничего, притихла, на ласку не ответила, сжалась. Ну откуда ты знала, что я тетя? Не знала. Но не противилась. И так мне сердце-то сжало, что не знала, как тебя оттаять. Пока накупала, пока кашки сладкой наварила, пока пошла в сельмаг купить конфет, да не было их, только повидло. Оно плотное было, хоть ножом режь. Я обсыпала сахарком — ничего пошло, даже Петруха ел с чаем.

Отца вечером, конечно, заругала, что малое такое кинул дома, он молчал. Только смотрел, как я плачу. А ты ничего, тихая была. Только всё глядела глазами-то громадными. А ела плохо.

— Я, тетя, всегда плохо ела. А почему, думаешь, мне никто это не рассказал?

— Да что тут? Стыдно же. Деваться некуда, упустили, но стыдно.

В семье Дикаревых всегда на первом месте была работа. Потом всё остальное.

На похоронах сестры, тети Ани, мамы Алочки, сестры Дикаревы и основная масса родни сторонилась тетя Тани. Поговаривали, покойная запретила приглашать на прощание тетя Таню, сестры были в большой ссоре. Дело касалось каких-то золотых коронок или колец, которые больная бабушка однажды разделила между дочками, а Петру не досталось. Так ведь дочки ухаживали, а Петя жил в районе и редко навещал. Но Лидия утверждала, что Петю обманули сестры и утаили наследство. Петя бы сроду не полиз делиться. А Лидка была во гневе... А когда она была во гневе, то держись...

И вот толпа стояла отдельно, а вошедшая тетя Таня отдельно. На это было больно смотреть. Сестры Тоня и Валя тихо подошли и обняли тетя Таню. «Девчонки, ох, девчонки, — зашептала им тетка Таня. — Что же творится? Я-то вас всегда любила». На похоронах тетя Тани ни Петра, ни Лидии не было.

Эпизод 6. РЕШАЕТ ОН

Несколько дней, даже не дней, а недель, у Вальки Дикаревой прошли под знаком «Стены» «Пинк Флойда», прошли довольно накалённо. То дерзкая надежда взыгрывала призрачным огнем на сгоревших поленьях. То опять всё гасло и покрывалось чернотой. Уже на улице жухли сугробы, оседали морозы, дули мокрые тревожные ветры, посверкивали солнечные, хотя ещё и студеные дни. В такие дни у автосервиса сонно грелись машины, и над ними чирикали воробьи. А у Вали Дикаревой всё ещё не кончился сезон дождей, как сказал бы её приятель Сева. Они разговаривали о посторонних, далеких от подруги Иванны предметах, как вдруг Валька с места в карьер начинала лить слёзы. Что, неужели бесит слово «бесит»? Но Сева был невозмутим. Он удивлялся внутренне, пожимал плечами в бежевом свитере или чёткой, под джинсу, рубашке с погончиками. Ну, не может быть столько слез в одном человеке. И что за мировые проблемы она там вообразила? Что она сейчас вот ляжет на рельсы, пожертвует собой, и вслед за ней начнут падать все окружающие. Глупая бессмысленная истери-

ка. Полная ерунда. Решает мужчина?

Вчера он хотел прийти и принести «Собачье сердце». Но забыл. Для неё это был сюжет номер один, проверка слуха, насколько он её слышит вообще, а для него сюжет номер ...надцать, как будто делать больше нечего. Они встречались с февраля. Не с Нового года, когда их Иванна познакомила. Но где-то с февраля, когда Иванна и Северин зашли проведать глупую, вконец заболевшую Валю.

А перед тем Дикарева позвонила той Никаноровой, что работала с Иванной, чтобы спросить про Иванну — как она, что. И Никанорова басом сообщила ей нечто, от чего мороз по шкуре. Состоялся же суд, в конце концов, и отцу Иванны дали четыре года строгого. Жуть, оцепенение. Что делать? Ведь надо было срочно лететь к ней, успокоить, утешить и наплевать на всё личное. И тут Дикарева затылком, спиной, горлом пересохшим почувствовала свою подлость, но надо, надо идти. Это был тот ещё вечерок. Стороны молчали. Утешение получалось слабое.

— Я должна тебе признаться, — прошептала Валя.

— А лучше б ты не признавалась, — прошептала Иванна.

— А ведь я тоже пережила... — продолжала своё Валя.

— Подличать не надо было! — отворачивалась Иванна.

— Да я сопротивлялась! — настаивала Валя.

— Плохо сопротивлялась... — упрямилась Иванна.

Это был диалог глухих.

Иванна цеплялась за остатки разума, Валя цеплялась за старую гитару. На что надеялась? Что жертва простит обидчика? Да никогда.

А на другой день пришел Сева. Синие сумерки уютно дышали в окно. В углу щелкал решётчатый нагреватель-камин. Вообще-то он собирался прийти в семь, а пришел почти в девять. За это время и помереть можно. Но Валяшка не имела права помирать. Ведь она обманывала подругу с её молодым человеком, обманывала молодого человека, давая надежду, и обманывала себя саму. Она всё ещё на что-то надеялась. Надо было ждать разрешения ситуации. Но она вообще не умела ждать. Она то бегала по комнате от нетерпения, сшибая стулья, то некстати начинала мыть полы и тут же забывала об этом. Хотела включить радио. Стояла, слушала романс «Как светло, как было зелено», понимала, что поют про неё, а с тряпки ей на ногу текла вода. Постепенно движения её замедлялись, и она садилась за стол, уронив голову на руки, а её странная соседка Жанна Глотова жалостливо выносила из комнаты забытое ведро. У Жаннны всегда была такая задача — вынести ведро, разрядить обстановку. Но на сей раз Жанна, наоборот, всё усугубляла и запутывала. У неё была плохая кровь, и она чаще всего ложилась на кровать и отворачивалась к стене: делайте что хотите. Но вот пришел Сева, и надо притвориться, что всё хорошо. Первые слова не получаются. Люди смотрят «на камин», тянут к нему руки.

— Я должна признаться... Я была у Ивановны.

— А мы думали, что вы туда больше не ходите.

— А там случилось.

— А что там может случиться?

— Их отца посадили.

Молчание.

— Это, конечно, неприятность. Но это их неприятность.

— Да неужели? Я-то должна утешать, а я — наоборот.

— Да ты здесь абсолютно ни при чем. Решает мужчина.

— Я призналась, что мы встречаемся.

— Так вот почему ты такая невеселая.

Валя начала слезокапнуть.

— У меня это называется «лежать в отрубях», а у тебя это называется «невеселая».

— Никакой разницы.

— Разница есть! Ещё какая разница! — заговорила Валя, давась слезами. — Все спокойняк, а я в отрубях. Это один вариант. Все в отрубях, а я спокойняк — это другой вариант. Есть разница?

— Да, это нехорошо, — сказал он, нахмурясь. — Но надо пережить, смириться. Судьба.

И они опять заговорили об этом, Иванна обоим была близким человеком. Следовало как-то сгладить ситуацию. Лечь на дно хотя бы на время. Некстати поднявшая с подушки голову Жанна вдруг промолвила, что оба говорят глупости.

— Вам, конечно, стыдно, но вы себе жизнь ломаете. А Иванне вы всё равно не поможете.

Это был удар грома от тихой соседки по комнате Жанны Глотовой. Она всегда была какой-то засланной, оппортунисткой, тихушкой, мышкой, жуком-древоточцем. А тут вдруг — человек.

— Я всё поняла, — плакса Валя энергично высморкалась, — мы не будем встречаться.

— Это утвердительно или вопросительно? Смущает интонация. Если утвердительно, тогда я должен подчиниться, видимо.

— Так ты-то что скажешь? — он молчал. — Не связывайся ты со мной. Я гигантская флюктуация, у меня бутерброд маслом вниз падает, причем всегда. Кто со мной свяжется, с ним будет то же самое. И у тебя всё будет кувырком, и ты будешь сердиться.

— Если бы я сердился, так я бы давно ушел.

— Молодец, — сказала с подушки Жанна Глотова, не открывая глаз.

И что она не могла помолчать-то! Вот тортом не корми, дай прокомментировать!

Видимо, в конце концов лимит слез был исчерпан. Эта фраза поставила точку в сезоне дождей. Валя поняла, что ей действительно не надо больше ходить к Иванне и что Сева не идет к Иванне не потому, что он трус. А потому, что он не считает нужным объяснять женщине, когда, как и почему он её бросил. И таким образом увеличивать количество её горя. Жизнь разносила их быстрым течением в разные стороны, и правота эта была значительно выше, чем правота или неправота отдельных людей. На Валином языке это значило — «у него с бабой всё», а на Севином языке это значило — подчиниться жизни, ничего не оспаривать. И как примирить эти два понятия, совершенно неясно. Появилась другая девушка. Пришла весна, ничего не поделаешь. Что толку спорить с природой? Вот не напрасно же Тоня предупреждала Валью, что Иванна то, се, что она верная, никогда не предаст. Одно не учла умная Тоня — что Валя сама кого угодно предаст...

Снова Валя провожала его до двенадцати ночи. Снова они замерзли оба до потери сознания, потому что пропустили столько автобусов. «Хорошо терпеть испытания, — говорил он, — когда во имя чего-то. Но когда человек сам ищет трудностей, это глупо». — «Да, — говорила она, — я закоченела вся, и нам всю жизнь придется мерзнуть и чертыхаться». — «Надо решать проблему», — повторял он. И автобусные створки захлопывали его и уносили вместе с проблемой. Она бежала домой, нечужими ногами наступая на ледок в лужах, запахивая тонкое пальто, держа себя нечужими руками. Она согласна была мерзнуть, лишь бы это продолжалось без конца. Дверь общаги была уже заперта, и вахтерша открыла далеко не сразу, а за Валькой втискивалось ещё человека три, которые опоздали.

Значит, всё, хватит притворяться, хватит пить и строить благородные позы. Уж он и так посмотрелся на неё, такую дураковатую, во всех видах, уж и послушался её воплей и рыданий. А если и после этого он не возненавидит её, пожалеет, то тогда он действительно душенька, древнерусский человек.

Когда одному плохо и другому плохо и они друг от друга далеко, то можно сделать финт ушами. Надо полететь навстречу друг другу, презрев расстояния, и тогда минус на минус даст плюс. Дикарева не знала, что делать. А когда она не знала, что делать, она просто шла на вокзал. Выпадение в другой мир вышибало паникершу из привычной колеи, и её слабые мозги в шоковом состоянии работали в совсем другом направлении. Вот и в последний раз, когда она гостила дома, родители обрабатывали её так и эдак. После доброго и длинного семейного ужина, когда не хотелось думать ни о чем, отдыхать, просто, например, разбирать старые пластинки, они вызывали дочь Валентину на ковер и спрашивали:

— Тебе сколько лет?

Они задавали этот вопрос каждый год несколько лет подряд, как будто они не были её биологическими родителями. Получив ответ, они мрачно качали головами.

— Ну? — папа грозно сдвигал брови. — Не засиделась в девках-то?

— Давайте не будем разводить пожиже, — резко отвечала Валя, — я никого ещё не встретила.

И гордо уходила. Уже за дверью она слышала, как родители, горячась, перечисляли всё, что они для неё сделали: нашли самого ценного репетитора, умнейшего еврея, выучили в самом престижном институте, сапоги купили самые дорогие, на шпильках, и вообще никогда ничего не жалели. Даже и мужа они ей давно нашли, ну такой редкий человек: и врач, и борода, и машина, и двухкомнатная, и штаны синие в дырках, с биркой железной, и ещё сам поет и рисует. Какого ещё-то рожна? И после этого — вот она, благодарность. Дочке становилось очень душно.

Вот теперь, идя на вокзал, она перебирала в памяти все эти вызовы на ковер и думала, что же делать. Что делать, если нет даже кандидатов. Надо поехать к сестре Тоне, та встряхнет ей мозги.

Эпизод 7. НАПРАСНЫЙ БЕЛЫЙ ШЕЛК

Едва от дома сестры отъезжало опустевшее такси, они обнялись и стояли на крыльце, как тонкие рябины у самого тына. Они стояли, качаясь, а память вмиг переносила их в те времена, когда в кутерьме сестриногo, взбулгаченного ремонтом семейного гнезда они переговаривались о главном лишь урывками. В одной комнате стонали деды, в другой плакала грудная дочка. На кухне бурлил бак с бельем, и молчаливый краснолицый муж молча заделывал раствором трещину в стене. Поскольку трепетная Валька не была ни хорошей сиделкой, ни отменной стряпухой, ни штукатуром, ей быстро дали в руки ребенка, чтобы он впустую не плакал. Так она и запомнилась себе во время того приезда к сестре со свертком в руках. Она прихлебывала суп с ребёнком в обнимку, она закручивала кран переполненной ванны с ним же в руках, она стояла со свертком полночи перед чёрным зимним окном. Ей уже казалось, что это её ребёнок, потому что счастье-то какое: она качает, и племянница замолкает. В такие минуты не кажешься себе лишним человеком, и вообще как-то не до глупостей, не до ерунды. Все хотели посидеть за столом, но не получалось. Вдруг после кормежки племяншка Донка прикорнула около двенадцати, и они живо наладили себе две рюмочки в ночи. Охватил какой-то неуместный ржач, было стыдно разливать, распивать, даже сидеть просто так, но сестра сказала:

— Хватит уже. Нам никогда не до себя. Ты мне кто — сестра или труба на бане?

Тогда Тоня была усталая, круги под глазами, в старом халате, промокшем на груди. Теперь она выглядела в сто раз лучше, младенцы в доме не плакали. А глаза смотрели с той же теплотой и тревогой.

— Ну, сестра, и что? Что смотришь, Тоня?

— Так что случилось-то там у тебя? Что такое, что лица нет на тебе?

— А вот что. Я предала свою лучшую подругу. Я бросила её в горе, в то время как ко мне ходит её молодой человек.

Они чокнулись рюмками и вошли в разум.

— Ну, ты, милая, даёшь, — сестра ласково погладила её по щеке, — никак чужого мужика отбила? Раньше ведь такого никогда не было. Ты всегда была трусиха и паникерша.

— Что ты, что ты, я не хотела! Он сам.

— Вот и славненько. Хватай его и радуйся.

— Не могу, совесть мучит.

— Глупости, засунь эту совесть куда подальше. Это грубо, но справедливо. Тянуть больше невозможно. Ты говоришь, хороший?

— Бесподобный. А вот ты замуж вышла, и что? Хорошо тебе разве? Вот такой марш по белью, по дедам, по ремонту.

— Трудно, конечно, но зато хорошо. И здесь мое место.

— Почему?

— Потому что судьба.

Всё, как раньше, когда сестра была намного моложе. Только раньше они говорили с перерывами, на руках плакал грудной ребёнок Дина, и дальше они говорили вполголоса. А теперь они говорили вполголоса по привычке. «Как легко с тобой, как смешно! Годы идут, а ты — как коза по кочкам!» Так сказала сестра, и много-много дней потом помнила щека Валентины рубчики сестриногo вельветового халата. Это же самое сказала Тоня однокурснице Хуторенко! Потому что, несмотря на развод и семейные дразги, она опять на коне: новая работа, новый любовник. И улыбка, полыхающая на всю улицу. Вот отчего светло в городе юности!

И на этих ночных посиделках вдруг опять стало ясно, что они очень друг другу подходят, что жить бы им вместе, много бы сил сэкономили они тогда. Но нет, надо ехать из этой родной хаты опять туда, в своё одиночество! Куда приходил этот человек, Северин Седов. А больше он не придёт.

Раньше, пока быстрорукая сестра убирала тарелки, Валюша качала племянку. Ту самую, к которой теперь поклонники с цветами ездят! Она качала её упорно и неустанно, не замечая, что кроха уже давно заснула, и качка методично продолжается. И на вокзале привычная качка продолжалась, и потом у окна вагона, когда летела мимо навек любимые сосны, и потом в своей остывшей общаге, куда вернулась, усвоив механическое это качание, оно прилипло, пристало будто бы навсегда. И ловя себя на том, что опять стоит и качается, она усмеялась: быстро же ты привыкла! А может, и напрасно уже привыкла-то. Ишь! Она старалась не думать про свои неудачные личные дела.

Они гуляли по знакомому городу юности, забежали в какой-то магазинчик в подвальчике, сестра указала рукой на отрез. Его измерили — восемь метров белого креп-

фая, шёлк, ширина двойная. «Да куда столько!» — «Да берите, девчонки, чего уж тут отрезать». Они и взяли. Потом стали его раскидывать на столе, отрез сползал, словно разлитое по полировке молоко, так, примерно, с ведро. Вскользь поговорили про фасон. «А что там мудрить? — сказала усмешливая сестра Тоня. — Попроще надо. Юбку пустишь длинную, полусолнцем, с баской, а верх — с широченными рукавами. Тут главное, что ткани много, вся красота в простоте!»

Вот такая была поставлена точка над *i*. Сестра её поставила. А Валя поставила её внутри себя, успокоившись мыслью: «На всякий случай».

Да нет уж, не на всякий. Только на один единственный в жизни случай. А ведь говорили, говорили ей, что невеста не должна себе платье шить. Ну, это просто нельзя.

Она раскроила белый шелк в своей заводской общаге, предварительно вымыв полы в центре секции, где стоял телевизор. Рукава вшивные с буфами, воротник апаш, юбка — двойное солнце. Специально ходила за выкройкой «Бурды» в библиотеку. Всё выходило неплохо, даже машинка не сломалась, только платье не пригодилось. Говорили ей, говорили.

Тоня боялась, что не сможет приехать к сестре на свадьбу с маленьким ребёнком. А дома ещё деда. Но ехать не пришлось ни той, ни другой.

У Северина умер отец. Все, кто ехал на свадьбу, попали на похороны. Платье так и осталось висеть на плечиках на стене. А Валя пока начала учиться становиться женой. Та ещё наука.

Эпизод 8. ТРЯПКИ

Почтовый ящик. Антонина Валентине.

«Здравствуй, Валя! Наконец, собралась тебе написать. Набрала кучу твоих писем и решила написать всё обстоятельно.

Посылки твои с шерстью и лоскутами я получила. Тут с лоскутами так дело обстоит. Собралась шить новое лоскутное покрывало. Я уже шила одно лоскутное одеяло из шелковых кусочков, это ярко и симпатично, но очень много работы с шелком, который сыпется, да и потом нет особенно никакого творчества, ведь куски все яркие и разных цветов, а однотонного мало. В любом случае получается всё пёстрое и никакой системы. Теперь я достала специальный английский журнал «Шитьё из лоскутов» и многому там научилась. Поэтому я стала просить лоскуты у всех (собака на фото тоже из того журнала). Конечно, надо время, но это так интересно. Из дома мне прислали два мешка старых пальто. К слову замечу, что всё в таком изумительном виде, что даже неудобно. Всё выстирано и выглажено, рассортировано, только бери и работай. Всё это заботливые руки мамы и бабушки, в основном, конечно, бабушки. Я им очень благодарна. Теперь у меня много клочков одного цвета для фона. Из твоего голубого пальто получился двадцать один квадрат семнадцать на семнадцать и несколько маленьких десять на десять см. Всё это очень интересно, и я занялась этим всерьёз. Сделала трафареты и т.д., но совсем нет времени для творчества.

У нас плохая погода, и я долго не стирала, всё думала — солнышко выйдет, дотянула, пока стало в ванну не зайти. Взялись за эту кучу все вместе: я отстирываю всё в ванной, баба Надя закладывает в машину, дед Егор все выжимает, а Дина ползает, всем помогает. Всего десять закладок в машину, да каждую по два раза по десять минут. Старики потом упали по кроватям, ведь им почти под восемьдесят, а я после сушки стала всё это гладить

Я сейчас на больничном, у Диночки страшная ангина. Мне уже с работы звонят и спрашивают, не надоело ли мне супы да борщи наваривать, не хочу ли я отдохнуть от домашней работы? Вот так. Забегалась я с этими обедами и посудами. Чёрный неблагодарный домашний труд. Меня ожидают по всем углам кучи штопки и вязания. Кстати, у Севиного свитера я связала только перед и полрукава, но бесконечная срочная работа отвлекает от дела, и надо всё быстрее и быстрее. Для творчества нет времени.

Вчера звонил отец. Я предложила купить бабушке квартиру в нашем доме с другого конца. Представляешь, как здорово, жили бы вместе с ней. Правда, там три комнаты, бабушке это много, и квартира-то в двух уровнях — внизу ванна и кухня, наверху спальня. Родители отказались, говорят, что дорого и не подходит. Если бы ты знала, как жалко терять эту квартиру со всеми удобствами и в центре города со мной рядом. У меня из-под носа уплывает выгодная вещь, я этого не потерплю. Бросилась к бабе Наташе, которая единственный добрый человек в Воронеже, всегда поможет, чем может. «Баб Наташ, говорю, выручи, купи квартиру. А свою продай. Твою-то скоро снесут, и останется нам с мужем три разбитых сарая и небольшая конурка, а то всё-таки трехкомнатная нам будет, и Дине будет, где жить. Ведь вроде рядом и не вместе. Это очень выгодно. Даже если родители Антоны из Приозерска захотят попользоваться, мне не жалко для них ничего. Только купи и не упускай». В общем, забила ей мозги

крепко, как я могу, всё красноречие применила. Она согласилась, теперь дело в цене. 20 тысяч — конечно, дорого. Но деньги у неё есть, и мне не хочется ей дать понять, что я ей могу занять, ведь сами без штанов сидим. Я была бы на десятом небе от счастья, если бы всё это удалось повернуть. Как ты думаешь, стоящее ли это дело? Я сегодня ездила с бабой Наташей на левый берег смотреть очередную квартиру. Правда, хозяйев не застала, поговорила только с соседями, оставила телефон. Баба Наташа каждую субботу приносит нам колбасу, ей дают по диабетической карточке. У нас колбаса всё по шесть или десять рублей, а диабетическая по два восемьдесят, разница есть. И если речь зашла о продуктах, то я очень удивилась, что родители тебе яблоч прислали. Если нужно, я могла это сделать, у нас полно всяких сортов. А в овощной магазин сейчас завезли молдавские яблоки — прекрасные, ярко-желтого цвета. Разве нет у вас в магазине или дорого? Хурма у нас тоже часто, и мандарины бывают. Я хурмы по три кг беру зараз, у нас её Дина, знаешь, как любит, набирает в подол и сидит, пока не поест. В магазинах всё есть, ведь действует продовольственная программа.

Дописываю через несколько дней. Побывала ещё на нескольких квартирах. Вчера звонили родители. Папа опять заболел той страшной болезнью, от которой не ходил долго. Господи, вот ужас. Что с этим делать? Лекарства, которые я достала, побочные явления вызывают самые мерзкие, и уж нет у меня надежды на них. Даже не знаю, чем можно помочь. Правда, по телефону он разговаривал сам, и у меня даже настроение поднялось.

Вообще-то к нам приехал Михалыч, друг Антона, правда, без Нинки, но на Новый год обещали вместе приехать. Михалыч занялся темными делами. Строит дом, допустим, за 5 тысяч, продает за 20 тысяч, покупает машину и летом приглашает нас ехать с ними в Прибалтику за вещами, ну и вообще отдохнуть. Лето, сама знаешь, какое будет, не до вещей, тем более что я сейчас на жуткой мели. А родители весной приедут, наверное, деньги нужны будут. Тысяча рублей у меня есть на страшный случай, а более — ни гроша.

Вспомнила про кофе. У нас продают обычный в коробках по три семьдесят, и молоть не надо, и прекрасного вкуса. Антон говорит, что только настоящие гурманы мелют из мельницы сразу в кофеварку, особенный аромат и прочее. Ну, если вы гурманы, я, конечно, поищу кофемолку. Но проще, мне кажется, купить растворимый кофе. Если надо, я достану, правда, не индийский, а московский. В зернах у нас редко продают, только в «Утюжке» и сразу мелют. Тебе, я вижу, нравится длительное маханье, возня и всё такое.

Про тряпки. Как я тебе сочувствую и как хорошо тебя понимаю. Ты представь, я почти ничего не покупаю, а тряпки валяются отовсюду, как у тебя. А ведь в прошлом году я продала в комиссионном магазине вещей на 370 рублей, а недавно на 120, причем отдаю почем зря, лишь бы меня это не душило, а что совсем не берут, бабе Наташе отдала — на «толпе спустить» хоть за гроши. На прошлой неделе она продала Лешину куртку за 35 рублей, а вчера — шапку старую за 30 рублей. Знаешь, сколько я ей детских вещей отдала, всё по рублю да по два. Так что она мне тоже помогает, чем может. И без «толпы» не обойтись. А когда так, как у тебя — такое затоваривание, не представляю, что тебе, бедной, делать, как тебе тяжело. Мне очень хочется тебе помочь. Да и деньги не помешали бы.

Пальто оба ты пришли, но не распарывай ничего, мама тоже некоторые вещи зря распродала, поспешила, их можно было продать. Значит, присылай пальто оба, куртку, военный материал, что-нибудь из обуви и мелких вещей, кофточки старые или блузки, юбки, старые платки или сапоги. Только не детское. С этим подождем.

Кстати, о шубе. Я могу тебе прислать искусственную шубу на твою дочку белого цвета с капюшоном. Мне кажется, пока тебе не страшен белый цвет, ведь дочка у тебя не ходит, а в коляске и в белой посидит. Но если твоя мама не захочет искусственную, я постараюсь достать натуральную, но только из ламы. Но только за «спасибо» никто не будет. Вместе с «магарычами» это будет стоить кругленькую сумму. Если вы сложитесь вместе с мамой или она пожелает сама подарить внучке шубку, то я смогу влезть в это дело. Я думаю — речь идет о реальной сумме до ста... Своей Медине я не собираюсь покупать шубу, так как она везде бегаёт и одежду не бережет. Тут уж не до шубы, хоть бы пальто в ключья не изодрала. Вчера на улице сцепилась с какой-то собакой, еле я их растащила. Ребёнок цел, это главное. Пленку мы ждем с нетерпением. Когда у Северина защита? С каким докладом он уехал в Питер? Очень хорошо, если бы он заехал к нашим, родителям Антона. Они — хорошие и приветливые люди, а мать вообще необыкновенный человек.

От фотографий твоей дочки мы в бешеном восторге. Там, где она в коляске, очень похожа на Наталью Бондарчук. Какой у тебя красивый ребёнок: похожа на тебя и на Севу, когда смеётся. Второй должна быть у меня девочка. Мне хочется, чтобы была девочка.

Целую крепко, Тоня».

К письму приложена черно-белая фотография — Тоня в легкой блузке с выбившимися волосами вокруг лба, задумчивая, романтичная. И вся точно в дымке предчувствия, и свет лучистый в серых глазах.

Эпизод 9. МЕДИНА ЗАМУЖЕМ

Медина вышла замуж внезапно. Однажды дома у Антонины прямо на кухне нарисовалась синяя джинсовая спина. С лейблом. «Кто это ещё?» — испугалась про себя Тоня. А спина повернулась лицом и оказалась кареглазым молодым человеком с русыми кудрями до плеч. Медина молча стояла у окна, постукивая по подоконнику маникюром. А сама в черном шифоновом платье, она любила черное, но с цветком в волосах, убранных в воздушный пучок. Ни здравствуйте, ни до свидания.

— Сейчас будем у... ужинать, — запинаясь произнесла Тоня, привычно включая чайник, газовую плиту, микроволновку и быстренько думывая оставшуюся в раковине посуду. Ну, Медина, ну хоть она бы нарушила это мертвое молчание. Тоня быстренько собрала на стол салатик, пару-тройку тресковых котлет, заварила чай с бергамотом. Задумавшись, нерешительно достала бутылку сухого вина.

А в голове всё время крутилась одна мысль: кто это, кто это. Хоть бы познакомила нас, что ли. Но Медина по-прежнему молчала, лицо её было странным, отсутствующим и даже слегка подсвеченным полуулыбкой. Ласковым голосом, таким несвойственным для неё, старшенькая сказала, что всё произошло внезапно.

— Дело в том, что мы ждем ребенка. Поэтому мы просто расписались. Это Валерий.

— Поздравляю, — бодро среагировала Антонина, она, конечно, разволновалась, хотя волноваться уже было поздно, всё уже случилось. Но она дёргалась. По радио очень некстати передавали «Мама, чао», пел Магомаев. Тоня даже задрожала от этого вырастающего подтекста.

— Поздравляю вас, Валера, поздравляю, Дина. А где будете жить? Видимо, у нас.

— Где же ещё? — удивилась Медина, но как-то нехотя удивилась: — Я и так живу здесь.

— Тогда давайте знакомиться, раз такое дело. Валера, расскажите о себе

Но Валера оказался не таким словоохотливым, как можно было бы решить по его внешности.

— Это вряд ли интересно, — мягко сказал он. — Я просто закончил политехнический и работаю в одной солидной компании. На жизнь зарабатываю сам.

— Это концерт «Созвездие»?

— Да, это концерт «Созвездие». Как вы угадали?

— А ваши мама и папа?

— А мои мама и папа всю жизнь работали в театре. Там собака, которая сидит на тротуаре, собака Троепольского. Сидит напротив, на проспекте, помните?

Антонина всё это помнила, она немного успокоилась, решив, что родители работают в культуре, значит, сын должен быть человек интеллигентный.

«Ах, мама, чао, мама, чао, мама, чао, чао, чао», — надрылся бедный Магомаев.

Отдельная двушка баб Наташи, куда переселилась Медина ещё в колледже, показала темной и незнакомой. Она то жила в этой квартире, если не одна, а то жила дома. Не могла решить. В углу стояли чемодан и две сумки в клетку, будто набитые товарами с рынка. Просто старые вещи. Ванна была занята мокрым ковром. Тоня постирала и вытащила на лоджию ковер весом, наверное, сто кило. Она его тащила, наверно, до самого вечера... Выдраила ванную комнату, отобрала бельё для стирки, потому что своей стиралки у Медины тогда не было, вынесла на помойку два ломанных стула. Смоталась на рынок за новой люстрой, не могла смотреть на голую лампочку, обернутую газетой. Упросила по телефону Танюшку сделать селедку под шубой. Танюшку, второго сторожа-сменщицу в садике, ведущего конструктора, которая делала блюдо сельдь под шубой идеально, мелкодисперсно, воздушно, размером тридцать см в диаметре.

Компоты Тоня притащила из своего подвала. Зажарила рыбу в кляре. Собрала лучшую посуду из дома, тарелки и бокалы. Всё это на своих плечах, на автобусах. Ещё был заказан торт с фигурками жениха и невесты и красные свадебные свечи. Тоня заняла по людям большую сумму денег, о последствиях старалась не думать. Это же дочка, кто ж ей ещё поможет?

Тоня горела как в огне, кипела как вода в титане. «Перестань, — сказала старшая дочка, это никому не надо». Но Тоня билась двое суток, не присела, как будто она без сознания была. Не потому, что люди скажут, не потому, что хотела купить доброе отношение. Просто ей казалось — иначе не по-людски, и главное — это была Медина, одна-единственная, её счастье и надежда...

После венчания в той церкви, где настоятелем был друг Валерочки отец Георгий, пришли в чисто прибранную квартиру с новой люстрой, с накрытым длинным столом. Венчать было запрещено без документов, поэтому свидетельство о браке тоже пришлось Валерочке доставать. Невеста приехала заранее и ждала в соседней комнате. Ждали час, никто не пришел. Только жених, отец Георгий, Танюшка и младшенькая Мила. Как же? Дочка никого не звала, выходит. У Танюшки был приготовлен обряд выкупа, а вообще она этот сценарий обкатала не один раз. Но невеста в обряды играть отказалась. Тогда жених сложил коробки конфет прямо на Танюшкины руки. Та ему частушку: «Ах, жизнь большая, свадьба только миг, гулять на свадьбе надо за троих!» Подняли тост в гробовом молчании. Пригубили. «Вы бы покушали», — дрожащим голосом просила Тоня. Но гости почти ничего не кушали. Кто их знает. Танюшка, будучи в сенокосной рубахе со шнурочком и вышивкой, начала было плакательную невестину — «Ой, подойди-ко сюда, родитель ты моя ма... и не убойся ты меня, белой лебёды, я лебёдушка со волюшкой проща... и на обидушку родитель созыва...» Тонкий голос подруги пронзил Тоню насквозь, и она чуть не зарыдала. Но подруга вовремя шепнула — не реви ты, это игра, обряд... Невеста смотрела на всё это так ехидно, что тетрадка с поддевками была тут же спрятана. У Танюшки в тетради был сценарий, всякие смешные прибаутки да присказки в народном стиле, но увы. До торта вообще не дошло. Танюшка унесла его на дежурство, всему садику хватило. Тоня молча плакала и даже не попробовала ничего. Осталось только поскорее забыть и не вспоминать ни стол, ни белое в бусинах платье, ни грустное лицо младшенькой Камиллы. Непохоже, чтоб там сквозила обида. Нет, она всегда держалась уважительно и ничему не удивлялась. Она никогда не напоминала сестре темные моменты их детства. Как, например, горькая и долгая борьба Милы с заиканием на нервной почве. Милка попадала в ситуации, когда с заиканием было тяжело справиться, а Дина при этом смеялась и злословила. А Мила ей прощала.

* * *

Мама интеллигентного Валеры позвонила Тоне сама.

— Я всё понимаю, — хрипло произнесла она низким прокуреным голосом, — и хочу помочь.

— Вы бы лучше за сыном своим смотрели, — деревянно отозвалась Тоня. — Вы знаете, что моя дочь ждет ребенка от него?

— Конечно, знаю, дорогая, — продолжал низкий голос женщины, будто они сто лет знакомы, ни здравствуйте, ни до свидания. — И хочу помочь. То есть получилась проблема, в которой виноват мой сын, и мы могли бы как-то вместе её решить. Ну, например, у меня есть знакомый врач...

— И это всё? — таким же потухшим деревянным голосом отозвалась Тоня, у которой жестоко ныло сердце.

— Нет, не всё! — с подъемом, чтобы как-то сгладить свой напор. — Ещё компенсировать расходы.

— Компенсировать кому? Мне или дочери?

— Ну, конечно же, дочери, я говорю про Медину. Валерочка, конечно, безответственный человек, но я понимаю, нельзя портить судьбу девушки в самом начале.

— А ребёнок, по-вашему, это порча судьбы? Или наоборот? А может быть, она его родит.

— Да что вы говорите, — продолжала властно настаивать женщина. — Чего она там родит? Она ещё ребёнок, они вообще оба дети. Сама я, в общем, порешаю и вам позвоню.

— Хорошо, а почему вы говорите со мной, а не с ней? Ведь рожать ребенка или не рожать — это её решение, а не мое.

— Хорошо-хорошо, — продолжала женщина. — Порешаем этот вопрос...

В общем, они говорили, потом решали, потом Медина вошла в медицинский центр вместе с Валерочкой и деньгами его мамы... Тоня их провожала до двери. Потом села на лавочку и стала сжимать руки, чтобы унять дрожь. Где-то через час в дверях центра появилась Медина, она пошла прямым шагом к лавочке, где сидела напряженная до нельз Тоня.

— Сиди, не вставай, — остановила она величественным жестом бедную мать, — я слезла со стола, хотя деньги уже отданы. Нельзя на меня давить. Я. Буду. Рожать.

Старшенькая срок ходила тяжело. Было похоже на то, что у неё сперва наступил токсикоз первой половины беременности, а потом плавно перешел во вторую. Динино белое до зеленого лицо со сжатыми губами оставалось таким же прекрасным, но есть она не могла ничего, только иногда пила йогурт. И как должен был выживать ребёнок в таких условиях бесконечного голодания, непонятно. При этом будущая мать при-

мерно ходила в церковь и так же примерно — на прием к врачу, обследования были положительные.

Однажды Медина проронила в разговоре с матерью:

— Там есть кое-какие проблемы, делали УЗИ, кажется, у ребенка может быть водянка мозга.

— Ну вот, — испугалась Тоня, — а что, раньше было незаметно?

— Раньше было незаметно, — спокойно ответила дочь, — но теперь уже поздно что-либо делать.

«Какие у неё нервы. Надо же, — удивилась Тоня. — Не видно слез, не видно како-го-то вообще переживания, как будто так и надо».

В оглушительно жаркий летний день, когда солнце нагрело город до сорока градусов, Медина поехала на такси в родильный дом и родила девочку на три двести, здоровенькую, без водянки. Но нервы, которые рвались и шипели у Тони, пожалуй было некому. Ладно, все нервы достались на долю Антонины. А что чувствовала сама молодая мамочка, то никому неизвестно, она переносила всё это молча и, похоже, была уверена в том, что всё кончится хорошо. Антонина с мужем когда-то пошли на рискованные комбинации для того, чтобы разменять большую бабушкину квартиру за рынком и получить вместо неё двухкомнатную поменьше, на первом этаже, поменьше, но изолированную, с лоджией.

Медина будто ушла в свободное плавание. Но это было так на бумагах, а фактически она продолжала жить у матери.

Дина, конечно, гуляла с коляской, но стирала пеленки мать, и если дочка пыталась съехать к себе на самостоятельное жильё, вдобавок за ней на такси ехали кастрюльки и завинченные банки с Тониными мариладами.

Вскоре явился виноватый Валерочка и привез от Дины кошку: у дочки пошла аллергия. А когда снова вернулась к матери Дина с ребёнком, кошку надо было прятать у соседки. А кошка капризная, сиамская, соседку бедную вообще невзлюбила.

Но самое страшное не это. Самое страшное то, что со вторым ребёнком Медины, а это был мальчик, всё повторилось с точностью до самой последней мелочи: беременность, медицинский центр, деньги, слезание со стола в последний момент. «Буду рожать».

Эпизод 10. ДОНЖУАНСТВО

Камилла, застенчивое кареглазое существо с тихим голоском, умела быть и гневной. Это дома она бесшумно передвигалась по квартире, не поднимая глаз. Девушка, одевающаяся на двадцать штук в месяц, дома безропотно мыла полы, посуду, окна, обувь, накрывала на стол и мгновенно крошила салаты. А как только встал вопрос о курсах вождения автомобиля — ясно, на кого посмотрели. Ну надо же смотаться на дачу там, или в «Сити-Гранд», или на озёра позагорать... Сначала били челом Валерочке, мужу старшей сестры. Ведь в этой семье он мужчина самый молодой, самый обучаемый, поэтому ему и на курсы идти. К тому же он технический чел. Он не отказывался, но застенчиво попросил оплатить курсы. Стал ходить, даже пособие купил печатное, но потом как-то забросил. Антонина, которая всегда всем в доме заворачивала, сурово напомнила ему о долге перед семьёй, на что Валерий, так же застенчиво улыбаясь, снова попросил денег. На этот раз Тоня не смогла удержаться, отправила его к его же матери. История повторялась трижды. В конце концов, добрейший Валера каждый раз доходил до финала и срывался на практической сдаче. Вот такая загадка. А кричать на Валеру было бессмысленно. Он же добрый, как оладик толстый, и сам никогда ни на кого не кричал. Жена его, старшенькая Медина, рванулась было спасти честь семьи сама, но её диоптрии ей не позволили. Доктор даже сказал, что ей пора принимать срочные меры и что-то делать с отслоением сетчатки. Оставалась Камилла, у которой зрение было немногим лучше, чем у сестрёнки, но она всегда носила линзы, и таким образом получалось, что выглядела вполне.

— Иди! — напутствовала её Антонина. — Сама видишь, больше некому. Отец у нас тоже минус десять, а мне нельзя, поскольку нервная я. Держись.

Камилла и стала ходить на курсы и занятий не пропускала. Она всегда была очень честная, очень примерная ученица, и когда пришла пора сдавать на права, вдруг выяснилось, что индивидуальных занятий недостаточно, нужна машина. На другой день Антонина ворвалась к мужу с весёлым смехом и выключила его телевизор.

— А-а! — закричал потрясённый муж. — Убить меня хочешь? Там «Формула-1» идёт! Я целую неделю ждал.

— Потом посмотришь по другой программе. Иди машину покупай.

— Да у меня и денег таких нет!
 — Не волнуйся, я тебе дам деньги. Вот, держи.
 — А-а! — попытался снова закричать муж, но сбавил тон. — Где взяла-то?
 — Не шуми, накопила. Я тебе хоть раз тройную порцию котлет не выдала или, может, борща недолила? Остаток, помнишь, был с той дачи?
 — Так мы продали ту дачу в прошлом году.
 — Да, продали, долги вернули и на новую начали собирать. Давай вставай, помоги дочке. Она боится одна.

Камилла в это время, лёжа в постели в широкой батистовой ночнушке в мелкий цветочек, безмятежно листала каталог «Avon» и понимала, что деньги с неба не падают. Но деньги упали с неба, и ей пришлось вставать и краситься. Они поехали с отцом в салон. Выбрали пежо французской сборки, за что и получили краткий, но мощный выговор от Антонины. Она, конечно, предпочитала внедорожники и мечтала о джипе. А пежо — это же баловство для дамочек, и посадка вон какая низкая — в первой же деревянной рытвине захлебнётся. Муж развёл руками:

— Что я сделаю, если машинка ей к лицу?

Да, Камила смотрелась уютно в окошке нового автомобиля. Первые два раза она выехала на нём с инструктором, то есть вела свою личную машину по доверенности, а там уж отцу надоело деньги давать на инструктора, и он взялся за дело сам. Камила вскоре сдала на права и стала возить дорогих родственников на дачу, в «Сити-Гранд», на озёра и в другие необходимые места. Однажды, когда в очередной раз к ним приехала тётя Валя, мамина сестра, — встретить её нужно было в три часа ночи на загородной станции, — Камила испытала даже легкую гордость.

— Мила! — закричала тётя Валя, выпадая из ночного поезда с тремя чемоданами. — Тебя тоже заставили проснуться среди ночи? — увидев машину, Валентина потеряла дар речи, молча стояла, пока сестра Тоня, её муж и их дочка не стали её тормозить за рукава. — Боже мой, Мила! — без конца восклицала тетя. — Ты всегда была такой робкой! Я тебя совершенно не узнаю!

И потом, когда они уже ехали по ночному городу и Мила изящно объезжала ямы и увиливала от «крутых» водителей, все снова и снова убеждались, что Мила — человек без нервов. Железная Тоня и то ойкала, а Мила, не дрогнув, говорила:

— Спокойно, мама, три к носу, и всё будет хорошо.

Вроде бы всё хорошо, но на работе ей как раз предложили двухгодичную командировку в Тамбов. Ехать так далеко не хотелось, но на карьере это могло отразиться самым неожиданным образом. Мощная строительная корпорация, у которой был филиал в Тамбове, оценила Камиллу высоко. Действительно, поработав в Тамбове полгода, Камила попала в другой филиал той же корпорации, но теперь уже московский. Машина всё это время тихо стояла у знакомых в гараже, за который приходилось платить неслабую аренду. Однажды на Новый год Камила приехала с очень таинственным видом и шепнула матери, что она, конечно, поможет приготовить стол, но, вероятно, к ней приедет гость. Поскольку комната Камиллы была на втором этаже, гостя не сразу бы и заметили, но в темноте гость нечаянно наступил на собачку, поднявшую вой на всю квартиру. Испуганная Тоня, вбегая на второй этаж, столкнулась у лестницы с голым мужчиной.

— Кто? Кто здесь?

— Я друг Милы — Герман, — и мужчина церемонно протянул матери руку, поклонившись ей в лунном свете безо всего.

— Здравствуйте, — поклонилась ему Тоня, стыдливо одёргивая свою ночную рубаху.

Так они и познакомились. Весь день Герман не показывался в парадной, столовой, ввиду, а вечером они на втором этаже весело хохотали под его байки и под бутылочку «Чинзано». Друг Милы, человек худой и подвижный, с хищным индейским лицом и чёрной лохматой шевелюрой, оказался такой компанейский. Суровый отец так и не понял, что у Милочки друг приезжал.

После Нового года всё стихло, и Тоня даже было подумала: «Ну и хорошо, а то предыдущий был слишком старый. Ну и ладно, лишь бы любила». Тоня, намучившись с женихами старшей дочери, не хотела забивать себе голову, понимая, что по её желанию всё равно ничего не будет. Камила нравилась мужчинам в возрасте! То ли потому, что была достаточно мягкой и воспитанной, не похожей на современных отвязных девушек, и с ней не стыдно было показаться в любом обществе. То ли потому, что была плавная, стройная, поступь модели. То ли потому, что Мила не только казалась, но и была чистым существом, не искушенным в любовных делах. И когда она поворачивала в сторону собеседника своё личико со смеющимися смородиновыми глазками и большим лбом, у собеседника стесняло дыхание — восемнадцатый век!

Но радоваться было нечему. Герман оказался, естественно, женат. Жена оказа-

лась, естественно, тяжело больной женщиной, да ещё истеричкой, тяжело переживающей любую измену. Всякий раз, когда нужно было платить взнос квартирного кредита, она, картинно откидываясь на подушках, напоминала Герману, что ей, в сущности, осталось недолго, и квартира нужна для их сына, которому уже четырнадцать. Вопрос с разводом постепенно тонул и утонул в достаточно тяжёлой вине Германа. Мила на это ничего не говорила. Она вообще никогда ничего не говорила и никогда сама не звонила мужчине, не качала права, потому что в ней было достоинство и понимание своей истинной цены. Если ночью у Камиллы начинал пиликать будильник, мать из любой точки квартиры догадывалась, что это звонит Герман и что мешать нельзя. Так минуло два года. Камилла получила повышение, стала ведущим специалистом сметного отдела, и её оставили в Москве.

Жизнь в Москве Камилла ощущала как затянувшийся праздник или бесконечный день рождения. Конечно, трудового энтузиазма у неё хватало, но что ни день, то обед в ресторане, что ни вечер, то презентация проекта. Обычно спутник всегда находился сам собой, и основной проблемой было выбрать платье. Но не потому, что «надеть нечего», а потому, что много вариантов...

Иногда прискакивал из Тамбова Герман, оказавшийся в командировке, а это было довольно-таки часто, и Камилла, улыбнувшись, исчезала в разгар вечеринки без слов, без объяснений. Некоторые молодые люди в корпорации догадывались, что у неё есть покровитель, но стоило им открыть рот — Камилла начинала улыбаться. И улыбка её своим затаенным сиянием выключала все расспросы.

Камилла не осталась в Москве и легкомысленно вернулась домой. Ей надоело бесконечное празднество, она раздумала строить карьеру, но в один пасмурный вечер по родному дворику застучали колёса её дорогого чемодана — и всё. Герман не звонил. Камилла взяла отпуск от любовного романа и вообще как-то ушла в себя.

Мать на неё подозрительно поглядывала. Она привыкла, что Камилла в Москве не сидела вечерами дома. То картинг, то фитнес, то салон косметический. А дома Камилочка всего два раза сходила на встречу с однокурсницами, и всё. Вечерние бдения перед телевизором не могли, конечно, заглушить в девочке грусти по тамбовскому коллеге. Герман обладал быстрым хищным умом и внешностью донжуана, эти нахмуренные брови, длинные волосы, борода богемная, шкиперская трубка янтарная, всегда в черном, все эти фишки для романтических разрывов. И ведь выстреливало, никуда не деться.

Новая работа — ещё одно проявление благосклонности судьбы. Как водится, были разосланы резюме. Как водится, на них не было ответа. Несмотря на то, что ослепительно молодая Камилла имела уже солидный стаж по специальности и отличный послужной список, потому что работала она, учась заочно. И тут вдруг ей позвонили и вкрадчивым голосом предложили та-а-кую зарплату... Отказаться было просто невозможно. Новое очень солидное управление, новые знакомства и повторение истории с карьерой. Теперь ей уже не надо было добиваться отдельных мелких повышений. Теперь ей расширяли участок, и повышение происходило автоматически.

Корпоративные дамы благожелательно поглядывали на Камиллу, помогали ей, но никто не мог похвастать особо близкой дружбой. Мила была со всеми ровной, ласковой, но чуть гордячкой. Кто бы мог подумать, что дома она всё так же крайняя: моет полы, обувь, окна, посуду, красит наличники, заборы, мотается с матерью на своём пежо по загородным супермаркетам... И всё без капризов, безропотно. Наталья — соседка по отделу — всё приставала к Милочке с рассказами о своих заграничных турах. Объехав уже десяток стран, она пыталась раскрутить Милу на откровенность. Мила пожимала плечиками. «Ещё не накопила», — улыбалась она. Наталья втянулась в распространение продукции «Avon», и вскоре оказалось, что почтовое отделение, где нужно было получать посылки, находится прямо рядом с домом Камиллы. «Милочка, ну вы же мне не откажете, — ворковала Наталья. — Вы представляете, каково мне будет тащить домой в пригород эту тяжесть, а потом снова на работу». Камилла взглянула на неё укоряюще, но посылку привезла. Наталья приняла это как должное и в очередной раз пристала с тем же вопросом. Камилла резко отказалась.

Весь отдел — а это было пять дам и два мужчины — накинулся на Милу с упрёками: и ты-де такая молодая и такая упрямая, и не хочешь помочь женщине вдвое старше. И не так надо входить в коллектив. И думать надо о своём будущем... В разгоревшемся скандале Камилла не проронила ни слова, только щёки у неё пылали. Выходя из отдела, она слегка обернулась и сказала через плечо:

— Никто не может никого заставить. Даже по работе я не стала бы злоупотреблять такими словами. Когда вы, Наталья, уезжали, я молча ваши отчёты отправляла, жаль, вы не оценили. Теперь вы скажете мне спасибо, если я что-то попрошу сделать вас.

Вот эти тихие слова всех просто потрясли. На другой день, когда нужно было идти на планёрку к управляющему, попросили Камиллу. Управляющий спросил:

— Кто в курсе последних контактов с санэпидемстанцией? Что там у них за новая концепция? — и показал рукой на Милу, как будто она была санэпидемстанцией. Мила встала со своего места и, скрипнув сиденьем, проронила:

— Когда вы, сударь, включите меня в свою свиту и я буду ходить вместе с вами на совещания по санэпиднадзору, я непременно буду в курсе, а вчера, насколько я знаю, вы сами там были. Поэтому мы рады всё узнать от вас.

Какая дерзость. Повисло невероятное молчание. Какая-то приголовишка, молодая специалистишка посмела открыть рот перед управляющим, которому нужно было только поддакивать, только. Все молчали, а управляющий спросил:

— Как её фамилия?

— Славнова.

Фамилию он запомнил. И у него теперь появилась ехидная присказка: «Зайдите ко мне, я отчитаюсь о последних совещаниях». Управляющий был достаточно молодой, амбициозный и быстро понял, что на таких женщин, как Камилла, катить бочку бесполезно. В то же время, если с ними по-человечески, то всегда можно положиться. Камилла виду не подавала, что ей что-то нравится или нет. Она была в беседах с ним ровной, ласковой, а временами начинала так улыбаться, что управляющему казалось — вот сейчас, сейчас что-то попросит, вот что-то надо ей и немаленькое, иначе откуда этот свет неземной, гипнотический?

Наступил вечер, когда Камилла позвонила матери и сообщила, что задержится, пойдёт в ресторан.

— Ага! — воскликнула Антонина. — Ага! Наконец-то!

Весь вечер управляющий непрерывно рассказывал что-то Камилле, упорно глядя на её шею с ниткой жемчуга, на простое лёгкое платье, которое просвечивало четырёхзначной суммой. Он понимал, что если он начнёт её за руку брать, то это будет в последний раз, поэтому он не прикасался, только заглядывал в глаза и тут же отводил их. А Камилла на него взглянула только один раз. Она уже к тому времени все блюда перепробовала, насытилась, напитки отдегустировала, и ей стало скучно.

— Виталий Васильевич, вечер был бесподобен, но мне уже пора.

Виталий Васильевич побагровел.

— Камилла, вы уходите так быстро, что я могу истолковать это как упрёк.

— Полно, я выдержала все приличия, а теперь уже двенадцатый час.

— Приличия? Да вам просто скучно, но я не буду вас задерживать. Просто мне показалось, что прошло несколько минут.

Он её отвёз на такси. Когда Мила захрустела в прихожей огромным букетом роз в кружевной обёртке, Тоня, конечно, услышала, но вставать не стала. Утром только спросила: «Он женат?» — «Не знаю», — пожалала плечиками Камилла.

Виталий с его гонором высокого руководства и фигурой культуриста вскоре потерялся, не знал, как ему себя вести. Окриками, строгостью — бесполезно. Камилла не относилась к числу людей, которых можно было шпынять за работу. Кроме того, в коридорах управления о ней никто ничего не мог нашептывать. Непонятная, тёмная лошадка. Оставалось подбираться издалека и приглашать в ресторан, на корпоратив, на какие-то официальные встречи, которые самому ему не нравились.

У Виталия была подруга, старая, надёжная, боевая подруга. Но он не был женат. И Камилла, высокая, белокожая, молчаливо-затаённая, казалась ему идеальной девушкой для брака. Только удалось бы как-нибудь с ней сблизиться.

Теперь Камилла могла спокойно сидеть на летучках, планёрках и совещаниях управляющего, её не трогали, но, если она сама хотела возмутиться, ей не возражали. Такие вещи передаются по воздуху. На корпоративе в честь юбилея управления Виталий всё хотел вклиниться в кружок дам в вечерних платьях, но как только он приблизился, кружок таял сам по себе. Взяв два бокала с подноса, Виталий подошёл к Миле. И вздохнув так, что чуть не треснул белый его пиджак, весело спросил:

— Вы опять ничего не пьёте, Камилла? А вот это вам как?

— Изумительно, — ответила она, отхлебнув из поданного бокала.

— Может, продолжим где-нибудь в другом месте? — полуспросил он.

— Мы ещё здесь не закончили.

— Не хотите потанцевать?

— Почему бы и нет?

Вдруг он увидел, что она не против, не против.

Ну, во-первых, эта странная растопляющая улыбка. Во-вторых, неуловимо изменилось её поведение: то она держалась прямой, как струна, а то вдруг как-то вольно откинулась в его руках и заговорила сама. Пусть ерунду — пустяки. Но адресно, для него лично.

— Почему у нас коллеги так любят чёрное? Смотрите, весь банкетный зал в чёрных пиджаках, пардон, в смокингах и в маленьких чёрных платьях. А вы в белом. Любите

белое? Я тоже. Не сегодня, правда, — она чуть двинула плечом в изумрудном топики.

— Но у меня много белого. Где вы хотите продолжить? Мы ведь и так в ресторане.

— А что вы скажете про яхту? Можно покататься на яхте.

Она говорила чуть втягивая, чуть заикаясь, это было так трогательно, до сумасшествия.

— О, у вас личная яхта? Нет, давайте лучше на пароходе. Там большие палубы, ветер.

— Давайте. Если, конечно, они ещё ходят.

Они исчезли с корпоратива вместе. Заметили это все абсолютно, но не удивился никто. Теперь придя на работу утром, она получала эсэмэски по телефону. В каждой эсэмэске был рассказ о её пальцах, либо её волосах, либо её улыбке. Открывая дверь в свой отдел, она видела на столе цветы: да что говорить, ведь эта фаза отношений почти у всех одинаковая. И что самое смешное — все эти примитивные вещи, они бьют без промаха...

Ночью ей позвонил Герман, он ей битый час рассказывал, во что превратилась его серая жизнь без неё. Он говорил ей, как его задушили долги, как его убивает работа и какой сказкой был их роман в Москве.

— Радость моя, ты, кажется, меня не слушаешь? — спрашивал он, и голос его невероятно вибрировал, и было полное впечатление, что он сходит с ума от тоски.

— Нет, я всё слышу и очень сострадаю.

— Насколько же сильно страдаешь?

— Безмерно.

— Не понимаю, как можно так страдать, ходя по ресторанам с мужчинами.

— А что же мне остаётся? Ты далеко, мне не звонишь, надежд никаких...

— Да у тебя полно надежд, причём небезосновательных!

— Не понимаю.

— Отлично понимаешь. Что ж, не спорю, Виталий — неплохая партия. Но как же я?

— А мы с тобой расстались год назад.

— Расстались географически. Ну, такое забыть невозможно. А ты, значит, забыла.

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— Камиллочка, сон смутной радости, мечта прибрежная, ветер мой весенний.

Слышишь, забыла ты меня.

— Конечно, нет.

— Конечно, да.

— Конечно, нет.

— Конечно, да.

— А у тебя в каком ресторане осведомитель был?

— Я не так низок, чтобы следить. Я чувствую...

На следующий день жизнь была так же прекрасна, душа была так же полна светлыми мелодиями, а новое платье удивительно подбадривало. Только цветов на столе не было. Телефон помалкивал. Три дня молчания. Что бы это значило? На очередной планёрке Камилла уже не блуждала взором по искусственным растениям офиса, она смотрела прямо на Виталия. А у того при всех его белых костюмах было совершенно похоронное лицо. Ей даже показалось, что в глазах возник некий горячий блеск.

Она ушла с совещания, ничего не сказав. Он не подавал признаков жизни. Впервые она первая ему написала: «Что случилось?» — «Всё кончено». — «Почему?» — «А Вам жаль?» — «Мы были на ты». — «Мы снова на Вы». Она задумалась. Кажется, дело нечисто. Стала перебирать в памяти свои фразы, свои жесты, чем могла обидеть. И не находила их. Она вообще была настолько добродушным человеком, что ей бы это и в голову не пришло. «Надо поговорить».

— Пообедаем?

— Там, где в первый раз.

Они приехали в ресторан почти одновременно. Небольшая заминка, она хотела сидеть у окна, а он заказал столик в кабинете. Это был странный обед. Еда на столике почти не уменьшилась. Столик почти сразу был отодвинут, и они стали обниматься. Они молчали почти всё время, как бы понимая, что это последний шанс, что больше ничего не будет, что впереди много всяких столиков, скатертей-самобранок, яств, вин, компаний, банкетов, но эта дрожь рук не повторится.

— Неужели до такой степени? — прошептала она. — Вы же не будете скрывать, что знаете Германа?

— Конечно, нет. Мы с ним друзья, а друзей предавать не принято.

— И что? Он вам пригрозил?

— Да он не пригрозил, он просто по всему управлению раззвонил, что я отбил у

него девушку.

— Он посмел сказать, что я его девушка? Да ведь мы давно расстались.

— Пойди докажи. Я сейчас выгляжу полным подлецом. Мои же приятели на меня косятся.

— Подлец — не вы... Не надо меня так обнимать, вы же мне шею сломаете.

— А знаете, как вы мне понравились? Я думаю, что же делать — пойти повеситься?

— А вы мне тоже понравились, но, видимо, мне отвели роль жертвы.

— Понимаете, есть же негласное чувство локтя. Вот я друг, и я не должен...

— Всё, в последний раз! Не надейтесь, что я буду хватать вас, умолять, в ноги па-
дать...

Необычная история любви закончилась в самом начале. Ночью звонил Герман, говорил ласковые слова, и она с ужасом понимала, что, наверно, у него есть знакомые и в других учреждениях города. И в других городах. Да у него, этого донжуана в отставке, оказывается, длинные руки. Он, выходит, поставил на ней печать? У него везде было много знакомых, только находиться в их числе больше не хотелось.

Эпизод 11. ШОРТИКИ

Медина вроде была прилежной матерью — она чутко спала, успокаивала, если вскрикивали во сне, она чисто стирала, прилежно кормила своих детей, следила за их здоровьем, чистотой кожи, и чтоб не бросались плохими словами. Хотя никогда не кидалась на первый крик. Насупив брови, она прислушивалась, потом не торопясь шла разбираться. Она подолгу гуляла с ними в парке, катала дочку Нани на каруселях, ходила в обнимку с сыночком Никоном по дорожкам, если он вылезал из коляски. Глядя на неё со стороны, можно было расплакаться: молодая красивая женщина, и с ней такие ангелы. А по жизни чаще плакала мама Тоня.

Когда Медина приходила домой, на плите всегда стояла готовая кастрюлька с супом, но она кривила рот — не то и не так. О, она была царственна в своём материнстве, но при этом предполагался кто-то, кто будет ей всё подавать. Кареглазый Валерочка не мог помогать, он с утра уходил на работу, а помогала ей мама Тоня. Медина бросала быстрый взгляд на плиту, а проходя мимо матери, негромко произносила: «Иди, помойся». И не было в этом ничего унижительного, а просто была констатация факта, так как запаленная пожилая женщина должна была исчезнуть из кухни, пока Медина кормит детей. Так было бы ещё чем кормить, накормить их было непросто. Потому что, если они не хотели супчик, в холодильнике должны стоять приготовленные творожки и пасты и всякое затейливое детское питание из магазина — от «Фрутоняни» до «Бабушкиного Лукошка» и «Темы».

«Чем я кормила дочек? Тем, что в садике оставалось. Каша, пюре, запеканки, яйцо вареное. Не было этих баночек дорогущих», — размышляла Тоня и безропотно всё сносила. И её восхищала Медина, как она плавно ходит и говорит, она видела, как дети похожи на дочь, и молча сдерживала свой восторг. Хотелось их взять на ручки, качать на коленках и забывать обо всем.

А купленные баночки быстро старели, истекал срок хранения, и их выбрасывали, особенно раскрытые. Медина бросала быстрый взгляд, который давал понять — «это на выброс», и всё, пора было снова идти в магазин. Странно, но взгляд этот напоминал Тоне её строгую мать, и взрослая Тоня вся сжималась, как это было в детстве. Они менялись ролями. Медина играла роль матери, а Тоня — дочери. Но где, скажите на милость, была младшенькая Мила? Этот тонкий стебель с тихой, чуть заикающейся речью? Конечно, тоже в роли дочери. Она будто забыла все колкости сестры и бросалась на помощь по первому зову.

Всё бы ничего, но Мединой овладела некая духовная жажда, она стала читать эзотерические книги и с удвоенной энергией рисовать. Включала стиральную машину, заполняла бельем и отправлялась в сад с бумагой и акварелью сделать несколько набросков. Потом задумывалась о чем-то своём и не слышала, как из дома раздается дикий детский рёв. Естественно, мама Тоня, которая прекратила работать няней для богатых людей, стала работать няней у себя дома. Она бросалась к детям, разнимала их, по плечикам гладила, целовала в макушку и пыталась им читать детские книжки, если они соглашались. А если не соглашались, то вытаскивала из кладовой качающегося коника или большого лоскутного пёсика. Да, Медина была царственная мать, но за этим всем должна была стоять незаметная и постоянная помощь бабки. Но если бабка что-то недосмотрела, то следовал гнев по делу и не по делу.

Вот такая ситуация развернулась в доме мамы Тони: она и стирала, и готовила, и сидела с детьми, чтобы они не дрались. Она колдовала над отварами, когда у детей было

расстройство живота. А что Медина? Что делала она? О чем она думала, разглядывая изогнутый стебель лилии в саду? Она, конечно, рисовала такими странными кружочками, как пуантилисты, можно было увидеть ту же лилию дома на листах из альбома. Только настроения этой лилии были разные — то безмятежное, будто бы сонные глаза, то нацеленные хищно на зрителя. Возможно, это было отпечатком душевного состояния самой Медины, но рисунки были иногда пугающие. Тоня увидела их мельком, когда полола грядку с помидорами в огороде, и один лист просто понесло ветром.

Однажды вечером Валера пришел с работы раньше обычного и сразу пошел в комнату Медины, не заглянул даже на кухню, на манящие запахи пирогов. Дети смотрели мультики. «Странное дело, — отметила про себя мама Тоня, — неужели сыт или дома у мамы был?»

— Медина, — обратился Валера к жене, — послушай сюда, у меня к тебе известие.

— Какое ещё известие? — Медина подшивала край кружевной юбки для дочки.

— Да такое известие, — в голосе Валеры появилась торжественность. — Ты знаешь друга моего Георгия, настоятеля нашего храма?

— Ну, знаю. Что с того?

— А то. Упорную работу и немалую помощь в храме он, видимо, оценил. И предложил мне взять свой приход. Не здесь, конечно, в сельской местности, но недалеко от города. А свой приход — это очень важно, это, знаешь, почти карьера.

— Ты что хочешь сказать? Ты хочешь сказать, ты будешь батюшкой?

— Возможно, да.

— Возможно, ты тронулся? — и проникновенно: — Возможно, ты сошел с ума, слетел с катушек? Уехать из города в деревню без врачей и без садилов? Какой ты батюшка, ты посмотри на себя. Грязный, толстый, ленивый. И какая я тебе матушка? Да ты совсем, что ли?

— Возможно, у меня есть недостатки, возможно, я не всегда красиво одет и причесан. Ну, ничего страшного, рубахи мои стирает теща. Ты тоже могла бы иногда пришить мне пуговицу. И постричь, ты же умеешь.

— Ещё чего, на мне дети.

— Ну, это было предсказуемо, — вздохнул Валера, — ведь мы женаты. А то, что ты хочешь стать художницей, так это можно везде. И интернет туда можно провести. Я сумею. Значит, ты не согласна, что у нас будет в деревне свой дом и я буду служить в тамошней церкви? Тут же до неё всего двадцать километров.

— Да прекрати! — закричала Медина. — Прекрати, слышишь! Юродивый.

Она никогда так не кричала.

Красавица мама Тоня, слыша всё это снизу, остановилась, прекратила мыть полы. Она совершенно точно знала, что Валера мог быть священником, он всегда бесконечно добрый, воцерковлённый, к нему тянулись люди за советом, в его мягких жестах, в глазах было что-то утешающее. И вдруг — такая к нему агрессия. Почему? Ему пошла бы борода.

Да. Странно, всё это странно, и невыносимо тяжело слышать такое от своей прекрасной дочери. Домыв полы, Тоня вытащила тряпку и ведро за крыльцо и горько задумалась, стоя у садовой решетки и глядя неведомо куда. За решеткой укоризненно качались гладиолусы и рудбекии. Ну, конечно, то, что было очевидно для Валерия, для Тони, могло не быть таким очевидным для других. Возможно, Медина сама могла бы следить за внешним видом мужа, иногда погладить постиранные кем-то мужнины рубахи, пришить пуговицу, но она не хотела этого делать. Когда муж давал ей деньги, она покупала только себе и детям, но никогда ему. Пусть мама театральная покупает. Она вела себя так, как будто пуговицы могли пришиваться кем-то другим или сами собой по волшебству.

Тоне всегда казалось, что между Диной и Валерой, несомненно, есть связь, есть какая-то тяга друг к другу, и связь не только физическая. Независимо от того, как это воспринимают другие. Он на неё смотрел тепло, он на неё так смотрел, что даже коснуться боялся, Тоня видела. Почему жена не отвечала ему тем же? Опять-таки странно.

Ну, ладно, неважно. После этого случая Валерочка исчез, он не приходил домой после работы, он не звонил домой по телефону. Может, он вправду уехал в деревню и стал деревенским священником. Тоню так и подмывало позвонить высокопоставленной маме в театр, но она не могла, боялась. Хотя ей жалко было Валеру — первый мужчина, который смог выносить тяжёлый характер супруги четыре года. Да и кто у них кого выносил, понять было довольно трудно. Некоторые мужские занятия Валеры — хождение по аптекам, магазинам, в поликлинику с ребёнком — были налицо. Но, значит, было что-то ещё, что мешало принять его как человека. Наверное, пиво меша-

ло, пиво постоянно пил, сидя за компьютером, за ужином, на лавочке в парке, всегда, когда была возможность. Тонин муж Антон предпочитал что-нибудь иное, больше крепкие напитки, но Тоня же терпела. А почему не могла терпеть Дина, и какой особой судьбы она хотела для себя? Да, Тоня стирала белье для Валеры, для дочки и для детей, но стирать Медина могла и сама. У неё теперь дома была прекрасная стиральная машина. А почему она без конца приезжала к матери, с которой никогда не разговаривала? Да, наверное, потому, чтобы было кому чмокать детей в макушку и рассказывать им сказочки, сама она этого никогда не делала, и вот очередная прогулка, и процесс одевания занимает около часа, а то и больше.

Все платишки, пелеринки, футболочки и шортики, всё было обычно собрано и лежало стопкой. Но в этот раз шортики куда-то потерялись, потому что волны детского тряпья перекатывались по квартире девятым валом. Сначала в стиральную машину, потом оттуда на улицу сушиться, потом с веревок они переползали в шкаф для глажения. В этот раз шортики куда-то утонули. У Медины всё должно подходить друг к другу, она тщательно следила, чтобы цвет носочков совпадал с цветом футболки или, например, цвет шортиков совпадал с рисунком на футболке. Дети устали одеваться. И начали по обыкновению драться.

— Перестаньте! Красные шортики где? Я спрашиваю, они вот здесь лежали!

Шортиков на месте не было, искали ещё битый час — не нашли. Тоня лихорадочно проверила веревки и шкаф для глажения, шортиков там не было. Нани, полностью Аня, в платье с рюшами и Никон, сокращенно Ник, без шортиков, просто в трусиках, грустно стояли у крыльца.

И вдруг какое-то усталое бессилие овладело Тоней. Как же она устала быть всё время на цыпочках, растирать пюре, подносить тарелочки, искать шортики.

— Знаешь что, дорогая моя, — обратилась она к Медине. — Если тебе не нравится скорость поиска шортиков, то езжай-ка к себе домой. У тебя есть своя квартира. Я даже не знаю, чем тебе угодить. А ты становишься всё больше похожа на мою мать. Та ведь тоже очень грозная была.

— Ты меня выгоняешь. Из моего собственного дома. Вспомнишь об этом. Но я уже не вернусь.

И начала складывать чемоданы. Она собралась быстро, быстрее, чем собиралась на прогулку. Взяла у Тони из кошелька бумажку, вызвала грузотакси и уехала. Без шортиков.

Сначала Тоня ничего не говорила и никак не среагировала. Но через неделю, через две в ней начал копиться взрыв. Телефонные звонки никак, ничего. С Милой тоже ничего не получилось, ей сестренка тоже не отвечала. Может, там все умерли? Нет, они были живы, Тоня стояла за углом и видела. Пришла на работу в садик, поплакалась коллегам. Те пожали плечами: «Ты должна её простить, ноги мыть и воду пить».

«Что-о-о?»

Ещё через месяц Тоня сожгла в раковине все фотографии детей. Нет у неё детей, и всё. Так и сказала сестре по телефону. Гарь была проветрена, но зацепилась за углы.

Валя понимала, что рыдания в ванной — это не просто так. Это прощание с белым светом. Но поехать и обнять в тот момент не смогла...

* * *

Почтовый ящик. Вслед Наташе.

«Здравствуй, Валя! получила письмо с фотками, хочу тебе сказать, что выглядишь ты хорошо в этой белой кофточке по сравнению с твоими одноклассницами, они куда толще тебя. И более сонные. Да, сорок лет назад вы кончили школу. И ещё смогли вспомнить друг друга. Но тебе надо что-то покупать на себя, не всё же в той кофточке. Всё вспоминаю, как ты по приезде почистила балкон, молодец. Я каждую неделю по пакету выношу что-то из вещей, боюсь зарастать — опять мешок каких-то старых покрывал сегодня вынесла, не помню, откуда они. Выкиньштейн продолжается. Сегодня видела Гудошникову Лену, из твоей студенческой компании — очень здорово выглядит, помолодела, загорела, очень понравилось в Европе, собирается опять в октябре в Чехию. В «Одноклассниках» нашлась Валя Зайцева в Швейцарии, сказала, что Люда Бовша умерла. Помнишь, которая тебе когда-то жёлтый батник продала в студенческие годы, когда ты приезжала ко мне в общагу. Ведь ты потом его носила много лет. Я, если встречу в секунд-хенде что-то подобное, то буду иметь в виду. Я помню, ты первое время в секундах терялась, зря тратила силы, а потом к концу отпуска уже осваивалась, смотрела прицельно, и в тебе просыпался азарт. А приедешь в следующий отпуск — опять нет интереса, и всё сначала.

Ездил в Задонск, еле пережила это событие. В Задонске было очень тяжело, это тебе не кого-то там хоронить, а главного судью... Сначала все держалась, а потом, как

Ира, сестра Наташина, подошла, мы с ней обнялись посреди двора и стояли, уткнувшись друг в друга, минут двадцать. Как-то было невыносимо горько, хоть и родственники мы были никакие, а просто невыносимо. Аллочка с Машей, двоюродной сестрой, были всё с тетё Таней, поддерживали её, а я с Наташиной школьной подругой. Я с тревогой смотрела на тетё Таню. Каково же ей-то дочь хоронить? Ты знаешь, старики ещё держались, дядя Володя даже пытался шутить, подбадривая всех. Ты, наверно, помнишь, как он приезжал к нам домой, ел материны блинчики с её рук. А сейчас такой старый, два зуба, и дома гонит чачу...

Народу было очень много, весь двор запружен и все ближние улицы, над домом Наташи, утопающим в гортензиях, кружили вертолеты, два оркестра перекрывали друг друга. Город прощался с судьей и советником юстиции первого класса, дрожь брала от этой народной скорби, а я, как наяву, видела покойную Наташу, с трудом выходящую из маленькой легковушки, когда она приезжала из больницы после химии. Куда девались её пышные кудрявые волосы? В процессе лечения вся облысела, и голова была повязана косынкой. Всё-таки хорошо, что тетё Таня собрала родню тем летом. И это не только ради Наташи, тогда мы все давно уже не виделись. Ирка резала бутерброды с красной рыбой и подмигивала. Она очень заводная. Подумай, о чём и как можно шутить в подобной ситуации... А она шутила, и у неё всё получалось легко. Жалко, что мы так и не собрались вместе в твой последний приезд.

Вообще, когда я начала писать родословную, я надеялась, проще будет. Все обещали помогать, казались сговорчивыми и добродушными, а как доходило до каждого, словно забывали, уворачивались и пятались назад. Что с ними со всеми? Вот и Аллочка, наш негласный босс, которую ты знаешь прекрасно, дала несколько фоток и затаилась. «У сыночки секретная работа», — так сказала.

Если бы ты знала, какая у нас большая родня, ты бы, может, не уехала. Родня бы взяла под крыло, нашла бы тебе работу и квартиру. А то болтаешься на своём севере, как неприкаянная... Оторвана от всех. И я была в этом море родни маленькая частица. Я шептала слова акафиста по единоумершим, а ещё я просила её прийти ко мне во сне. И она согласилась, пришла потом, в чём-то длинном и розовом. Зная её страдания перед уходом, я спросила: «Теперь тебе легче?» И Наташа светло улыбнулась.

Эпизод 12. БОЛЬНИЧКА

Накачанная лекарствами, мать будто заснула. Теперь, когда мать слегла после инсульта, выходило, что она перешла в разряд дедов. Тоня смотрела на мокрое лицо матери и ждала. Она понимала, что уйти нельзя. Сидела на жёстком больничном стулике, как на вокзале, положив руки на коленки. И молчала. Муж её был в дальней поездке на стройках страны, дочка писала диплом. В доме стояла жара, и они перенесли компьютер в подвал. Больше негде было спастись от пекла.

Про мать ей позвонили прямо на работу, и она припустила на автобус. Мать упала утром, на рассвете, и лежала долго, пока отец не дозвонился до скорой. И пока она ехала, дозвонился до Тони. Отец не мог сам переложить мать, сам был инсультник.

Суэта, первая помощь, уколы. Приходя ненадолго в сознание, мать снова проваливалась в яму беспамятства. Сначала Тоне показалось, что главное — до больницы доездит. А что ещё она может? Но оказалось, это лишь начало горя. Вопросительно глянула на санитарку, подложив ладошку под щеку. Санитарка кивнула на носилки. Все видели, что она осталась с матерью. А спать — только на носилках. Они были железные и холодные. Ей показалось, что она лежит в узкой железной трубе и едет по ней вперёд ногами. Пыталась задремать, но нервы были так натянуты.

— Эй! Идите, — застонала мать. Тоня подскочила, хотя ей трудно было встать. — Пить...

То пить, то утку — Тоня вскакивала каждые полчаса. Потом поняла — ложиться смысла нет. Дремала на стуле сидя, клюя носом. Ночь была такой отвратно длинной. Она тянулась, словно вкрадчивая змея, немо выматывая последние силы.

В палате лежали ещё пятеро. И с ними не было никого. Как только смолкала мать, начинали стонать другие, а среди них были и совсем старые. Очнувшись, мать звала её и сердилась, если видела Тоню у чужой кровати.

— Какого черта, — стонала она. — Кого нянчишь? Ты забыла, кто я?

Но это она забыла. Она звала дочку лишь грозным «эй». Требовала лекарство. Требовала врача. Она то задыхалась, то просила второе одеяло. То кричала, что форточку надо открыть, то свет с улицы бьет ей в глаза. Тоня лезла передвигать штору, но после этого свет бил в глаза другой больной. Та возмущалась, но тише. Тоне было стыдно до ужаса. Когда Тоня, спотыкаясь от бессонной ночи, потащила прочь утку, женщины заворчали.

— Что ты её гоняешь, как сидорову козу? — спросила у матери старуха с крайней

кровати. — Она ж свалится. И кто будет за тобой ходить?

— У меня инсульт, — взвизгнула мать.

— А у меня инфаркт, — повернула голову старуха. — И я не ору, как некоторые.

Тоня молчала. Она двигалась, как зомби. Не замечала, что ситцевое платье прилипало к телу от жары и само высыхало. Кого-то выписали, привезли, сиделке новой больной поставили кушетку, а Тоня трое суток лежала на железных носилках. Потом новенькую перевели в реанимацию, и её сиделка кивнула Тоне на свою кушетку. Тоня опустила, забылась на жалкий час.

Ей снилось, что они приехали с родней в деревню, и весь дом в зеленых ветках. Очень ровные, блестящие, как зеркало, темно-красные полы, и ветки по ним, и на белых стенках, везде. От веток шел одуряющий запах праздника и весны, это была Троица. И большой стол с пирогами, и вся родня вокруг, все гладят её по коскам, по плечикам, целуют её: «Вылитый папка». И она, напыжась от смущенья и гордости, вертелась среди них в новом зеленом платье. И старшая Валя с коричневыми косками, тоже в новом фиолетовом, улыбалась ей, разводя руками: «Ну, видишь, как хорошо, а ты ехать боялась». А мать смотрела в окно и чеканила: «Ненавижу эту вашу породу». Наверно, породу отца? «Почему?» — хотела крикнуть немеющими губами Тоня, но не смогла, боялась.

Старуха-инфарктница подозвала её и тихо спросила:

— Что ты ешь, детка? Ты ж ничего не ешь. Бери вон хлеб в тумбочке, яблоки. Ну, что ты, как маленькая. Тебе долгонько предстоит...

Матери не понравилась больничная серая каша. Она пробормотала: «Блевотина», — и велела её выкинуть. Тоня не могла послушаться. Крайней старухе оставалось только глазами её проводить.

— Девка трети сутки ничего не ест, а ты кашу выкинула. Ты что творишь? Отпусти домой-то.

— Нет! — отчеканила мать.

Потом прибежала замаянная дипломом Тонина дочка Мила. В сарафане кружевном, нежная, как ландыш. Вся палата просила отпустить Тонию, Тоня просилась съездить к больному отцу, который непонятно как один, а мать кричала на внучку, что не останется «с этой». Но Тоня ушла, и мать закричала, что нужно ей обязательно баночку жареной капусты. Тоня смоталась на далеком автобусе к зеленому от недомогания отцу, вымыла полы, сварила пшенку и полетела домой. Там она стала быстро жарить капусту, испунулась, переоделась и в зеркале не узнала себя. На неё смотрел «Освенцим» с запавшими глазами. Капусту мать есть не стала, назвала её «соплями», и пришлось есть баночку самой. Давиться едой как чем-то инородным. Организм, как в детстве, протестовал. Только в детстве от голода очень болела голова, а теперь уж давно ничего не болело. Было равнодушие. «Вставай, ленивая сволочь, ухаживай за матерью».

Встала с кушетки. И тихо:

— А скажи, мама, ты много за свой матерью ухаживала?

— Что-о? — поразилась мать. — Да как ты посмела только...

А между тем, мать всегда кричала на бабу, на свою мать. Что одета в тряпье, что от неё жуткий запах, что укроп продает на базаре, что питается отбросами — старой тушенкой. И так она кричала, что бабка убегала из квартиры и стояла на улице в дождь. «Хай тобі бис». Бабка была тучная, но из последних сил приезжала к Тоне домой и сидела в углу, чтоб отдышаться. А Тоня этого боялась, потому что пришла жить к мужу и его дедам, и те боком смотрели. И бабка чутко это замечала.

А когда бабка слегла, её ворочала не мать, а отец. И когда Тоньке и Вальке негде было жить, учась в вузах, то тетки, сестры отца, жалели, помогали, стелили диванчик. Чем плохая их порода?

Сестры отца не могли прийти к брату, а потом к Тоньке, где оказались инсультные мать и отец. Потому что мать ненавидела всю их породу. Тетки приходили на семейный сход и шептались: съест она Петюню, брата, съест. И совали Тонечке сотки, и снова гладили её по плечам.

— Нет, мама, не ухаживала ты за бабкой нашей. И за мной тоже. А теперь с тобой сию я, сволочь ленивая. Понимаешь? — вся палата затихла от слов этих. — Ну почему ты после болезни уехала, бросила такую кроху, мама? Я ж плакала, небось?

— Надо было отца проучить. Чтоб он тоже нянчил.

Мать начала кричать не своим голосом, что ей плохо, она рыдала, как с горы катилась, и нырнула давление, и ей побегали ставить капельницу, а денег нет. Ну что ж! Надо было звонить дочери старшей тети, Аллочке, большой начальнице. Ей даже

жутко было звонить, потому что планерка шла. Но племянница, дочь старшей тети, которую звать Алла Вадимовна, приехала на такси, и дала денег на капельницы, и отпустила Тоню домой, вот такая их порода. И мать забыла, что это же всё их поганая порода, стала лепетать: «Доча, доча Аллочка».

А на Тоню посмотрела после очередного «эй», силилась сказать что-то, а потом развела руки, уронила их.

— Как же зовут тебя? Ведь тебя как-то зовут?

— Какая разница, — вздохнула Тоня. — Неважно.

Однажды ночью, когда Лидии стало лучше, она спала весь день, а ночью её потянуло общаться. Она даже вспомнила, кто дежурит у её кровати.

— Жалко мне тебя, Тонька. Ты всё на себя взвалила, бессловесная. Мужа никогда дома нет, цемент — ты, за дедами — ты, в саду — ты. Давай поделюсь с тобой, как надо.

— Мама, неудобно же, люди спят.

— Да что мне люди. Они чужие. А ты мне не чужая, ясно? Хозяйкой и главным человеком в семье всегда была я. Своему мужу я всегда предоставляла полную свободу в его служебных делах, никогда не критиковала его коллег, а также выбор его секретарши. Но я в достаточной мере разбиралась в служебной деятельности моего мужа, чтобы обсуждать её с ним и помогать ему своим советом. Старалась не придираться и не критиковать своего мужа. Деньгами всегда распоряжалась я. Иногда бывали финансовые затруднения, но я переносила это бодро и мужественно. Никогда не критиковала мужа за его ошибки и растраты и не делала неблагоприятных для него сравнений с более удачливыми людьми. Конечно, не всё было просто. Трудно было дружить с его матерью и его родственниками, так как они были глупыми и некрасивыми, но я никогда не подавала вида, что они мне противны. Любили пить водку или самогон и плясать под частушки. Я не прилагала особых усилий, чтобы с ними подружиться. Но я никогда не шла на уступки в интересах сохранения согласия при небольших расхождениях во мнениях.

Посмотри, в чем ты только ходишь. Пока платье не истлеет на плечах. А я одевалась всегда с большим вкусом. Я хорошо разбиралась в моде и в том, что кому идет. Я выписывала достаточно долго «Журнал мод». Мнение мужа, что касается цвета и фасона платьев, никогда не учитывала, так как он в этом не разбирался. Свободные часы я проводила с мужем на огороде. Иногда мы ездили на речку.

Слежу ли я за текущими событиями в стране? Очень внимательно, а также за новыми книгами и новыми идеями, чтобы сохранить интеллектуальный интерес ко мне моего мужа. В доме я делаю всё от меня зависящее, чтобы дом был интересным и привлекательным. Стараюсь разнообразить меню, советуюсь, что приготовить. Никогда не пыталась переделать своего мужа. Но, если он неправильно поступает, обязательно укажу ему на ошибки.

На них начинали шикать — спать не даете!

А Тоня, хоть и хотела спать, больше не обрывала Лидию. В душе её был такой дикий протест, что словами не передать. Она попыталась возражать, но её никто не слушал. Только шелест тяжёлой ночной листвы за окном был ей созвучен.

«Действительно, главным человеком в семье была ты, мама. Но никогда никакой свободы ты никому не давала. Душила своим авторитетом, бесконечно всех критиковала, не только членов семьи, но и наших с сестрой подруг, сотрудников — учителей и папиных сослуживцев. Например, в Ровеньках большой завод был. Молодая секретарша у отца работала. Мама, ты добилась, чтобы он заменил секретаршу на старую, которая ушла на пенсию. Пришла старенькая Ольга Михайловна. Помнишь, как ты вернула на место эту старушку? Взгляды коммунистки, платье нужной длины и милая улыбка членам нашей семьи. Мама, ты все время лезла в работу отца, говорила, кого надо уволить, кого достать из небытия и приподнять. Это началось давно... Там был старый механический завод, почти всех сотрудников его ты знала, так как городок был небольшой. Заводоуправление — двадцать пять человек, только две женщины — бухгалтерши, остальные — мужчины. Одна из них — мать моей подруги Нади. Это была ещё не старая женщина с большим животом и вечно растрепанными волосами. Распустила. Она тебе угрозы не представляла. А вот вторая была опасной женщиной, и ты её терпеть не могла, но и заставить отца её уволить тоже не смогла. Эта женщина, лет сорока, тогда жила через дом от нас. Помнишь её? Её звали — Зинаида. Она хорошо одевалась, детей не имела, зато у неё был молодой муж, сильно пьющий. Ходил за ней, как по веревочке. Эта женщина была душой всех пьянок на заводе. Она имела организаторский талант и большую наглость. Все мужики заводоуправления её любили, а отец не хотел идти против коллектива. Поэтому тебе пришлось отступить».

Мама, ну ты же всегда критиковала отца за неумение говорить речи с трибуны.

Он торопился, говорил быстро, хотел скорей отделаться. Ты заставляла его говорить медленнее, делать паузы. Ты третировала его, как школьника. Унижала и орала. Ясно, он такой же несчастный, как и сестры. Тоня жалела его в душе. Вслух не имела права говорить. Возникал ком в горле, который я пыталась проглотить. Он долго не глотался. А отца было жалко.

Отец часто ездил в командировки в Москву, в главк или в министерство. Привозил себе рубашки и однажды — костюм. Был дома грандиозный скандал. Мама, ты пошвыряла ему в лицо все восемь рубашек, купленных постепенно в разных командировках. Но его костюм, видно, тебя добил. «А мне? — кричала ты, как капризный ребёнок. — Некоторые ходят в мутоновых шубах, аж все оборачиваются, а я опять в искусственной. Всё себе покупаешь, а когда же мне?» Я потом сказала: «Вот ты шубу хочешь, а у меня кофта страшная старомодная, даже у тех лучше, у кого семья из пяти детей. Мне тоже стыдно, я хочу новую, не сестрину. Кто же мне купит? Помнишь этот факт? Ты опешила, но только в первое мгновение. Ты достала из шкафа свою ещё не очень старую желтую кофточку и сунула мне. А мне желтый цвет никогда не подходил, но я взяла, чтобы не раздувать скандал».

Да, всегда мать критиковала отца за покупки, даже незначительные. Не дай Бог, чтобы он не согласовал с ней. Будет много оскорблений, вплоть до села, откуда отец родом. Обычно мать распалаясь надолго. Отец молчал, не вступал в спор. Тоне всегда было обидно за него. Тоня старалась беззвучно плакать, но слёзы катились и катились на тетрадку с уроками. И если мать это замечала, то получала и дочь. Единственной отговоркой, почему младшая дочка разнюнилась, было — «голова болит». Это ей прощалось, плакать из-за головы. Отцовы родственники мать Лидию не любили, она их ненавидела. Просто она обладала даром «пускать пыль в глаза», завораживать своей речью. Таким образом заполучала внимание окружающих. Она могла надеть «чужое лицо» и примерить «чужой характер», если это нужно для дела.

Всегда и везде Лидия хотела быть лидером, быть на виду, чтоб хвалили её и ставили в пример. Она стремилась «свернуть горы», пока все окружающие пытались поспеть за её мыслями. Возможно, она была бы большим человеком в жизни, не будь у неё детей, которых она всегда стыдилась. Некрасивые, неумельные, неудельные, в общем — неудачные. Нечего людям показать. Своей красотой и скоростью решений она гордилась. А дочки такими не были.

Да и на огороде она почти не работала. Всегда дети с отцом. Отец-то сельский сам, ломил честно. Она выйдет — поруководит десять минут, и всё. Ничьего мнения она никогда не слушала. Не дай Бог, кому-то не понравилось её платье или цвет кофточки. Будешь унижена, оскорблена. Лучше молчать и соглашаться. А лучше выдавить из себя: «Ой, как красиво!» — и быстро убежать, чтобы она не догадалась до правды. Мама была очень пронизательным человеком. Своего мужа Лидия всегда пыталась переделать. Говорит он не так, поступает не так, очень лоялен к провинившимся, что это за руководитель. Надо быть жёстким, чтобы боялись. Отца критиковала нещадно и жестко... Её, только её была в семье власть...

За десять дней мать измотала всю палату. Потом, когда стали её выписывать, Тоня совала санитарам оставленные Аллочкой смятые деньги, чтоб помогли спустить больную в лифте, а потом водителю скорой, чтоб поближе к дому подъехал. А дома они с дочкой Милой быстро принесли из кладовки старую кровать да перенесли на неё мать. Водитель-то молчал, отвернувшись, а потом матюгнулся и стал помогать, а мать кричала на него, чтоб не тряс носилки. Потом Мила стала поить мать компотом, больше ничего не успела, а Тоня опять стала совать смятые деньги водителю. Тот выпучил глаза. Но когда до него дошло, что в районе Березовой рощи ещё есть лежачий отец, он молча сел в машину, и они помчались. И там, дома, где лежал отец, пол был залит засохшим калом, но Тонечка храбро замыла пол, и они повторили всю операцию с перевозкой теперь уже отца, только положили его временно на раскладушку. Сил говорить у Тони не было и денег тоже. Она молча обняла водителя, чужого совершенно мужика, который только закричал: «Ну, блин, — и пополз в машину. — Ну, держись, девка».

Девка покормила родственников чем было, овсянкой без молока. Как же она надеялась, что они успокоятся и поспят, ведь они вместе теперь, не по чужим углам. Но отец и мать молча прикрывали глаза. Тоня полила из шланга пожелтый огород, Лук и ромашки понемногу стали подниматься. Она непонятно как держалась ночь и утро. В подвале дописывали диплом её младшая дочка Мила и фактический муж старшей дочери. Утром приехала сестра Валя, и они стали «держаться вместе». Перстень сестре Валька так и не привезла. До того ли.

Эпизод 13. НАСЛЕДСТВО

Наконец, отец и мать оказались под крылом у Тони. Она их поселила в самой большой комнате первого этажа, прямо у лестницы, чтобы имели прямой выход и в ванную, и на крыльцо. Если не хотели на улицу, могли сидеть в прихожей на диванчике, пока она прибиралась в комнате. Они стали гораздо меньше двигаться, застывали как изваяния, но всё же ходили, слыша бесконечные подбадривания дочери — поспать вы всегда успеете, сходите подышите. И они шли, порой неуверенно, кое-как переживши свои инсульты, с удивлением ощущая жизнь, полёт ветерка, птичий гомон и рычанье машин на улице. На крыльце всегда теперь стояли два стулика, и там было жарко от льющегося солнца. Дождик не заливал, вход был под навесом. Родители просили их кормить по часам, это было тягостно, но что поделаешь. Видно, они боялись, что про них забудут, и сами напоминали: уже час, уже шесть...

Но Тоня, сама будучи на пенсии, ничего не забывала и не упускала. Когда родители засыпали, если засыпали, она ехала смотреть оставленную в дальнем районе их квартиру. Перед ней стояла непростая задача — перевезти к себе их вещи: три шкафа одежды, обуви, книг и телевизоров... Очень не сразу, постепенно, но начала она этот путь очистки территории. Это было два фургона битком, часть в подвал, часть в комнаты, часть сгружали в сарай. Потом ей придется ещё дважды повторять великое переселение, но по родителям это было особенно трудоемко. Привезенные ящики и мешки Лидия проверяла, вздыхая — и этого нет, и того нет. Барахло она копила всю жизнь, и ей всего было жалко, даже того, что ей не нужно. Вещный мир как будто держал её на земле, все эти дубленки, юбки, дефицитные когда-то трикотажные костюмчики... Петр смотрел на возню равнодушно, трогал только книги или папки с фотографиями. Вспоминать ему было тяжело. Его жизнь в сельском хозяйстве сузилась до полей, заросших чертополохом, жизнь по строительству и работе заводов вообще отошла на задний план. Он бы хотел ещё поработать, это был привычный ритм жизни, но силы уходили, и он шел смотреть телевизор... Куда делось всё? Когда прибежала дочь, чтобы дать абрикосы, он аккуратно разделял всё пополам и молча отдавал ей же. Делился с нею витаминами. А когда приезжала старшая дочь и спрашивала: «Вспомни, папа, как ты жил?» — он просто отворачивался. Его речь нарушилась, слух тоже. Разговор был технически невозможен. Поэтому они просто сидели рядом, держась за руки.

Лидия часто злилась на то, что любимые прежде туфли не годятся, нога не влезает. Лидия хлопала по непослушной ноге, бросала туфли к пакету с мусором. Тоне проще было выбросить всё прямо там, в квартире, но Лидия хотела убедиться, что ничего не украдено. Сначала пришлось увозить из квартиры растаявшую морозильную камеру, от неё шли лужи. Холодильник не повезли, старый больно. Его потом на дачу в деревню... Потом пришлось носить на помойку мешки с заплесневевшей или поросшей пухом крупой, их было много. Люди, пережившие голод, копили её всю жизнь. Туда же поехали засохшие цветы. У Тони у самой было много цветов, куда эти, полумёртвые. Но соседи некоторые разбирали.

Опустевшая родительская квартира была, наконец, относительно вымыта и проверена, можно было показать оценщикам. Входящий видел лишь влетающую тюлеву юбку от балкона да старый отрывной календарь на простенке, где на обоях виднелась запись шариковой ручкой: «Срочно очистить погреб, соседи жалуются». Кто наследники? Их двое — обе сестры. Как поделить? Пополам, конечно. Надо, чтоб всё по-честному.

И вот приехала в очередной раз старшая сестра Валя, даже с семьей, всей или не со всей. Тоня зорко следила за обедами и ужинами, стояла у плиты, чтоб никто голодный не остался. Деньги на еду от родни не брала. Однажды она убежала по делам, а сестра с мужем ушли за обратными билетами. Тогда было так сложно с билетами...

Пришла, а они сидят в огороде, пиво пьют, и дети под яблонями бродят, беспорядок. Дверь-то заперта... Да что ж на грядке-то? Ничего, нормально. Вот в какой-то день, жаря треугольники камбалы, Тоня буднично сказала:

- Ты согласна поделить квартиру родителей?
- Так это же никак, они ещё живы. Вон сидят!
- Ну, это так, предварительно...
- А с чего её делить? Ты ухаживаешь, ты и наследуй.

Валя была спокойна и даже усмешлива.

Тоня вытерла лоб и посмотрела в окно. Она смотрела намного дальше, чем простиралась кухня. У неё девочки маленькие, у Вали тоже дети мелкие, но когда-нибудь они вырастут...

— Мы можем подписать соглашение, что согласны пополам. А когда потребуется, мы готовы.

- Знаешь, что касается подписать, я всё у Севы спрашиваю. Ты ведь не против?

Валя занервничала. Она при этом всегда начинала что-то крутить в руках, например, снимала и нацепляла на бечевку кучу прищепок из тазика.

— Да, конечно, не против. А почему я буду против? Это ваше семейное дело.

Валя забрала прищепки в фартук и пошла шушукаться к Северину, который вольготно пил пиво у телевизора. Ерунда какая, из всего событие делает.

Обратно Валька приплыла быстро и сказала, что пока родители живы, он ничего не подпишет. То есть это грех великий и прочее. Ну, зачем так было раздувать. Тоня же хотела предварительно, между собой.

— Да пойми ты, — устало уговаривала Тоня, закрывая блюдо с жареной рыбой, — никто никого не выгоняет, никто никому смерти не желает. Просто мы договоримся...

— Нет и нет, — уперлась Валя.

— Девки наши подрастут, и всем понадобится угол. А у тебя одна хата на всех, чтоб они подрались...

— Сами будут свой угол искать!

Тоня представила, как черноглазые дети Валины будут искать пятый угол, и сердце её сжалось. Валя была в практических вопросах туповатой. Может, она надеялась, что оно уладится как-то само! Да ничего подобного. И вот одежда у них очень гуманитарная, сестры мужнины надавали. Их вот в кружки не водят, ведь туда надо за руку водить, время тратить, а ей бы только рассказы на машинке стучать. Хотела какой полегче вариант, ан нет. Придется по плохому варианту. Вот чего она малого налысо подстригла? А того, что завелось там не дело. Может, конечно, и в поезде подхватили, сейчас с азиатскими беженцами это недолго. Пошла, дала сестре баночку с керосином.

Сестра закончила возню с мелким и побежала складывать чемодан.

— Куда это ты собралась? Почему так рано?

— Всё, Тонечка, мне надо ехать. Там дача брошена. Мы билеты купили. Да и ты, я вижу, недовольна.

— Да как тут быть довольной, если ты русский язык не понимаешь!

— Да понимаю я всё.

Они вышли цепочкой со двора, как цыгане. Антон выглянул: что такое? А на пососок? У него, конечно, всё было приготовлено. Но поздно. Красная Валька вся в слезах тащила сумку и лысого ребенка за руку. Сева шел с чемоданом и деревянным ящиком, они накрутили сок у матери на даче. Лицо у Севы было непроницаемое. Дети веселились и исподтишка давали друг другу пинки.

Весь двор смотрел в окошки. Цирк бесплатный. Уехали.

Пять лет после этого не общались, господа несчастные.

А ведь права оказала Тоня, через много лет дочка Валькина приехала в город, искала угол, но момент был упущен...

И Тоня ни разу себя неправой не посчитала. Она кирпичную дачу продала, которая с забором и у которой граница была потеряна, далеко на горе. А дочкину заново строить начала... А потом и машину продала, столько крику переслушала, но детям Валькиным постепенно выслала деньги. Чтоб они в суд не подавали за квартиру-то. В квартире родительской они с мужем потом сделали евроремонт и поселили тут Милку, младшую дочку. Старшая к тому времени давно отделилась. И так Медина отделилась, что как в танке, ни здравствуйте, ни до свидания. Не ходила, не звонила. Детей своих, внуков Тони, в гости не пускала. Ни в будни, ни в праздники, ни в Новые года... Если Тоня хотела ей баночки с заготовками передать через Милу, бросала: «Пусть ест сама!»

И тоскуй тут, не тоскуй — нет у тебя дочки. Как и не было. Иногда шептала: «Почему, почему?» Иногда слышала, что муж машинально звал: «Дина», — и сам вздрагивал. Звать было некого.

Тоня ведь всегда знала, что и как надо делать. Жесткая наука матери: «поднимай ж... да быстрее поворачивайся», плюс грустная наука бабки Оли, которая всю жизнь сэкономила, — всё пошло в дело. И ничего у Антонины не пропало. Она из родительского подвала прошлогоднюю картошку ведрами по лестнице выносила, чуть не лопнула. С мокрым лицом да через двор шла туда и обратно и ветром умывалась. Ездил туда неделю, чтобы подвал новым жильцам передать после Милы и не позориться. Сама-то Мила никогда не задумывалась насчет картошки, зачем это. Пережиток прошлого.

Пять лет молчания между сёстрами и глухой разрыв пришлось склеивать вручную. Валька прокралась в город, остановилась в гостинице и стала названивать Аллочке Вадимовне. Аллочка заохала и предложила ехать.

Значит, велено было ждять у супермаркета «Перекресток». Николай, сын Алочки, забрал бы Валю по дороге, потом заехал бы к Тоне. И потом все вместе в Хаву, на клад-

бище. Был очень холодный, очень вареный майский день. Тоня подошла к машине, где сидела дрожащая, как осина, Валя. Они молча обнялись. Всё было быстро и сухо. Аллочка — великий психолог. Она угадала, что в таком военном режиме невозможно было ни мириться, ни ругаться. Ни, тем более, что-то обсуждать. Всё разрешилось само.

Эпизод 14. КАРАТ

Валя приехала в родной город тайно, остановилась удочки, чтобы не выдать никому весь план. А план был в том, чтобы сбежать, на фиг, от дел, от семей, от обязанностей, от запутанных семейных проблем, от родителей, потерявших разум. Хоть на несколько дней, но пропасть из виду... Потеряться капитально.

Вот хорошо было у дочки готовить суп да раскатывать пиццу и уютно болтать с дочкой о разных пустяках, брести в магазинчик, и казалось, что это навсегда. Но нет! Сестра позвонила и сказала, что такси заказано на час, и подъехала именно так, но у водителя странно дрожали руки, и зять это заметил. Как потом оказалось, он сбил двух человек, и не остановился на разборки.

На вокзале долго не сообщали поезд. Под куполом вокзального здания летали и чирикали воробьи. По кафелю стучали тележки и чемоданы, щелкали шпильки, и жалобно хныкали дети. Без десяти два сердце жутко заныло: достали билеты и обнаружили, что поезд давно ушел. Это был знак беды.

Сильный удар по психике, прямо атака.

Залы ожидания закружились, мерзко засосало под ложечкой. А Валя зажмурилась и пошла менять билеты.

Неясно почему, но сестра Тоня стояла с безразличным видом и молчала. Охватывал страх, что с ней нехорошо совсем, ведь она вообще не дергалась, будто все случилось не с ней.

Но вот билеты переделаны, куча денег потеряна, и надо ехать не с вокзала, а из пригорода. Снова вернулись к дочке, и тогда сестра рассказала, что они по дороге сбили двух человек, двух женщин, когда ехали через арку. Что коляска детская осталась стоять, а женщины упали. И тогда рванул таксист прочь и дальше через завод вернулся. Опять, что ли, знак.

Они притихли, Валя приняла лекарство и легла, её кружило. Был внутренний крик, который пришлось скрывать. Нельзя ехать. А дочка угостила чаем и пиццей и вторично проводила, теперь уже до пригорода. Валя чувствовала себя сиротой и просила дочку поехать с ними. Но зять строго напомнил, что дочка не имеет права никуда ехать, она замужем. Ненависть к зятю всё росла...

Два часа после электрички ждали, а на посадку две минуты. Снова экстрим, нервы и жара. Дочка почти на ходу впахнула сумки и документы.

Наверняка вид у них сестрой был замученный и деморализованный. Они были такие красные и осоловелые, и так тупо обмахивались книжками, что пронизательная проводница решила на них заработать и предложила СВ за две тысячи доплаты. И не то чтоб сестры жаждали особого комфорта, просто подчинились, как бы не было хуже. Их сломали эти передраги. Женщины бежали с вещами из шестого в четырнадцатый, и эта пробежка стала сущим ужасом: надо ж бежать, стучаясь о тамбурные двери, выкручивая руки.

Но вот они на месте. У сестры Тони огромный синяк на плече. У Вали кружится от давления голова. Холодный спасительный воздух из кондиционеров. Они стали успокаиваться и говорить, но не сразу. Ночь отрезала их от всего дурного.

Валя, вечная зевака, очень любила покупать на станциях всякую ерунду, стаканчик ягод, картошку с огурчиком, к которому прилип укроп. Приносят всё такое в купе, а Тоня опять молчит, не хочет пробовать. Валя ей:

— Ну, давай! Классно же?

А Тоня не реагирует, в книжку смотрит, хотя вряд ли читает. На стенках купе солнце перепрыгивает, зайчики бегают. За окном веселые поля. Или жёлтые с подсолнухами.

А потом говорит...

— Прости, что я проворонила поезд. Я начала готовиться за полгода, понимаешь? Конспирацию навела, детей предупредила. Билеты купила... Правда, ходил на ними мой зять, но всё сделал, как я просила. А потом, когда ты приехала, когда притаилась у дочки, когда вещи были сложены и сумка под лестницей, прикрыта мешками, я просто отключилась. Мне же казалось, что я предусмотрела всё! Абсолютно. Мне остается

выйти из дома. Как я обычно иду на помойку. И мешки я приготовила. И я из дома вышла в полном безразличии. Выбросила мешки, встала на углу, такси ждать. И это будто не я. Только чувство выполненного долга! Солнце пекло, я не чувствовала. Ветер дунул — я не чувствовала. Таксист приехал — я сказала твой адрес у дочери. Понимаешь? И на вокзале я не чувствовала, что это я еду. Вроде как тебя провожаю. Я ж привыкла, что всю жизнь в хомуте, и никак не могла поверить, что это я в Сочи еду, а не тетя чужая... Да ещё таксист этот...

Тонечка повернула голову к сестре. Русые волосы выбились из узла, халатик был синий, новый, в оборках. А в серых глазах стояли непролитые слёзы.

...Они пошли с пляжа, когда от солнечно спящего огромного диска остался лишь край блюдца. Он, пронзительно подсвечивая, тонул в море. Подул жесткий, даже шершавый ветер, их же схваченными волосами водил по обожженным плечам. Торговка бусами и магнитиками сворачивала лотки, чёрноголовые веселые пацаны мыли плиточную дорогу из шланга. Возле шашлычников уже не было никого, сизый дым затушен, сами шашлычники уютно сидели за одним столиком, попивая из кружек холодное пиво — надо же доесть шашлыки. У раздевалок гроздьями колыхалась очередь. Да ну их, раздевалки.

— Давай прячь книжку. Завтра читаем.

Они читали Скибинскую на пляже, до чего страшная книга, про мертвых, совсем не подходила она для курорта. Но Валя боялась, без книг она оставаться боялась, точно дышать в вакууме, поэтому поддерживала интерес к искусству даже тем, что ей не очень нравилось...

Она не хотела задумываться о мире мертвых, но манера автора притягивала. Они пошли по дороге, еле поднимая ноги — а ведь утром эта же дорога была такой легкой, праздничной. А тут и сил нет, да ещё полицейские на прохожих цыкали, правительственные машины ждали. Ах да, тут же недалеко дача Утина... Так говорила их хозяйка.

— Ну и отдых, — вздыхала смуглая толстуха Валя, встряхивая темными спутанными волосами. — Ты смотри, я уж задохнулась. Не пропустим свою улицу? Бамбуковая вроде.

— Так обожди, — вразумляла её светленькая и кудрявая худощавая сестра Тоня. — Никто не гонит. Придем, кашу гречневую с маслом разогреем...

— А шашлык? Ты сейчас хотела б? — опять дразнит, надо же.

— Тонь! Я сюда приехала худеть, ясно? Минус три! Мясо на ночь в десять вечера? Не хотела б.

— Ты такая стройная, — задыхаясь, бросила Валентина, она всё же шла, старалась. — Ты тройняшка американская. И откуда ты такая русая и высокая? Мы с тобой не похожи на сестер... А я хотела б...

— Похожи, не волнуйся. Хозяйка ведь сразу сказала: «Так вы сестры!» Глянь, вон тот на тебя посмотрел.

— Какой? Да ну ещё! — Валя боялась местных.

— Да вон, в машине сидит. Да не смотри ты.

— Да фу, перстни какие. Шашлычник.

Поравнявшись с машиной, они опустили головы, мокрые купальники выдавали их. Вид не очень. Гламурные красотки, идя с пляжа, меняли наряды и наводили макияж. Но сестры были неопытные отдыхающие.

А тот вдруг:

— Здравствуйте, нанэ.

Они кивнули и прошмыгнули.

— Ужас, нанэ — это ж бабка.

— Нашего возраста — и «нанэ». Нахал.

— Не кипятись, он же по-соседски. Для него мы и вправду бабки.

В родном дворике на Бамбуковой плакал ребёнок. Он плакал всё время, потому что ему был всего месяц, а при сорока градусах жары, при носках и шапке он уже успел понять, что такое адская жара. Боже, вот мученик... Пробежала в чёрной майке и шортах хозяйкина дочь Марго, мать новорожденного, заскочила в душ. О. Она ещё и в душ ходит... А непохожие сестры, когда у них появлялись младенцы, стояли на цыпочках, качали... Молодые матери теперь другие.

Кухня была во дворе под навесом. Холодильничек. Диванчик. Столик, табуреточки. Хозяйкин муж тут и спал, на улице, когда загуливал... Всё есть, даже плита... А по решётке виноград. Жить бы тут и жить всегда, прямо на улице. Через забор, правда, шла сварка, сосед из машины наваривал себе веранду на третий этаж. Он это делал каждую ночь, будто не понимая, что рядом люди приехали на курорт, как бы отдохнуть.

— Тонь, а, Тонь. А если кашу с сарделькой? Такой голод от моря.

— С маслом хватит, — отрезала строгая Тонечка.. — Или огурцом. Я вообще буду только огурец.

Трещала каша на сковороде, трещала сварка за забором. Трещали сверчки, которые не замечали сварку. В саду заскулила собака, ей едой запахло.

Собаку, кажется, звали Карат. Пес не понимал, зачем он нужен новым хозяевам. Карат смирился со сменой дома. Прежний хозяин умер, а хозяйка его не переваривала. Только посмотрев ей в глаза, он сразу понял — ему придется убраться. Но здесь, в этом тесном дворе, где сновали чужие людишки, он всегда на цепи или на толстой веревке. От тоски он грыз веревку, но толку. Кого тут охранять, от чего?

Карат был всегда голодный. Ловить мышей презирал. Но когда его изредка выводили ночью гулять, всегда на поводке, он стремился что-то поймать. Мощная статья овчарки требовала еды. Не хватало одной миски на сутки. От плиты одуряюще несло жареным.

— Ой, а она хорошо привязана? — Валентина боялась собак.

— Привязана, привязана.

— Что-то я не вижу нашей хозяйки...

— Уехала куда-то, машины нет. И её родичей тоже нет... Одни мы, хорошо, никто не стоит над душой.

На сестер напало умиротворение южной ночи. Еда на улице особенно вкусна. Даже собака за сеткой примолкла.

Вдруг Валя, сидя спиной к дорожке, услышала сзади: «Х! Х!»

Это горячо дохнула на неё скотская пасть.

Высокая Тоня, стоя у плиты, запевая под нос тропарь «Царю Николаю, радуйся, живоносный», вдруг обернулась от плиты со сковородкой и застыла. Не меняя голоса и мотива, она протянула:

— Тихо, собака... пришла... ты замри...

«Хр-р... Ур-р...» — прозвучало над ухом, да так близко, что не убежать. Рокот рычания был неагрессивный, бархатный, с вибрацией, но от такой вибрации только завывать.

Валя задохнулась. Конечно, умереть от какой-то собаки... Но, пока умрешь, она тебя размочалит до ошметков. Волкодав же... полтора метра высоты. Сейчас возьмет за шею, и всё. А Тонечке опять хорони... Она и так всех хоронит... За всю родню отслуживает... Чистый хлопчатый халат тут же пристал к телу, стал колючим. «Хр, хр-р-р!..»

— Что делать? Сидеть до утра? — прошептала Валя, слыша на шее чужое смертельное дыхание.

— Сиди... Сиди... Тихо сиди, — Тоня плавно обошла сестру и ласково сказала: — Ну, идем, Карат. Гулять, понял? Иди... — и её голос тоже дрожал.

Собака потопала за ней, как бегемот. Понимая, что Тонька героически уводит от неё собаку, а сама не знает, что с ней делать, Валюха просто вросла в табуретку. Она услышала издали:

— Карат, Карат. Иди, иди... Марго! Эй, выйдите кто!

Света во дворе не было. В глухой чёрной мякоти, с которой слилась чёрная овчарка, послышалась возня, рык и падающая тяжесть. Неужели кинулась?! Почему так затощило? Не надо было ехать. Говорили ей дома — пропадешь. Вот и... А девчонки, девчонки-то Тонины... Полный чемодан еды наложили, чтобы, значит... похудела... Ну, что там такое? Никаких признаков жизни.

Потом прошло какое-то время. Глушь, темень, тишина и дрожь. Онемение, как после удара током. Ощущение пропасти и конца. Страх страшен тем, что не кончается! Только сварка пыхала.

Потом шаги. Это идут за ней? Или... Тоня?

— Там Марго вышла со второго этажа и кликнула двоюродного. Тот загнал пса на веранду. А ты что? Сильно испугалась?

Валентина молча плакала. Гадкая дрожь облепила её ненавистно промокшим халатиком, ей хотелось разбавить, размыть эту животную дрожь.

— Ты спасла меня. А сама что. Ты какая... Всегда ты на себя берешь как старшая... Потому и старшая.

— Ты что тут, с ума, что ли, сошла за десять минут? Валь, Валь. Я никакая не старшая. Просто сидеть и умирать не по мне. Я вообще сторожем ночным столько лет была. Свой страх перемогла. Давай ты поешь и успокоишься?

— Нет, я не хочу.

— Ну... Можешь даже не есть кашу, одну сардельку, да? Вон какая сочная, даже ещё не остыла.

— Нет, не могу. Отдай Марго, пусть Карата покормит. Он, может, ничего бы и не сделал, если б мы ему сразу еды бросили.

Тоня взяла в одну руку чайник и в другую Валину руку, как маленькую. И они пошли длинной мощной дорожкой вдоль забора в дом, тихо пошли, и в небе летел цветной дождь от сварки. И ещё долго не ложились, сидели на терраске, молчали. Они сюда ехали с таким трудом. Даже не верили, что доедут. А тут тоже не Анталья. А жить надо. Надо насильно заставлять себя отдыхать, чтобы не сбрендить.

Где-то к двенадцати подошла хозяйка, худенькая, с папироской, тоже в шортах. У неё была фигурка подростка и старое личико с выжженными глазами. «Простите девчонки, это соседи заразы... Мы собаку-то от соседей держим, не от вас же...» Марго долго извинялась, её тоже было жалко. Но сделать было ничего нельзя: деньги за проживание были заплачены вперёд. Женщину мучила совесть, она наказала следить дочери, но у той кричал младенец, до того ли ей было.

Сётрам что оставалось? Они изо всех сил подкармливали овчарку, пытаясь как-то загладить конфликт. Они на крыльчке сидели, забыв про еду.

— А помнишь, как ты ко мне приезжала? — помолчав, шёпотом спросила в какой-то прострации Валентина. — Я уже работала, а ты мне всё умудрялась кофты вязать. Ни у кого таких не было.

— А ты помнишь? Как моя старшенькая родилась, и ты её качала всю ночь?

— Да это ладно, а вот что ты родителей тяжелых на себя взяла. Я бы умерла...

— Брось, у тебя своя свекровь лежала...

— Прости меня!

— За что? — Тонечка даже испугалась.

— За то, что я тебя тогда ударила, помнишь, мы подрались, ещё в школе?

— Фу, глупая. Когда это было? Сто лет назад.

— ...Спасительница, — взяла её руку, погладила.

Тоня выдернула руку. Она смущалась высоких слов.

— Ну, всё, спать пошли. Завтра в семь на пляж и пробежка.

— ...Самая родная. Самая дорогая. Сколько каратов в тебе? А?

— Да ну тебя! И Скибинскую надо дочитать! Поняла?

— Поняла, поняла. Ты мне всю жизнь кофточки вяжешь и даришь, одна другой лучше. Помнишь, ещё в универе ты сделала такую интересную, из меланжа, темно-розовый с коричневым, а передняя полочка вся петлями, петлями... Так по-французски... Прелесть. Вообще ты столько мне всего дала, и помимо кофточек, не знаю просто...

Ничего особого не было сказано, но настроение стало другим, как-то поверилось в лучшее. В то, что завтра уже всё наладится, и они поймут, как надо отдыхать правильно и зря не волноваться.

— Нам судьба дала шанс, Валя. Так неужели мы его потеряем? Нам надо собраться духом и не терять.

— Да... да. А ты честно скажи, тебе почему моя повесть не понравилась?

— Получила я книжку твою и даже прочитала. Обычно я узнаю людей, которых ты описала, они по жизни мне знакомы, или ты рассказывала о них. Или по твоей горячности могу догадаться, насколько они важны для тебя. Но здесь всё иначе. Я могу догадываться, кто был прообразом твоей героини. Это мать наша — Лидия. Двор, мощный кирпичом, дерево шелковицы, большие зеленые ворота, водочка, железная колонка на углу — это всё из детства, это видела там, где жила наша бабушка. Даже дедушку помню, большого, обритого налысо человека, и то помню, он окликал нас, детей, странными прозвищами, аршин и лапшов.

— Да, я тоже это помню, — отозвалась Валя. — А кто был кто?

— Аршин — это ты, а лапшов — это я, наверно, потому, что я даже меньше.

— Может, это был не лапшов? А скажем, вершок? Я смотрела в словаре. Одна шестнадцатая аршина, четыре с чем-то сантиметра.

— Ну да, слушай, я согласна. Похоже...

— Он казался мне другого роста. Но я не помню, что он сидел в тюрьме или что он уходил от бабушки в другую семью. Наверно, я была тогда слишком маленькая, чтобы понимать взрослые проблемы... Но кто была девочка с чёрными косками, которые заплетены корзинкой? Кто эта суровая отличница, которая успевала делать уроки у керосиновой лампы да ещё Горького читать? И каждый день заготавливала мешок травы для кролей. Бабушка в минуты печали, когда ругалась с матерью, мне рассказывала, что мать училась так себе, у неё в табелях и тройки бывали, не удивительно, время было тяжёлое. Она с утра до ночи ишачила на огороде, по хозяйству, ходила в школу, а на каникулах ещё и работала на станции. Но ты пишешь, что она была отличницей, а это враньё.

Наша мать хотела быть лучшей и нам всегда внушала такие мысли. Но ты должна, наверное, понимать, что никакого героизма в ней не было, она была не просто жёст-

кой с собой, а жесткой с близкими. Да, возможно, дед возил её поступать в училище, но никаких доверительных отношений с дедом у неё не было. Дед не потому начал пить, что попал в тюрьму по доносу, а потому, что пил всю жизнь и гонял бабушку, бросая в неё табуреткой. И умер он нехорошей смертью, устроив пьянку в бабушкином доме, а потом, видимо, поссорился с собутыльниками, и они закрыли его внутри, заложив оконные ставни снаружи. Бабушка была у нас в тот момент, срочно выехала домой. А там такое. Дом обгорел только частично.

Возможно, мать мечтала быть летчицей, наверно, её не приняли в училище по причине оккупированной территории. Но характер, дорогая моя сестра, характер у неё был дедов, тяжёлый, это я знаю не только от бабушки, которую она гоняла, и он гонял, но и на собственном опыте. Эх, не знаешь ты, что такое дохаживать дедов, сколько вытерпеть надо. На мою долю выпало дохаживать несколько смен, шесть дедов у меня было. В том числе и родители. И я, представь, не могла узнать в твоей девушке Гране мою мать Лидию, которую тоже дохаживала. Вот, блин, художественная правда твоя!

Ты пишешь, что повесть «Граня» написана по воспоминаниям родителей, то есть по мотивам их собственных историй. Это первооснова, иначе говоря, канва, но рассказывала, скорее всего, мать. Отец — нет, он молчаливый у нас. Повесть, она как цветок, вышитый по канве. Но этот рисунок, созданный по канве, не сама канва. Понимаю, у тебя, как автора, есть какое-то представление о послевоенном времени. Нельзя сказать, что это написано документально, кое-где есть и вымысел. Но то, что города Донецка тогда не было, ты должна знать, тогда это был город Сталина. Не знала?

— Нет, не знала. Так я и не утверждаю, что мой рассказ документальный. Тоня!

— Дальше смотри. При знакомстве героев есть версия, что они познакомились на институтском вечере, и там парень отдавил девушке ноги. Тебе это показалось слишком красивым? В повести они знакомятся по-простому, без всякого вечера. Время было послевоенное, скудное, толком ни еды, ни одежды не было. Так что блюдо с картошкой, это ладно. Наполовину придумана история о подруге Злате и её брате Лешке, хотя подруга в реальности была и действительно попадала в места заключения, тоже было. Меня царапнула мысль о сломанной судьбе Златы и Лешки. Именно это казалось мне главным в повести. Что касается Грани, она как-то сблизилась, скрепила подругу и её брата. Это мне пришло в голову позже.

— Какая разница, как познакомились. Главное, вместе остались! Как ты любишь говорить, судьба.

— Хорошо, книжная Граня и реальная девушка Лидия — разные лица. Одна за другую не отвечает. В повести они как будто шли рядом, но в финале Граня показана в самом начале своей супружеской жизни, с маленьким ребёнком (то есть с тобой), с живым ещё отцом, живой матерью. Переживая уход отца, резко взрослея, она готовится уехать в деревню. И она в глазах читателя такой молодой и чистой осталась. А реальная Лида, уехавшая в деревню, потом, конечно, поменялась. У них было общее — эта рухнувшая мечта о самолетах. И Граня простила судьбу, смирилась. А реальная женщина не простила никому этой разбитой мечты, ожесточилась... И не нам её судить. Нас вообще тогда не было. Я здесь уточню: мы — это не только реальные дети реальной Лидии, мы — как поколение. Что было в этих двух образах общего? Время, время было одно на двоих. С его холодом, голодом, оккупацией. И несмотря на это, ещё вера у них была. У нас, кстати, и этого нет.

— Тоня, это две правды, жизненная и художественная. Они различны по воздействию. Жизненная правда растёт на жизнеподобии: вот так и так бывает в реальности. Когда можно сказать: как в жизни. Пример — спивающийся Лешек — сперва от ран физических, потом от пустоты существования. Его сестра Злата спивается с ним заодно, не может найти себе места после тюрьмы. Это правда факта. Так бывает. Отношение к ним Грани, её любовь и жалость, и как она смотрит им вслед — это уже правда другая, пусть придуманная. Когда я сама почувствовала, что смотрю им вслед, я и начала это писать. То есть правда факта, пережитая, описанная и охваченная чувством, — становится правдой художественной. То, что Граню не взяли в летное училище, — правда жизни. А как она это пережила и что ей слышалось в паровозном гудке — правда художественная. Они же соединились.

— Как бы не так. Эх ты, писатель, — Тоня положила руку сестре на плечо, на лице её бродила усмешка.

— А что, нет, что ли? Что людей с поля гоняли и наказывали — это правда факта. А то, как Граня в сатиновых штанах пряталась от объездчика, — правда художественная. То, что в госпитале бинтов не хватало, — правда факта, а то, как их стирала Граня и как войну понимала, — правда художественная. Именно в рамках этой истории. То, что люди работали на путях кувалдами, — правда, а как работала конкретно Граня, свой первый хлеб зарабатывала, — правда художественная, хотя тогда многие недоедали...

— Слушай, писатель. В Воронеже действительно была яркая певица, исполнитель-

ница народных песен Мария Мордасова — та, что нравилась Егору. Это правда факта. И как она в старости жила, ходила в валенках по весеннему городу, уже никого не интересует. Кого интересует — идите в музей Мордасовой, там её наряды для сцены хранятся... Кстати, я их примеряла! Но восприятие Грани, её любовь к итальянской песенке — это уже её характер, и он выдуманный.

— Тонька! Жизнь реальной девушки из Авдеевки принадлежит нашей матери, и всё, что с ней случилось потом, — правда факта. К Гране это не имеет отношения. И об этом надо писать отдельную книгу. И ещё неизвестно, что будет убедительнее, жизнь Грани или жизнь реальной Лиды... Даже если бы Граня повела себя недостойно после финала повести, её не за что судить, это следующая повесть. А если у читателя есть свой взгляд на одни и те же события — об этом ему и писать. Вот я и пишу, хотя понимаю, что ты никогда не согласишься с таким мнением. Анчаров как говорил? «Произведение отличается от факта жизни на величину души автора».

Тоня опять:

— В величии твоей души я не сомневаюсь. Но упреки читателей, обращенные к автору по поводу «приукрашенной» Грани, поверь, имеют под собой основания. Конечно, в жизни так не было. Но это видно автору, тому человеку, который сочувствует героине. Этим ты и делилась с читателем. Ну, так спасибо, что поделилась.

Было уже поздно. Сварка стреляла новогодними блестками. Над Бамбуковой улицей плыла густая южная ночь.

Эпизод 15. ПОТЕРЯ

Как-то рано утром Мила выскочила навстречу Валентине из ванной. На ней лица не было.

— На экзамен? Боишься?

— Тетя, меня несёт от нервов. Не могу идти на защиту. Ноги подламываются.

Валентина тупо на неё посмотрела. Потом побрела на кухню, налила полстакана водки из холодильника.

— На.

— Ты что, тетя, совсем чокнулась? Убери эту дрянь. Не пью.

— Тебе надо диплом защищать, или ты хочешь всю жизнь с очка не сходить?

— Тетя! Пожалуйста!

— На, говорю, а то расплескаю, на ногах не стою от бессонной ночи

Тут нежный ландыш схватил и булькнул в себя эту дрянь. И как во сне натянул белоснежное бюстье, белую блузу с вышивкой гладью. И чёрную узкую юбку, чтоб казаться ещё стройней. И, как зомби, этот ландыш поплыл на защиту диплома.

Потом Милочка рассказала, что всё прошло нормально. Она ответила на все вопросы. Только её руководитель всё нюхал воздух в аудитории. И все нюхали и переглядывались. Девочка защитилась на пять. А что, старое русское средство, верное.

* * *

Мать приходила к Тонечке часто. Мать не хотела считаться с тем, что давным-давно умерла, была похоронена, её отпели и простились, как положено. Казалось, она жива, но прилегла на время, укрытая темным парчовым покрывалом. Так она выглядела перед тем, как отправиться на место упокоения. Но упокоения не было.

Лидия оказалась большой упрямецой и без конца шастала по квартире, открывала стенку со звенящим хрусталем, скрипела ступеньками на лестнице, ведущей на второй этаж. Сторожевой пес Дружок, охранявший когда-то дорогие иномарки, а теперь ясли-сад, абсолютно крохотный, но бесстрашный, от шагов матери забивался под диван.

Антонина обычно не разговаривала с матерью, так как при жизни наполучала от неё упреков свыше головы. Когда заспанная Тоня в длинном халатике входила с таблетками, мать обычно говорила: «А вы кто? Здесь работаете? Я вас увольняю». Самая мягкая форма. И теперь, ночью, видя мать с палкой у окна, Тоня привычно обходила её, чтобы налить воды отцу.

Наутро она, бледная, шла в церковь заказать поминовение. Мать и на это не обращала внимания. Она продолжала что-то бормотать, иногда досадовала на бессильно висящую после инсульта руку, иногда на домашние туфли, которые стали малы, то есть вела себя, как живая.

И однажды, когда Тонина дочка Мила спускалась на кухню с лестницы, старая мать вдруг как-то передернулась, как при обрыве пленки. «У-у, опять идет, опять всё из шкафа пропадет», — и погрозила согнутым пальцем.

Тоня обиделась. Сколько раз говорила себе, что нельзя обижаться на бесплотную тень, а тут не выдержала.

— Иди-ка ты, знаешь, куда? Куда подальше. Она ж ходила за тобой, как за родной!

— С кем разговариваешь? — спросила умытая дочь, хватаясь за чайник.

— Да так, с собой.

— Ты это брось, — дочь Мила, а по-настоящему Камилла, взмахнула каштаново-красной гривой, и по кухне поплыл аромат хвои.

Она обняла и чмокнула Тоню:

— Я возьму сыр?

Мать-старушка убедилась, что её опять ни во что не ставят, ушла, грозя согнутым пальцем.

Она пришла во сне раз, другой, третий. Хватая Тоню за руку, показывала ей свой шкаф, откуда вываливались груды тряпок. Понять было трудно. Тоня махала руками, убегала. На другую ночь всё начиналось сызнова. Устала, потом отчаялась. Но тревога всё сильнее сотрясала покорную душу. И вот Тоня вскочила и побежала, вообще себя не помня.

В ту памятную ночь старая мать пришла не как всегда, в клетчатой рубашке, а в новой ненадеванной желтой дубленке. Мать выбрасывала в окно все свои вещи, а когда оглядывалась — по лицу её текли странные темно-красные слёзы. Кровавые? Невыносимо.

Шатаясь, Тоня стояла в ночной рубашке на крыльце, и ветер сдувал с неё остатки кошмара. Была вихревая, но теплая ночь. Вместе с рубашкой ветер трепал виноградные плети и плетистые розы. Подошла добрая соседка Нора, у которой дочка умотала в Израиль. Седая Нора гуляла во дворе по причине постоянной бессонницы. Выбившиеся из узелка легкие пряди металась вокруг высокого лба. Глянув на Тоню, всё поняла.

— Опять?

— Опять.

Губы у Тони дрожали, руки дрожали. Она нервно собирала на резину кудрявые волосы, сжимала руками голову.

— А чего ей надо-то?

— Плачет! Кровавыми слезами плачет.

Нора, которая за семьдесят шесть лет видала всякое, подумала. Она и во снах разбирается немного.

— С вестью она, Тонечка. С дурной вестью. Она чего делала-то?

— Вещи в окно кидала. Дочери моей грозила.

Тоня очнулась, умылась из дождевой бочки.

— Что-то потеряешь ты. Только что?

Дочка Мила тем временем стала жить отдельно. Дочка Дина тоже отдельно, она так и не вернулась в отчий дом. Никогда. Понятно, что сложная личная жизнь, понятно, что родители обрыдли с их распиловками и поучениями. С кем живешь, расписаны или нет, и прочая муть, всё им знать надо. Ну, хоть жаль дочку, а взрослая уже. Каждую ночь Тоне было тревожно, чудились бандиты и маньяки. Район там у неё не очень.

Тоня страшно тосковала. Никто теперь не шугал её за отсутствие косметики, не предлагал новый шампунь, наборы серебристых теней, дезодорантов. Никто не подкапывался под бочок на тахте, когда вечерами включали большой телевизор. И по утрам Тоня машинально готовила завтрак в контейнере и добавляла сыр, конечно, забывая, что теперь это ни к чему. Выкладывала обратно. Ну, хотя бы обнять негодницу.

А тут пришел с работы Тонин муж, Тоха, большой и грузный, медленный человек, в роговых очках с толстыми стеклами. И сказал:

— Давай ключи от машины. Пойду проверю тормоза.

Ключей не было. Они перевернули весь дом, но ключей не было. Сначала стало страшно. Потом очень страшно. Но неудобно было оскорблять ребенка тупыми подозрениями. Недели две не было ни звука. Потом Юрик, у которого гараж арендовали, вдруг позвонил на домашний и сказал, что видел подозрительно знакомую машину, пежо, в шпент разбитую, на приколе у автомастерской на набережной, и цвет тот же, электрик-перламутр. А они-то думали, что машина стоит себе у Юрика.

Сердитый Тоха, вытирая платком лоб, вызвонил дочку, и она подтвердила, что да, пежо находится у её гражданского мужа по доверенности, а он, видимо, как разбил, так он и починит. Дело было срочное, некогда выяснять. Зачем ключ тайком взяла? А затем, что вы бы всё равно не дали. И это верно.

Вот так это всё начиналось. Потом в ход пошла Милкина дача, Милкины долгосрочные вклады. А сама Камилла, девушка-орхидея, как-то и не волновалась, что из её рук всё уходит неясному гражданскому мужу. Видимо, она была так счастлива, что материально её не интересовало. Подходил черед родительского дома, где была прописана у родителей Мила. Может, она свою долю тоже отдаст чужим людям?

Тоня уже не хотела, как раньше, обнять дочь, погладить её хвойные волосы. Тоне чудилось предательство, и не потому, что разбита общая машина. А потому, что Мила вела себя, как чужая. Да, машина была записана на неё, но она же знала: купили родители, причём на их деньги. И теперь эти родители были никто. И она обещала им выплатить, пусть не сходят с ума. Это больней всего.

Тоня опять увидела сон, только новый. На кухню она вошла ранним утром, перекрестилась на иконы, поставила, как всегда, чайник и кашу. Боковым зрением глядь — кто-то сел за стол, совсем не скрипя половицами, просто щелк — и сидит на табуретке. Она обернулась — мужчина в светлом чем-то, типа старой джинсовой рубахи. Тоня помнила, что шарахаться не надо. Да и не боялась она гостей оттуда.

— Кто таков? К добру или к худу?

Мужчина сидел, не поднимая головы, лица почти не видно. Руки на новой клеёнке узлом сцеплены. Волосы черные, короткие и блестящие, распались на неровный пробор.

— Брат твой младший. Не видела ты меня, один день прожил.

И они долго, сквозь слёзы, друг на друга смотрели. Увиделись впервые, а чувство было такое, что всегда друг друга знали.

Тонечка покивала:

— Хоть так увиделись. Спасибо, Господи. А чего ждать, скажи?

Он провел рукой, точно глаза вытер.

— Не тревожься, страшное не случится. Беды уйдут.

И мимо неё ушел прямо в кафельную стену.

— Братик...

Но его уже не было, только дунуло чем-то, как осока прошелестела.

Тонечка, согнувшись, плакала на диване, мыча от внутренней боли, вцеплялась и царапала себе руки, лицо. Про брата она знала от отца своего. А вот что дети... Куда их дети? Седая соседка Нора, которая пришла за святой книжкой, это увидела и сказала тихо:

— Эк тебя, родная, сморщило. Я уж это прошла, когда моя-то перебралась в Израиль, навсегда. Ну-ка, очнись! Давай-ко поехали с тобой в Костомары, есть такой чудный монастырь на меловых горах. Монахами кельи в тех горах выточены. Я была, там жизнь видится иной. Уж очень дешево, правда. Пускай Тоха разок отца-то покормит.

И был тот монастырь удивительный. Говорят, он начался веке в семнадцатом, а то и раньше, от одной принесенной монахом иконы. Несколько строений точно всплывали из земли, оканчиваясь куполами. Чтобы добраться до них, нужно было преодолеть длинные и высокие железные лестницы, и люди по ним карабкались, как могли. Тоня шагала молча, стараясь не останавливаться, не отставать, вниз не смотреть. Странно было видеть, что Нора, женщина с больным сердцем, двигалась как будто быстрее, помогая себе молитвой. Когда вошли в первый храм, их обнял холод. Это такое облегчение после жары. На самом деле там всегда было плюс десять. При такой температуре там и жили насельники. «Они могут быть ещё древнее, — поведал худой шуточный экскурсовод в тигровых шортах. — Об этом говорят пещерные стасидии, крупные ниши с полукруглым верхом, характерные для некоторых древних монастырей».

Когда проходили через круговой тоннель без свечей, Тоня, однако, не испугалась. Она держалась за холодные стены и чувствовала их надежность. И почему-то в этих переходах не было душно, наоборот, дышалось легко. Тоня пыталась снимать старым фотоаппаратом, но света было недостаточно. Она думала, как жили эти монахи, как хватало у них сил на эту невероятную работу по выгачиванию ходов, как хватало сил на молитвы и выпекание скудного хлеба. Она сочувствовал им. Однако Нора не соглашалась. Она, наоборот, считала, что это была свободная счастливая жизнь, доступная единицам.

Вокруг меловых храмов росли неведомые травы, занесенные в красную книгу. Их запрещали рвать. Воздух, напитанный солнцем и этими травами, давал силы. Трудность и дальность переходов утомляли тело. Но успокаивали душу.

Антонина потом стояла на рыжем холме под большим крестом в платке, длинном сатиновом платье в цветочек. Ветер был сильный, но ласковый. Он будто хотел оторвать женщину-былинку от земли и унести далеко-далеко. Отчего-то старая мать не приходила больше. Видимо, всё, что хотела, сказала. Больше не надо ни ждать, ни бояться.

* * *

Почтовый ящик.

«Валя, привет. Сижу на работе, двенадцать часов дня. У нас в детском саду работают плиточники. На кухне выкладывают плиткой стены. Свободно не уйдешь. Но мне надо кормить родителей, значит, нарушать трудовую дисциплину. Потом опять приходится и сидеть до утра. Но на ужин опять уходить и приходиться. Раньше в выходной день я даже и не приходила. Но сейчас другая заведующая. Я попросила плиточников быстрее закругляться. Говорю, что уезжаю, а другой сторож не придет. Значит — закрою вас и уйду. Оставайтесь ночевать, а завтра заведующая вас откроет. Они испугались и ушли.

Пришла домой, покормила Антошиных родителей. Приехала Камилла из района и стала соблазнять меня ехать на дачу. Но если бы не дежурство! Я решила рискнуть и поехать. Время — пять часов вечера. Загрузили машину. Набежали тучки, заморосил дождик, хотя жара по-прежнему. На даче были уже в шесть часов вечера. Как раз в это время дали воду. Стала поливать клумбы из шланга, заодно и деревья. Мила сжигала старые ветки. Время девять вечера. Когда оно, время, проскочило? Быстрее в машину. Дома искупалась и на работу. Сейчас десять вечера — уже сижу, как штык, на работе. Но внутреннее состояние совершенно другое, чем несколько часов назад. Я спокойна, счастлива, и весь мир мне друг.

В городе День молодежи. До сих пор музыка, шум, площадь перекрыта, Кольцовский сквер переполнен гуляющими.

У нас ловят уклонистов от армии, их всё больше, стали сажать. Если некоторым удалось прикрыться справками или лечь в больницу — разыскивают там, врачей под суд. У тебя вроде сын тоже под угрозой. Ты смотри там не плачь, держись.

Сижу на работе спустя неделю. Ремонт в саду ещё не закончился. Работают плиточники. Везде мел — не прислониться. Пишу на убогом уголке стола. Родителей откормила два раза и искупала. Это тяжело, но они привыкли в один день, это прихоть. Мила повезла отца в район, что-то по работе, а потом они поедут за вентиляционными коробами. Я, наконец, на днях докрасила окно на лестнице, повесили жалюзи, шторы. Получилось хорошо, хотелось бы сфоткать, но всё нет времени. У нас ведь стоит жара за тридцать каждый день. Я начинаю думать о кондиционере.

* * *

Ломать не строить.

Сегодня день строителя, представь, уж никак не могла бы подумать, что он станет семейным праздником. Но что поделать, Камилла закончила тот же институт, что и отец её. И успешно работает в «Водоканале» после долгих лет работы в концерне «Созвездие», куда её когда-то брала на работу наша Аллочка. Говорят, там до сих пор работает Медина, которая десять лет назад была наяву моей старшей дочерью, а потом ушла и как не было. Теперь ничего о ней не знаю. Её дети, а мои внуки, выросли без меня... Ну что ж... Долго болела душа, теперь боль через слёзы ушла.

Камилла, а по-домашнему просто Милка, обещала сегодня забежать к нам в гости, и я соберу небольшой стол. И мы с ней договоримся, когда можно съездить на дачу... Наверно, Антон не поедет с нами, у него колени теперь не гнуты совершенно. Чтобы сменить старый замок из двери, он просит постелить на пол половички... Дача тоже детище Антона: четыре подпорные стены, наш участок на склоне, забор двухметровый из оцинковки, цементные лестницы, беседка, душ и сам дом в двух уровнях плюс опоясывающая терраса. Он и проект сам делал, и мужиков из своей бригады звал на совет, они и строить помогали. Даже дачники из нашего околотка приходили на нашу дачу смотреть.

Не люблю я эти семейные посиделки. Ты знаешь, пить я не пью, но уважить мужика надо. Он после рюмочки, конечно, заведёт свои воспоминания, как начинал работать в Даровском и как там было добираться на стройку тяжко, машины тонули в грязи даже летом, тем более краны. Дороги там построили уже после того, как мы оттуда уехали. И как однажды у крановщика жена рожала, он отпросился на два дня, но потом, когда жена родила, неделю не мог доехать обратно. Пришлось Антону самому лезть на кран, а у него очки минус восемь. А ведь останавливать стройку нельзя, по головке не погладят, за каждый день простоя штрафы. Это дело могло кончиться летально, и плита могла сорваться, и кран мог загреметь вниз вместе с мужем моим. Но всё обошлось тогда. Он, когда заработал денег, сделал платную операцию по зрению, да только через два года всё опять вернулось.

А на мой взгляд, гораздо страшнее того случая были моменты уже на городских стройках. Он жене только газовую заправку в Плесецке строил или типовые школы. В городе довелось и банки строить, и прочие высотные сундуки ставить. В девяностые

была такая фишка, как непродуманный проект. Его заставляли строить быстрее, быстрее, а потом, когда проект вдруг меняли, приходилось иногда ломать уже построенное. Это и опасно, и морально тяжело, и сметы все приходилось пересчитывать. Он говорит, когда своё рушишь, это простыми словами не передать, только матюгами... Мне кажется, тогда он выпивать и привык. На одной фотке, где на нём сто одежек, сам стоит по пояс в снегу. Приятель написал — я тебя таким и запомнил. От снега и резиновых сапог у него суставы заболели, радикулит пошел, а от палящей жары давление стало скакать... Мужики же не любят лечиться, они всё лечат одним способом...

Антоха стал внешне совсем другой. Раньше был стройный парень в очках, с чёрными витыми волосами, а теперь такой монумент квадратный, какие он сам строит. У него рубахи шестьдесят последний размер, как простыни. Про джинсы уж помолчу. Ещё надо найти в секонд-хенде, принести померять. Потом уж он даст согласие... Ты знаешь, он начал-таки мемуары писать, и это правильно. В жизни его появился смысл.

Короче. У меня пюре картофельное готово, двухлитровая кастрюля, два салата, твой любимый морковный оранжевый, морковкой по-вьетнамски, в духовке мясо по-французски, скумбрия в маринаде стоит, пойду за тортом. После посиделок напишу или завтра».

Эпизод 16. НАГРАДЫ

Всё началось жарким летом, когда Валя притарахтела к сестре Тоне увидиться и побывать на кладбище у папы. Его памятник упал, был восстановлен трудами Антонины и двоюродной сестры Аллы Вадимовны. Они сидели и со страхом ждали звонка от Аллы. Но когда Алла позвонила, они уже были за сто километров в дачном посёлке. Аллочка, наконец, готова была везти родню на сельское кладбище, но родня потерялась. Все ахнули, схватились за сердце — но поздно. Единственный шанс был упущен, единственный выходной был упущен.

Настала такая безумная жара, не высказать. Идея дружить домами быстро накрылась медным тазом, ввиду аномальной температуры. Валя целыми днями лежала на диванчике, вставая попить и измерить давление. Младший сын её мотался на велосипеде по городу, исследуя живописные парки. Приезжал усталый и показывал в телефоне море ярчайших фотографий. Такой оказался мальчик глазастый. Тоня, покормив народ, открывала огромную папку и расспрашивала Валю о её семье. Оказывается, рукастая энергичная Тоня поддалась моде и начала писать семейную родословную книгу. А она привыкла всё делать на совесть. Она уже описала все улицы города, и краеведом ей быть не надоело. Описание улиц составило десять папок, и Валя поняла, что резервы у Тони ещё есть. У неё очень болели и отекали ноги, но осанка держалась по-прежнему прямо. А волосы вились волнами, как от дождевой воды. Во время походов в лавку она не забывала прогулять по улице внучку и купить сетку мороженого. «Ку-ку!» — кричала внучка и пряталась между вешалок.

— Скажи что-нибудь хорошеё про свою свекровь, — просила она сонную Валю.

У Вали шли круги перед глазами, в тени было сорок градусов. Она прикладывала ко лбу мокрое полотенчико и бормотала:

— Я же написала тебе краткую биографию. Но, понимаешь, мы с ней были не в ладах. Я никогда не знала её заветных струн. Она же была против, что я пишу. «Чтобы писать, надо родиться графом», — так она говорила. Ей казалось, я плохая мать, обижаю деточек. Мне сейчас тоже так кажется, а тогда это бесило. Она говорила — я её крест. Ну, какое могло быть общение?

— Но ты же говоришь, она перечитала всего Тургенева.

— Это да. И меня корила, что не читаю

— И ещё она вышивала искусно. Даже в годы войны зарабатывала этим. Вышивание, — это и моя страсть.

— Да. Я тебе присылала фотки. Но мы по жизни оказались чужими. Я даже звала её по имени-отчеству. Фелисата Петровна, а потом уж мамой, Сева так хотел. Но они же дворяне, из волжских дворян, для меня это сложно и непонятно. У меня в родне все кучера и кухарки...

— И ты даже не горевала, когда она умерла?

— Скорее да. Но скорее из-за Севы. Он горевал.

— Невозможно, чтоб от человека ничего не осталось. Девяносто годов прожить и ничего после себя не оставить. Не бывает так. Всмотреться надо... Проникнуться.

— Ну да. Но тем не менее. От неё осталась дача в пригороде. Старая сумочка с облигациями. Квартира, крыша над головой. Это немало. И грустные воспоминания.

Ещё немного, и жара бы довела Валю до сумасшествия. Даже дача превратилась в

Среднюю Азию, там бегали ящерики, трескалась земля. Но сестра превратила заброшенную делянку в оазис — там бушевали помидоры, пионы, плетистые розы, даже елочки, даже туи молодые в ряд стояли. Не говоря уж про солидный дом в трех уровнях. Дачей они занимались вместе с мужем, который изначально был против. Но он и дом построил, и гранитные дорожки вымостил, и скважину пробурил. От сестры не так легко было отделаться.

Валя с сыном уехали, волоча четыре сумки подарков. Там, например, была отличная куртка для сына и крепкая дубленка для дочери. Но главное дело завершено не было. По родословной тут и там мелькали хвосты недоделок.

— Послушай, — звонила сестра в далекий северный край. — А вот этот прадед, которого раскулачили, бабушки Фелисаты отец. Он ведь жил в местности Буй? Так вот, я нашла эту церковь, где он был старостой двадцать лет. Вот почему его раскулачили. А у дедушки, папы Севиного, кажется, были награды? Написано в биографии. А где они?

— Лежали где-то у бабушки. Но после её смерти их никто не видел.

— Вот какие вы ленивцы. А не могли Севины сестры их увезти?

— Нет, от бабушки их никто не мог увезти. Это были бабушкины реликвии.

Вся семья переворачивала узлы, ящики, коробки, открывала потайные углы, искала ордена. Конечно, ордена понадобились только для того, чтобы подробнее описать жизнь дедушки, Севиного папы, который давно ушел из жизни, ещё раньше бабушки. Он ушел по своим причинам в очень пожилом возрасте, прямо в день бракосочетания сына... Но пока он был жив, никто не додумался описывать его так, как это было на самом деле. Остались пыльные папки, в этих папках были только отдельные метки этой жизни, удостоверение депутата Верховного совета, его заявление по поводу конференции, лекции о земле, его автобиография. Но свои награды он, конечно же, не описывал, а ведь их было несколько. И в первую очередь надо было искать в комнате бабушки. Потому что только она знала, где они лежат. Сестра по телефону твердила Валентине, что ордена должны быть в доме, что они никуда не могли деться, и все снова стали искать. И уже четыре пакета с ненужным бумажным хламом стояли у двери, но заветная коробочка с орденами не находилась. Очень было обидно и грустно. И совесть мучила.

— Давайте ещё поищем, — жалобно говорила Валя, стирая пот со лба. Она в последнее время так возмутительно быстро уставала. Даже днем засыпала. — Ведь сестра пишет родословную! Ей важно сохранить это всё для последующих поколений, для наших потомков. Да, в конце концов, для нас самих. Ну, откуда мы знаем такие важные детали из жизни дедушки? А то будем знать!

Понятно было Вале, что её мужчины, муж и взрослый сын, приходившие с работы, после ужина падали в кресло и закрывали глаза. Никаких сил не было искать.

Это надо было снова начинать, с самого начала. Поднимать и двигать стулья, громоздить друг на друга табуретки. Открывать скрипящие антресоли. Не получалось взять себя в руки и не получалось найти энергию для того, чтобы сделать хоть одно движение.

«Ну, неужели нам всё равно? — спрашивала себя Валентина, боясь подумать о том, что её то уж точно никто описывать не станет. — Но ведь не всё равно». Она и до этого тихонько подходила к сыну: «Давай, ты молодой, ты упрямый, у тебя получится. Ну, пускай у нас папа Сева устал, но ты ещё не устал?» — «Устал», — отвечал сын и надевал наушники, включал какую-то историческую игру и начинал играть. Правда, он приходил очень поздно, на работе весь день нервничал, и, надо же, не получилось найти ордена. На другой день после очередной неудачной попытки позвонила сестра Тоня. Валя как наяву увидела её — усталую, русую, худощавую, в голубом халате, с посудным полотенчиком подмышкой, с запотевающими очками, набирающую номер на телефоне.

— Ты не представляешь! — восклицала сестра. — Я ведь всю ночь не спала, мне хотелось доделать страницу про вашего дедушку. Ложилась спать в два ночи, но у меня не получилось заснуть. Ворочалась от беспокойства, меня что-то подталкивало встать и раскрыть папку с родословной. И вот я её раскрыла и тут же забыла, что нужно спать. Лихорадочное волнение охватило меня. То, что не соединялось раньше, само собой выстроилось. Казалось, слова и листочки складывались в одну стройную линию, и я начинала что-то понимать. Я радовалась, что фотографии очень красиво вписываются в текст, и когда у меня получилось несколько листов текста, и фотографии туда легли, что-то изменилось вокруг. Те же снимки, где он в военной форме. На корточках с сыном, в обнимку с женой Фелисатой, тогда ещё молодой, в платье с плечами... Это было так же, когда ко мне приходили гости оттуда. Я вдруг почувствовала, что я не одна! Раздалась какая-то едва слышимая вспышка, звука почти не было, но полетели искры, и кошка моя тоже как-то съезжилась и насторожилась. Кошки всегда это чувствуют.

Внучка, которая спала в другой комнате, вскочила и прибежала ко мне. «Что это было? Бабушка? Что это, что сверкало?» — «Ничего не сверкало, спи давай».

Но внучка смотрела на меня во все глаза и не верила. Она тоже что-то почувствовала. Я легла спать, успокоила внучку. Но было уже утро. Я задремала почти на рассвете, и мне приснился сон, странный сон, — говорила сестра Тоня.

А в этом сне к ней приходила бабушка Фелисата, сама бабушка, мать Севы. Но она была не такой, как на отосланной фотографии, степенной, нарядной, в вологодском кружевном воротнике. Нет, она была гораздо моложе. Она шла по какому-то коридору. Это был длинный каменный коридор, который напоминал казенные здания, может, гимназию, может, администрацию какую-то.

Она шла по этому коридору, вся тонкая, высокая, в светлых туфлях, в нарядном светлом платье. Валя точно знала, что никогда такой её не видела, и тем более Тоня не могла её такую нигде видеть, и на фотографиях такой её не было. Она куда-то торопилась. Тоня, конечно, пошла за ней, но следовала не резко, не бегом, а как бы плыла. Но то, что бабушка шла ногами, было точно. Она подошла к лестнице, на которой было совершенно темно. На этой лестнице стоял Валин муж Сева, молодой, длинноволосый, не похожий на нынешнего. Вот молодая бабушка Фелисата подошла к нему, увидела, что он держится рукой за перила. Да, он одной рукой держался за перила, а второй прикуривал сигаретку. Тогда бабушка Фелисата подошла к нему и положила свою руку на его руку, а его руку на перилах. И они молчали какое-то время. Потом бабушка сказала: «Ты должен это ей отдать».

— Как ты думаешь, — спрашивала сестра по телефону, — что это было и о чем она твердила сыну Севе? Знаешь, — продолжала она, — странное у меня было состояние. Я почти не спала, но мне было легко двигаться и говорить. Я пошла на кухню, у меня всё быстро получалось, я была как бы немножко хмельная. Я думаю, что, по идее, у меня не должно было сил оставаться от бессонной ночи, но что-то двигало мною, мне было легко, только очень тревожно, так как я не понимала, что я должна понять из этого сна, что делать. Как ты думаешь?

Валентина, ежась и поправляя большую шерстяную кофту — она всё время мерзла, — ответила, не раздумывая:

— Но это же понятно. Мы ведь снова искали напрасно. В этот вечер прямо. Бабушка говорила про ордена, которые мы не нашли. Ничего не вышло. Твой сон — это ответ того мира нашему миру. Они почувствовали тревогу, твою работу, твое напряжение. Твои мысли вертелись вокруг дедушки! Это вообще на самом деле удивительно, почему мысли именно твои. Ведь я должна этим заниматься. Ведь ты пишешь ту часть родословной, которая относится к моей семье. Я ничего об этом не знаю вообще. Я давно поняла, что тебе дано общаться с тем миром, и мертвые к тебе приходят легче, чем к кому-нибудь другому. Ведь ко мне они не обращаются, они обращаются к тебе. У тебя другие вибрации. Ты это пишешь и узнаешь то, что мы не знаем. Возможно, другие люди тоже могут обратиться, поэтому бабушка, желая тебе помочь, велела своему сыну искать дальше. Ты понимаешь, какая ты молодец? Ты заставляешь нас шевелиться, а мы и не думали. Дар соприкоснуться с тем миром опасный, но ты им не пренебрегаешь, ты молодец, что не боишься, разговариваешь и даешь понять, что тебе не всё равно.

— Ты серьёзно? — переспросила сестра. — Ты серьезно так думаешь? Ты не считаешь меня сумасшедшей? Ну, что я типа переутомилась, не в себе, и мне всё это почудилось?

— Да нет, — прошептала Валя, — я несколько не считаю тебя сумасшедшей. Я уверена, что они где-то есть. И они всё видят и чувствуют, просто каналы общения у каждого человека свои, и не каждый канал годится для связи с ними. Ты понимаешь, если они постучались к тебе, значит, они надеются на тебя и думают, что ты оставишь след в истории именно про них. Ведь прабабушка Даша в двух платочках тоже пришла к тебе, а не к двоюродной Аллочке, например, или ко мне. Чем, кстати, закончилась та история с прабабушкой? С её могилкой, которую завалили брёвнами?

— Да всё нормально, — ответила сестра. — Мы поправили могилку, поправили памятник, обновили крест, и всё хорошо. Брёвна увезла администрация.

— Послушай, — перебила её Валя, вся дрожа, — наверное, ей стало легче. Она не давала об этом знать?

Сестра Тоня немножко помолчала и говорит:

— Нет, она не приходила. Я не знаю, но я как-то успокоилась и подумала, что мы сделали, что могли. Визит твоей свекрови, бабушки Фелисаты? Но она беседовала, конечно, не со мной. Она беседовала со своим сыном Севой. Но она как будто знала, что я здесь, на лестнице. Было очень темно. Повторяю, самого Севы было не видно, были видны только его руки и немного лицо сбоку, длинные волосы. В одной руке сигарет-

ка, вторая на перилах, и на этой руке лежала её рука. А скажи, у неё было когда-нибудь светлое длинное платье, какие раньше, когда носили восьмиклассники?

— Не знаю, надо узнать. Ведь у неё не спросишь так вот, — опустив трубку и нажав кнопку, Валя стала думать о давно прошедшем мимо неё человеке.

Насколько же Валя была несправедлива к ней. Ведь давно умершая Фелисата обратилась не к ней, жене сына, она обратилась к незнакомой сестре Тоне... Именно сестра Тоня говорила: скажи мне добрые слова о свекрови, скажи, что ты знаешь о ней хорошего. Но Валя не могла этих слов найти, и почему? Потому, что при жизни они почти не разговаривали об этом. Не разговаривали о её жизни, о её судьбе, о жизни бабушки, героя войны. Перекидывались какими-то фразами о еде. О комнатных тапках, о плаче детей, скандалили и разбегались в разные стороны. А ведь было что-то главное, то, что прошло мимо. Теперь Валя слышит это главное в обрывистых магнитофонных записях дочери, где бабушка слабым голосом что-то говорит, что жила при царе. И можно ли там разобрать какой-то смысл? В этом разобрать смысл и при жизни невозможно.

Валя подошла к седому Севе, который сидел в наушниках в кресле, махнула ему рукой. В доме было невероятно тихо, потому что дети жили теперь далеко своими семьями, а младший сын поехал на дачу строить забор, не обращая внимания на снег с дождем. Валя вспомнила, как они однажды строили забор на даче у сестры. И как вся округа дивилась на них, ведь это было им не под силу — две слабые женщины да мальчик, этот вот младший. Сами копали ямки, сами садили столбы, штакетник прибивали. И они же его построили, покрасили.

— Скажи-ка, Сева, — она с трудом подыскивала слова, — ты не помнишь, не было ли у бабушки в молодости светлого длинного платья? И светлых туфель?

— Конечно, было. Всегда. Только в старости оно было плотное, теплое, а раньше она носила такие шелковые, легкие, наверно, креповые. Конечно, было.

История на этом не закончилась. Тоня обожала «выкиньштейн» — операции по выбросу старья. Это помогало очистить место в шкафах и не давало появиться моли. В очередной раз она позвонила сестре Вале и расписала «выкиньштейн» в больших масштабах. Шесть больших сумок на помойку, три роздано по людям, и ещё она заказала машину, чтобы вывезти на полигон ненужную мебель из сарайки. А до этого что-то пошло соседям. На Валю это подействовало, как красная тряпка на быка. Она могла вынести ненужное только на помойку.

«А что ж мы-то отстаём?» — пробормотала она и стала по табуреткам подбирать ся к антресолям. Чуть не свалилась! Но зато приготовила на выброс старую шубу, не надеванную уже лет пять или шесть. Сын решил Валю изолировать и усадил на диван. Буквально через полчаса он вынес в большую комнату старый потрескавшийся баул, а в нем — бабушкины военные награды.

И это был настоящий шок. Ведь их искали несколько лет, а нашли только тогда, когда сама бабушка вмешалась.

Эпизод 17. КУКОЛЬНЫЕ САПОЖКИ

«Жила-была старуха. На неё всегда ругались. Делала она всё всегда не так, говорила не то, думала не о том. Неудачница, ничтожество, как говорили её родители. В детстве её ругали за то, что она медленно мыла полы или посуду или плохо полола огород. Всегда не знала, что надеть, что можно говорить подругам, чего нельзя. Как ответить, чтобы над тобой не смеялись, как дать сдачи за обиду, если в душе её нет, а значит, злости и раздражения тоже. Но «надо давать отпор, иначе куры загребут», говорила ей мать, которая сама когда-то проткнула однокласснику руку насквозь ручкой с простым пером, чтобы не дергал за косу. С кем можно дружить, с кем нельзя, и вообще, что можно любить и за чем. Целая наука — жить. Как это — жить счастливо и весело, и зачем нужно что-то чувствовать.

Была у старухи в детстве подруга, но с ней дружить не разрешали, не потому, что она плохая, а просто «нечего шататься по дворам». Весело ей, видите ли, полы не помыла, уроки не сделала, ковры не почистила, пыль не вытерла, воротнички на форму не перешила, носки не заштопала, дополнительную литературу не прочитала, уроки по музыке не сделала, курам свеклы не натерла, за молоком не сходила, гулять ей, видите ли, надо.

Ты не сама по себе, а лицо своих родителей. Все будут думать, что твои родители такие же придурки, как ты. И не смей рыдать, а то влипнешь в стену». Строгие, конечно, были родители. И очень боялись за своё лицо. Детей они потерять не боялись. От них всё равно нет никакого толку. Старшая сестра часто жалела, но была намного старше, рассуждала по-взрослому.

И жила старуха одиноким ребёнком. Ей по-прежнему хотелось счастья и радости,

но всегда надо было молчать. Если что-нибудь скажешь, мать сразу: «Чего брешешь, замолчи». Смеяться тоже было нельзя. Мать это особенно бесило. Кроме всего, родители ругали за плохую учебу. Четверок действительно было много, а троек мало. А потом начался инстингут, и учеба вовсе взяла за горло. А хотелось красивых платьев, струящихся тканей, душистых вуалей, нежных духов. Но больше всего хотелось петь и танцевать.

Однако пришло время выходить замуж, а туда выходить совсем не хотелось. Появились дети, и стало совсем невмоготу. Муж всегда был всем недоволен, особенно приготовленной пищей, так как всё было недосолено и недоперчено. Она старалась готовить хорошо, старалась изо всех сил. Котлеты у неё были из настоящего филе, мелко прокрученного на мясорубке. Жареная рыба всегда была накрыта большой крышкой, чтоб не высохла. Каши всегда рассыпчатые, пюре воздушные, словно крем. Блины трубочками, фаршированные творогом, мясом или луком с яйцами. Все блюда пробовала на соль по десять раз, но муж всё равно был недоволен — подай ему одно первое, два вторых и третьего три порции. Что не так — громко орал и уходил, хлопая дверью. Или, наоборот, молча стоял, накаляясь: «В этом доме мне дадут еды или как?» А разве когда-нибудь было или как? Однажды при полном отсутствии денег он дал немного из заначки и сказал: «Купи себе очки». Но есть было нечего, и она купила колбасы на всю семью. Муж сказал: «Ну и дура! Денег нет, теперь и очков не будет». Дети всегда были недовольны одеждой, питанием, отсутствием денег, отсутствием качества еды, не хватало машины и вообще счастья. Ну, где ему взяться? На работе все ругали, что плохо работала, многое не успевала, часто была на больничном из-за детей, некрасиво одевалась, не «горела» производством. А работала она в нескольких местах одновременно и почти везде уборщицей. Какое уж тут горение на работе.

Выросшие дети, умершие старики, бесконечная работа... сделали своё черное дело. Душа старухи сжалась в маленькую горошину от бесконечных обид и унижений, но ещё продолжала жить и ждать радости. И вот радость. Родились внуки. Бесподобно красивые и умные. Старуха их нянчила, кормила, гуляла, помогала, чем могла, дочери. Но дочь, однажды рассердившись, ушла навсегда и увела внуков. Сначала сердце хотело разорваться, а потом смирилось... Через год Душа старухи обуглилась и почернела, забилась в самый дальний угол и медленно рассыпалась, как прогоревшая бумага. И уже не просила ни радости, ни счастья. Старуха превратилась в старый сморщенный сучок, который вот-вот отвалится от дерева.

Однажды она брела по улице. Перед полблещими лазами расплывалась дорога и идти приходилось медленно. Вдруг в угасающем разуме возникло слабое маленькое желание. Оно было настолько слабым, что старуха напряженно прислушивалась несколько дней. Увидев на улице давнюю знакомую, старуха, страшно стесняясь, попросила: «Не найдется ли у тебя старой куклы?» Подруга вздохнула и привезла с дачи куклу тридцатилетней давности с выцветшим лицом. Старуха поплелась на трясущихся ногах в магазин и стала перебирать скрюченными пальцами дорогие ткани, которые не носила сама никогда. Ей захотелось купить самую роскошную ткань. Душа требовала красоты, а денег было мало, но старуха всё-таки решилась на покупку полуметра небесно-голубой парчи, кружева и белого шифона. Принеся домой всю эту роскошь, она собралась шить платье на куклу.

Глаза слезились, голова кружилась, но желание сделать что-нибудь красивое и обрести хоть маленькую радость нарастало. Душа вдруг распахнулась и затрепетала. Старуха искупала куклу, вымыла ей голову, поменяла внутри всю резину, накрасила губы розовым лаком для ногтей. Сшила сначала нижнее бельё из белого шифона и обшила белым турецким кружевом. Туфли из старой пластмассы были серыми и не отмывались. И тогда старуха разыскала у дочери засохший золотистый лак для ногтей. Размочила его жидкостью для снятия лака и покрасила туфельки. Они стали нежно золотистыми. Из голубой парчи изготовила длинное платье, отделка которого состояла из тесьмы, набитой белым бесцветным бисером. Своими скрюченными пальцами старуха не попадала ниткой в иголку. Конечно, и бисеринки не хотели нанизываться на ниточку, но старуха с огромным упорством, равным тому, как войска штурмовали Берлин, старательно тыкала иголкой в дырочку. Нужно ещё было чуть-чуть вуали, серебристой бахромы и жемчуга. Старуха опять поплелась в магазин, на последние деньги выбрала из огромного многообразия то, что нужно. А что нужно, душа подсказала.

Обшила кокошник серебристой бахромой, прикрепила к нему кусочек вуали. Старательно нанизала пять рядов жемчуга, сделав бусы. Вплела в косы вместо лент остатки парчи. Отошла подальше, чтобы оценить, что же получилось. И вдруг поняла: «Снегурочка!»... Образ получился гармоничным по цвету, пропорциям и замыслу! Душа старухи прыгала от радости и наполнялась счастьем!

Соседи, узнав о красивой кукле, приходили в гости. Соседские дети прибежали фотографироваться со Снегурочкой, чтобы послать фото родным. Деловые тётки из

управления культуры фотографировали её для своих бумаг: вид спереди, вид сзади. И все, увидев Снегурочку, в первое мгновение замирали и стояли молча, а потом говорили, говорили комплименты! И дело здесь не только в красивых тканях, а в том, что в этот образ бедная старуха вложила свою душу, которая оказалась прекрасной, на удивление всем.

Через месяц настанет Новый год, и Снегурочку просят многие детские сады для участия в сюрпризных моментах. Пока же Снегурочка уезжает в Москву для участия в выставке прикладного искусства от нашего города в разделе «Рукоделие. Куклы». Но к Новому году она вернётся и посетит все обещанные утренники. А у старухи всё по-прежнему: нет денег и здоровья, дети не общаются, муж хлопает дверью, умершая мать грозит во сне. Но есть где-то в завалах другая старая облезлая кукла, и старуха с поющей душой начинает создавать новый образ, теперь Русской красы. Костюм будет народный, и она знает, что это тоже будет шедевр. Это и есть счастье — делать то, что хочет твоя душа».

Кто же такая эта старуха? Да это и есть Тоня, которая сама себя спасла от тоски.

Вот так описала она невесть откуда взявшееся желание одевать кукол. Она и писать-то ничего не собиралась, стеснялась этого желания, как стеснялась говорить о своей жизни. Но так было велико её удивление перед свершившимся фактом, что она постаралась вспомнить, как всё это началось. Она удивила сама себя. И, конечно, не была она никакой старухой, она в пятьдесят ещё быластройной, раскудрявой и подтянутой особой. Но внутреннее чутьё подсказывало ей, что нужно как — дистанцироваться от своей прежней жизни, стать не собой. Вот и придумалась эта старуха — без имени, без фамилии, а просто старуха, каких сотни. Но таких, как Тоня, больше не было вообще.

Постепенно Антонина стала кукольным модельером: она начала шить одежду для кукол. Причем для кукол преимущественно советских. Она считала, что у советских кукол особенно чистые лица, невинные глаза. Импортные куклы были пучеглазые, продажные на вид. Они, как правило, походили на взрослых женщин с грудью и длинными девушкиными ногами. В них ничего не осталось от детей, того, что и пленяет в куклах. Одежда шилась из разных эпох — и западная средних веков, и русская народная прошлого века. В одном из рассказов Тони изложена честная история появления такого костюма: лютое одиночество и жажда красоты. Психологическая подоплека могла быть разная — тоска от расставания со взрослыми дочками, собственное тяжелое сиротство после смерти родителей.

Тоня никогда не училась специально шитью для кукол. Не была на курсах, не смотрела книжки, как было с лоскутным шитьем. Но проявила в этом деле огромную волю и тонкое мастерство. Искала старых кукол по знакомым, тщательно отмывала в дорогих шампунях, покупала для них дорогие ткани, ресницы, парики, бижутерию. Сама изготавливала крохотные сапожки, как было с Русской красой. Часто люди просили её одеть старую куклу, и совершалось настоящее преобразование. Каждый наряд был неуловимо связан с образом хозяйки и никогда больше не повторялся. Для Тонечки каждый человек был неповторим. Потому и копий костюма не существовало. Получая новое платье, кукла обретала новую судьбу. У Русской красы не было ботинок. Тоня подыскала ей на блошином рынке красные войлочные ботиночки, и они пришлись впору, но как-то не гармонировали они с тонким кружевом нижней юбочки и парчовым верхом всей пышной юбки. Тогда была срочно найдена старая замшевая белая сумочка и из неё вырезаны сапожки для красы. К ступне приклеили подошву, тоже белую, в дырочки продернули алую резинку, о-о, всё было в тон, не стыдно было юбку приподнять, пококетничать.

Многие куклы так и остались подарками и разъехались по своим домам. А ведь как хорошо они смотрелись бы вместе, именно в коллекции, где они становились одной семьей. Однако счастье хозяйки стоило того.

Многие куклы не умели стоять. У некоторых были ножки пупсов (полусогнутые), поэтому большинство были усажены на металлические штативы, и наряды от этого выглядели ещё эффектнее. Эти штативы сочинила сама швея и попросила мужа согнуть их соответственно. «Что за хрень?» — удивился строительный муж, но спорить не стал, он был рад, что жена перестала, наконец, рыдать целыми вечерами, теперь она строчила на машинке, щёлкала ножницами и даже напевала. К ней стала приходить странная подружка Павельева с баяном, и они разучивали русские песни, а потом пошли на концерт хоровой музыки. Почему хоровой? В хоровом пении выразилось далекое и очень важное для Тони чувство народа. Она всегда была частицей этого огромного понятия, и ей сладко было ощущать себя капелькой широкого моря.

О каждой кукле, можно сказать — героине, можно было написать отдельную историю. Две из них Тоня сама передала в двух своих рассказах. На этом взлёте она начала

писать и даже сама не заметила. Она просто писала бесконечные письма сестре, чтобы объяснить ей всё про кукол, а сестра страшно всполошилась и обозвала её словечком «талант».

Героини есть и старинные, например, белокурая купчиха в голубом шифоне, кукла в оранжевом. И есть современные — девчонка в вишнёвом вельвете. У всех есть имена, но всех не упомянуть. Отдельная тема — русские красавицы, их уборы ярко выраженного народного характера. Они вообще неподвластны времени. А есть венецианка в золотом шитье, с золотым жеваликом на голове, взрослая дама с офигительно детским личиком. Подарена в день рождения знакомой Джини и уехала куда-то за границу, в особняке живет...

Среди современных есть и куклолка в школьном платьице, неуловимо похожая на сестру Валю. Черноволосая, с хвостиками на резинках, в коричневой форме и белом школьном фартуке, она точно на последний звонок собралась. Она обоим сёстрам очень трогает душу, напоминая о далеком советском детстве... И уже неважно, горькое было детство или весёлое. В грустные минуты Валя её обнимает и ходит по комнате так, качая её, как качала когда-то маленькую Медину.

* * *

«Итак, подруги-краеведы, сегодня мы были далеко, долго гуляли, фотографировали старую улицу, можно и отдохнуть. Все разливают по бокальчику смородиновки и садятся поудобнее. Мы сегодня с вами передвигались по довольно глухим местечкам, где ещё сохранились старые здания. Все полны впечатлений, все устали, но разбирать фото будем позже, и надо немного подождать, чтобы улеглись эмоции. Кто хочет, наливайте чаю, вот и коржики имбирные... А я пока расскажу вам удивительную историю.

Знаете, в детстве мне очень нравилась одна кукла. Она стояла на полке районного магазина промтоваров и, казалось мне, просто светилась от счастья. Соломенные, чуть выгоревшие волосы, зеленые распахнутые глазёнки. На ней было светло-зеленое репсовое платье, плотно обшитое зубчатой тесьмой, даже туфельки с помпонами зеленые. Я тогда была маленькая, запуганная, но тут я расхрабрилась и стала просить у родителей куклу. Они мне — играй другими, эта слишком дорогая. Но я продолжала канючить. Иногда после школы ходила смотреть на куклу, которой дала имя Луиза. «Луиза», — шептала я, видя перед собой невозможную зелень глаз, будто травку в росе. Они отмахивались.

Потом куклу купили. Но не мне, а другим, более обеспеченным детям. Я больше не могла ходить и любоваться. Этот удар пришёлся на первый класс, но ни во втором, ни дальше я не забывала Луизу. Наверно, все знают историю девочки Козетты, которая мечтала о кукле. Вот и моя история о том же.

Я переехала в другой город после школы. Кто внушил нам мысль о том, что надо бежать из родных мест сломя голову? Что жить надо где-то там. Откуда такая уверенность? Многие мои одноклассники и сейчас живут в том же районном городке, у них прекрасные семьи, большие дома, сады, улы, автомобили, и все они довольны жизнью. Но вот у нас с сестрой произошло паническое бегство. Любыми путями покинуть это скучное место! Покинули.

Окончив учебу, я вышла замуж и стала жить в большом городе. Жизнь кипела вовсю. И вдруг, гуляя с коляской, в которой спала моя дочка, я увидела картину: в парке, в песочнице крохотная девочка играла с моей Луизой! Девочка нагребала на неё кучу песка, как это делают на пляже. Прежняя красавица была вся в песке, босая, зеленое платье всё в пятнах... Только глаза куклы сияли так же зелено и светло.

Боже мой! Я поискала глазами мать девочки. Вполне себе ухоженная толстушка в дорогом костюме. Да ещё с бусами. Опасаюсь я всегда этих бус, что-то староподобное в них.

— Послушайте, это кукла из моего детства. Всё равно что подружка. Прошу вас, отдайте или продайте. У вашей девочки наверняка есть и другие, получше этой.

Мама девочки очень удивилась.

— Что вы так настойчиво говорите? Это подозрительно.

— Не смущайтесь, вам говорю. Купите ей другую, вот деньги.

— Да вы, наверно, фетишистка!

И девочкаина мама, подхватив дитя с куклой в охапку, быстро зашагала прочь. Но история на этом не кончается, только начинается. Выйдя на работу в садик, куда пошла и моя дочка, сама как сказочная кукла, я обнаружила в своей группе ту самую мамочку из песочницы со вторым ребёнком, мальчиком.

— Послушайте! У вас же мальчик, отдайте мне Луизу... Если она ещё жива.

— Что вы! Какую ещё Луизу? Куклу? Мы её отдали родственникам!

— Глаза хоть не выкололи? — грустно спросила я.

— Да нет, только волосы залепили пластилином!

Прошло немало времени. Мальчик из той семьи, где была Луиза, давно пошел в школу. Я продолжала работать в садике, появилась у меня и вторая дочка. Страшные девчонские, ничего не было в магазинах. Перебивались невозможно как кашу из садика домой носила. Несколько раз звонила в семью Луизы. Потому что надеялась на то, что дети выросли, как они выросли у меня, и куклы им теперь без надобности. Да и в детстве-то чего им только не покупали, как тогда говорили — «доставали».

— Нет, не отдадим, — повторяли мне, — она уж очень неприглядная.

— Руки-ноги целы у куклы?

— Руки-ноги целы, только знаете, дети её циркулем поширяли, так она такая стала перфорированная.

Со вздохом я подумала, что теперь уж мне её не видать. Но как только поймёшь, что не твоё, так оно не выходит у тебя из головы. Но почему нет? Почему не купить было мне в детстве эту куклу, может, всю жизнь была бы мне поддержкой? Может, я стала бы сильнее! А то ведь все испытания я переносила в одиночку! И далеко от меня моя кукла ещё не приняла достаточное количество мучений. Говорят, её отправляли к родне в другой город, где тоже рождались новые дети. Я, конечно, не поверила, что такое страшилище ещё кому-то нужно. Но мне неизменно отвечали: «Только после нашей смерти».

Так прошло лет тридцать. Я строила дом, потому что хотела, чтобы детям моим жилось тепло и просторно. Но дети уехали так же, как уехала когда-то и я. Работала на работе и двух подработках, сажала огород, полы мыла на стороне. Сами понимаете, сами такие.

Но вот однажды прихожу после отпуска в группу, а там в раздевалке большой ящик для игрушек, бывших в употреблении. То другие группы сбрасывают, то родители приносят ненужное. Стала перебирать их и вдруг ахнула в голос: «Моя Луиза!». Да, это была она. Но до чего же грязная, замызганная, одета в рваные детские ползунки! И даже сквозь них видно, что ножки-то модельные, не как у пупсов, калачиком. Без рубашечки, рука болтается на нитке. Но я была такая счастливая, что стала её обнимать, целовать, кто бы увидел, решили бы, что с ума сошла.

Какой только химии я на ней не пробовала, в каких только растворах её не вымачивала. Кукла не отмывалась! Наоборот, она покрывалась какими-то пятнами, как будто грязь проступала у неё изнутри. А что там внутри? Да ничего, кроме пищальки «ма-ма», которая вывалилась по давности лет. Сколько слез я над ней пролила! Почти два месяца я трудилась и проводила испытания... Наконец, она стала светлеть лицом, и тельце отмылось процентов на девяносто. После того как щеткой вымылись из волос остатки пластилина, я мыла её голову только дорогими шампунями. Теперь у неё волосы почти прежние, только немного полосочками, как выгорели. Но свои, не парик. Только реснички новые, а глаза её же... Поправила ручки и ножки. Придела. Вы знаете, это репсовое платье мне завернуть захотелось, хотя его я помнила до мельчайших деталей. Раз у неё новая жизнь, так и платье должно быть новое. Сообразила ей матроску, потому что блондинка она, красавица в духе шестидесятых. Да я вам покажу её. Луиза! Чудо мое удивительное. Что же вы плачете? Радоваться надо».

* * *

Народная молва довольно быстро разнесла по городу весть об этих куклах. И многие просились посмотреть на них. А то и просили кукол на выставки. Поскольку кукольная семейка очень выросла, стеллажей стало не хватать. Но мечта вещь упрямая. Однажды стеллажи будут построены, покрыты лаком, и чудесная кукольная семья сможет выйти на сцену целиком. Возможно, как часть музейной экспозиции.

А домашний музей тоже рос постепенно, исподволь. Основное место в нём занимает большая коллекция керамики — продукции местного керамического завода. В пятидесятые, семидесятые годы девятнадцатого века начиналась мода на керамическую посуду, панно, блюда. Керамику Антонине сначала отдали собственные деды. И она мешки разобрала всё, вымыла, расставила. Потом приносили незнакомые люди, просили сохранить. Керамика ушла из быта, но многим полюбилась. В семейном музее это настоящее сокровище и хранилище памяти. Потом коллекция керамики дополнилась вазами, деревом, тканями и кружевными изделиями, вышивкой. Народ шёл и шёл, но деньги за вход Тоня никогда не брала, хотя это стало отнимать много времени. А пускай глядят...

Однажды в группе женщин-связистов после визита в музей одна выскочила вперёд и давай Тоню обнимать!

— Ах ты, зараза! Ты у нас звезда теперь, что ли?

Ба, это была Ира, сестра двоюродная, родня той самой Наташи из Задонска!

— Так тебе понравилось?

— А то! А теперь ты ко мне поедешь на экскурсию в мой дачный курятник!

Группа женщин радостно засмеялась и загадала.

Замысел Тони был в объединении разнородных предметов в одну экспозицию. Конечно, кукольная семья была бы в музее очень кстати. Советская мебель делает этот домашний музей аналогом настоящей квартиры, где мирно уживались бы и посуда, и керамика, и куклы. И, конечно, воспоминания. У каждого свои.

Домашний музей Тони Славновой оказался уникальным — самая необычная и теплая коллекция на свете. Интересно, что её школьный друг Толик сказал бы на это?

Эпизод 18. РАДУГА ЖЕЛАНИЙ

«Мама что это: симпозиум?»

«Мы пришли вечером, а тебя не было. А где ты была? Ты сушила куртку на балконе? Но дождя не было».

«Если что, пишу записку тебе на стол. Ты читала записку про дождь?»

«Меня из садика забрала Бабатоня. Папа ушел на симпозиум».

«Бабатоня говорит, у тебя две работы. Мама, зачем тебе две работы?»

«Бабатоня научила меня рисовать и писать буквы. Это хорошо: я могу тебе записки писать. Только Р и Я переворачиваю».

«Мам, я ночую у Бабитони. Ты считаешь бумажки, не буду мешать».

Разноцветные листочки мама Мила находила на столе, в сумке, в ванной. Эти сигналы о помощи до нее доходили не сразу. Но потом она привыкла и даже сама стала их искать, как бы ожидая подсказки. Рузанна, вечно молчаливая, невеселая, все держит в себе. Сидит, смиренно смотрит телевизор, а наклониться к ней и дрогнешь — рот сжатый, глаза горят. Что можно увидеть в мультике, чтоб сидеть с таким-то лицом?

Рузанна, пухлая темноволосая девочка в горошистом сарафане по щиколотку, сложила очередную записку и положила в синий рюкзачок. Потом рюкзак прислонила к ступенькам крыльца и, оглянувшись, стала забираться на высокую витую садовую ограду. Рядом постукивала высокая калитка, но девочка туда не захотела, а вот надо через ограду, в длинном платье.

— Руза! — раздался вопль из окна, — Рузанна, ты куда это собралась? Шею хочешь сломать? Вот я сейчас выйду!

Девочка нехотя стала слезать, потом доставать сквозь решетку виноградные лозины и обламывать их. Она видела, как бабушка это делает. Темные волосы с ободком раздувал ветер. Подошел худой соседский мальчик в красных трениках.

— Будешь играть?

— Можно. А во что?

— Давай в поезд.

— Ладно. А ты кто будешь, машинист, конечно?

— Да! А ты проводница.

Они еще поговорили, разошлись в разные углы двора. Он — крутить колесо от велосипеда, она — раздавать пассажирам белье, которое сняла с веревки. Похоже, их поезд был привычным занятием.

Рузанна окликнула приятеля:

— Скоро остановка. Сколько стоим?

— Не будет остановки.

— Как это не будет? Да у меня вагон целый выходит.

— Ладно, полчаса.

— Давай высадим пассажиров, и я пойду с Бабтоной по делам. Вот их билеты, — она отсчитала цветные бумажки в руку машиниста. — А это зарплата, — добавила длинную конфету с вафлей и шоколадом.

Соседский Артурчик захрустел «зарплатой».

— С тобой ничего так играть... А я потом попрошу у мамы тебе зарплату.

— Не надо. Бабатоня, ты скоро?

Худошавая баба Тоня выскочила на крыльцо и защелкала ключами: побежали.

Баба Тоня, а на самом деле никакая не бабка, а миловидная высокая дама с вьющейся гривой седоватых волос, в костюмчике с египетским принтом, имела цель заплатить за квартиру, купить рыбу для запекания, заодно прихватить корм главной кошке и, может, заскочить в секунд-хэнд с новым поступлением.

— Бабатоня, а, Бабатоня! Ты опять бежишь во много мест, а мне зачем? Мне будет скучно.

— Да ничего такого не будет скучно, — торопилась на переходе Антонина, вертя головой влево и вправо. — Я себе посмотрю, а ты себе. Ты же разбираешься.

Рузанна тут же задрала нос, стала воображать.

- А ты за это побудешь со мной на площадке?
- Побуду, конечно. А тебе надо полазять?
- Так естественно. На шведскую стенку. На кольца.
- Ты же в дамском платье.
- Ой, я забыла. Ненавижу это платье.
- А говорила, что «дайте, дайте, буду только в этом ходить»...

В секунд-хэнде новый привоз. Скидок нет, зато хлопот сто процентов, толпа народу да такой яркий ассортимент.

— Подожди, Рузанна, десять минут. Я мигом. Вон посмотри детский отдел. Трикотаж, костюмчики на девочек, шик...

Антонина окинула цепким взглядом пестроту одежных рядов и кое-что отметила, чтоб забрать через три дня. А если разберут, не страшно. Уже начнутся скидки, вариантов много.

— Рузанна, давай ко мне. Рузанна, Анна, ты где?

Женское население города, как специально, сбилось в этом секонде. Подошла важная консультант.

— Вы девочку в горошек ищите? Вон туда пошла.

Девочки не было нигде. Антонина обшарила весь отсек, лихорадочно отодвигая вешалки. Ей уже три продавца помогали. Девочка в горошек исчезла.

— А не могла она пойти в примерочную? — спрашивали обеспокоенные продавцы.

— Она без меня не будет товары трогать. Не знает размеров, да и не дотянется.

— А вдруг в бытовке?

Не было и там. Но откуда пошел голосок?

— Бабтоня! Долго тебя ждать?

Они хлопнули себя по бокам. В примерочной!

— Рузанна, ты где?

— Тут я.

Побежали на голос и обнаружили Рузанну в примерочной. Горошистое платье на вешалке, а сама она в трикотажном костюме рыбками.

— Девочка! — обрадовалась консультант. — Тебе немножко велико. Меряй вот это.

Антонина хотела наорать на непослушного ребенка за шум, за то, что пряталась! Но было стыдно. В примерку без конца заглядывали посторонние женщины.

— Ну что, нашли пропажу? Не нашли? — все прониклись и обеспокоились.

Рузанна прыгала и вертелась, как чертик. Она поняла, что оказалась в центре внимания и надо пользоваться.

— Бабтоня, купи внучке!

Пришлось купить, свернуть скинутый сарафан в пакет и бежать отсюда. Да еще скидку дали как первому покупателю. Разбираться сил не было. Заскочили в банк, в продукты и в магазин за кормом, все успели до закрытия. На площадке в тенистых дворах Бабтоня села на скамеечку есть мороженое, а Рузанна помчалась на спортплощадку в новом костюмчике. Вот хитрая! Повисла на шведской стенке и висит...

— Анка, слезай, голова нальется.

— Не нальется ничего! — дерзко отвечала Рузанка.

Домой они пришли, когда девочка была вся мокрая, красная и лицо от пота блестело. И как ей охота в такую жару?

Глубокий вечер. Бабтоня вешает на балкон выстиранные вещи внучки и садится читать «Золотого петушка».

— Ой, а почему сарафан достала джинсовый? Ты что, мне не дашь костюм с рыбками?

— Да дам я все. Высохнет, и дам, — за открытым окном сверчки. У дедушки в комнате по телевизору машины ревут. — А может, давай тебе дед почитает? Мне еще надо в ванную. То, се.

— Да он уже спит, наверно, а машины орут. Не отлынивай, баба, — Антонина читает отрывок сказки от закладки и начинает дремать. — Бабтоня, рано ты заснула. Дальше читай.

Телефон Тони играет песню «Далеко-далеко, где кочуют туманы...» Это мама Мила звонит, что типа завтра сама заберет дочку из садика. Тоня пока роется в сумке, находит многочисленные цветные бумажки. Опять Анка прокламации сует! А это что? «Баба, купи мне штаны в садик». Ага, понятно... Был, значит, план... Прокламация на желтом листочке. Раньше уже была такая, на зеленом.

В садике старший воспитатель группы шепнула Тоне, что у их девочки начинается ожирение. Дескать, много телик смотрит, а нужна активность, видимо, и Анке проработку дали. Вон как бежит на лазалки. Не больше двух часов телика, говорят. И в секцию записаться бы... Ага, еще в секцию ее таскай за бешеными деньгами. Матери все сказано, но мать и так работает на двух работах, как заведенная.

Пока шли в садик, Рузанна говорила о том, что у нее выпускной скоро, надо стих учить и чтоб платью новое. И денежку сдавать на цветы.

— Анка, ты матери это говори, у меня-то пенсия крошечная.

— Я ей записку написала!

— А почему ты ей записки пишешь? Сказать трудно? И мне пишешь! А мы с тобой в одном доме живем.

— Что? Все равно меня никто не слышит!

— Как же не слышу. Вон костюм с рыбками. Там и штаны, и футболка.

— Потому что я уже три раза тебе писала...

Рузанна говорила, чуть картавя, но медленно и четко.

— Анка, твои записки все такие материальные! Дай штаны, дай мороженое... А другие вещи ты понимаешь? Нематериальные... не еда, не тряпки.

— Понимаю. Ты штаны купила, хорошо, будет в чем на зарядку ходить, теперь скажи, про что песня на твоём телефоне? Один куплет всегда играет.

Тоня наморщила лоб и открыла ей песню. Рязанка, послушав, задумалась, потом твердо говорит:

— Песня про любовь! Нормально.

— Да откуда ты про это знаешь?

— Да так. Говорят... А вот что такое отчизна? Они живут в отчизне, а где это?

— Это отчество, родина. Одна у них родина, Анка.

— А я? У меня отчизна где?

— Ты в Воронеже родилась. Это и есть твоя родина.

— Кароче, Бабтоня. Это я буду учить на выпускной. Если я все хорошо выучу, ты меня отведешь в первый класс?

Интересные заявки. Почему бы это не мама отвела — баба?

Вечером у Тони в сумке была записка: «Мне надо платью розовое до полу». Желтая! И розовый листок — «Скало-лаза-ние». Наверно, тоже есть в отчизне, но далеко ведь... Рузанну после садика забрала мама Мила, и они на машине поехали в свой микрорайон Ореховая роща. Как же стих «Далеко-далеко»?

Ой, не до стихов было Рузанке в тот вечер. Папа что-то писал в тетрадках, потом тихо сказал — а не дадут ли мне супу сегодня? Если, конечно, жена умеет суп.

Мама, вскочив в пиджаке из-за ноутбука, дрожащими руками принесла кастрюльку парующую и поставила прямо на журнальный столик. Но как есть такое горячее? Папа, обжигаясь, отхлебывал, за ложкой не пошел, а Рузанна не умеет отхлебывать кипяток. Принесла ложку папе и себе, тарелки. Рязанка оглянулась маму позвать. Столик качнулся, и все полетело на пол. Папа стал мыть пол с супом, со шваброй, ужас. А сидели бы на кухне, так ничего бы, там места много. Анка что-то бормотала про розовое платью, мама вытряхнула из сумки ее записки и прямо в тарелки все. Анка в крик. Мама Мила в крик. И что за сарафан отрыла баба в мешках, гольфы надела не те, и почему ей про выпускной так поздно говорят, накануне!

— Симпозиум, дочка, это совещание, если по правде. А у папы просто пьянка. Пора уже знать.

— Ну зачем ты, любимая... Это же шутка...

— Не смей меня так называть! Я работаю на двух работах, а ты надрываешься на симпозиумах! Ах ты, беденький. Три квартиры у тебя всего, и деньги за них ты не даешь в семью. Ага, есть кому отдавать. А где я возьму вам платью на выпускной? На него надо пять тысяч, причем быстро.

И она бросила Анкину цветную записочку ему в суп, он ее ложкой доставал, чтобы прочитать, но она размокла.

— Вы опять ругаетесь, а спать как?

Мила не успокаивалась. У нее в кучу полетели листовки, работа и сестра бабы Тони.

— Ну да, я сушила куртку. Да, я ходила в парк повидаться с теткой, маминой сестрой. И меня облило фонтаном при порыве ветра. Да, они с матерью поссорились, но я-то с ней не ссорилась. Поэтому просила съездить в садик папу. Что такого?

— Тут у вас плохо. Никто «Золотого петушка» не читает. Я лучше к Батоне поеду ночевать.

— Ты будешь спать там, где мать положит. Марш в мою постель, я еще поработаю.

— Папу куда?

— Папу отправим на симпозиум!

Мама Мила прямо в рабочем пиджаке, с цепями, не переодев халат, взяла Анку в охалку и понесла в другую комнату. Анка рыдала без остановки, до судорог, и Мила ее качала целый час, прежде чем положить.

— Ты чего убиваешься, дурочка? Баба же спит там давно, дедка «Формулу» смотрит... Да какой еще Алик? Это Алик сказал, что ты жирная? Не надо верить Алику. Он

очень злой. Он приехал с семьей из цветущей Армении, они беженцы, понимаешь! У них и дом, и сад, все пропало... Как «нравится»? Давно? Ой, ты глупенькая. Ну, придумаем что-нибудь...

Казалось Миле, что дочка засыпает, а она вдруг стала бормотать про какую-то отчизну. Она бредит.

— Ах, отчизна? Она не тут у них, отчизна, не тут, далеко она в горах. Ну, может, они еще туда вернуться... Не плачь. Ишь она. Слов каких нахваталась. Ишь ты. Ну, разве можно обижаться на человека без отчизны? Это не человек, а калека. Не плачь, Рузаночка. Я буду на одной работе работать. А вторую брошу. Я видела все твои прокламации, не плачь. Все понимаю. Папа наш не работает, вот я и стараюсь. Семью-то надо кормить. Да, зря я принесла без тарелок. А чего он говорит, что я не умею. Подначивает.

Наконец, Рузанка уснула, вся опухшая от слез, прямо в джинсовом сарафане с бахромой, прямо с панамкой, как забрали из садика.

— Розовое платье, ужас какой, — шептала Мила, щелкая калькулятором, — рынок наголимый, цыганщина. Откуда это у нее? Надо понимать, если бумажка розовая, так, значит, сильно надо. Если зеленая — не срочно. А если голубая, значит, не еда, а высокое. Вот и учи ребенка писать, он тебе и напишет кузькину мать в белом сарафанчике... Или это бабка все с ней по секундам ходит... Нет, как бы кто ни психовал, одежду нарядную надо дома снимать. Потом пойдешь в люди как не знаю кто...

*Далеко-далеко,
Где кочуют туманы,
Где от легкого ветра
Кольшется рожь.
Ты в родимом краю
У степного кургана,
Обо мне вспоминая,
Как прежде, живешь.
От далекого друга
День и ночь непрестанно
Дорогой и желанной
Ты все весточки ждешь.*

Анка всем своим маленьким сердцем волновалась, будто это она кого-то так ждала, не какая-то чужая девушка, а она, Анка, умеет ждать как никто. И это о ней, светлоокой, задумался далекий воин. Поэтому, конечно, он будет охранять, а как же. И грудь ее расширилась от гордости, от причастности к чему-то большому, чего она по имени не знает.

*Небосклон над тобой
Опрокинулся синий,
Плещут быстрые реки,
Вздыхают моря.
Широко протянулась
Большая Россия —
Дорогая отчизна
Твоя и моя.*

*О тебе, светлоокой.
Моей зорьке красивой,
На далекой границе
Вновь задумался я...*

Она отчизну понимала как высокую гору, на которую надо взобраться и твердо стоять. И пускай все видят, но главное, она всех видит. И оттуда вообще видно по-другому... Оттуда видно только большое, а маленького не видно...

Вот так она и стояла на выпускном, в голубом длинном платье, как на горе. Папа же достал денег, сам привез к Бабтоне, они пошли в салон покупать эту красоту. Это называлось гипюр на чехле! Бабтоня ей сделала на голове прическу — пучок с бусинками, и такие же бусинки перекатывались на шейке. Сильное волнение придало ей стойкости, и она повторяла про себя песню из бабкиного телефона. Анка пережила свое маленькое горе, но теперь надо жить, не обращая внимания на Алика. Они не собьют ее с толку, а она никого не подведет. Ничего, что жарко и платье немножко колется. Зато все теперь в порядке, никто никого не подвел. «А и пускай никто не любит!»

После спортплощадки силы не уходили, наоборот, приходили... С кольцами ничего не выходило, чтоб, например, перевернуться, оставалось только висеть, а это скучно.

На стенке интереснее, а еще теперь поставили стену для лазанья. Но баба Тоня всякий раз начинала верещать «нельзя без страховки»... Нанка же ни разу не упала оттуда, главное, цела пока. Новые записки у мамы на розовых листках — слово «ролики». Вот где хватились за головы. Никто не мог бежать с нею рядом. Баба придумала купить магнетики, чтоб лепить записки на холодильник. Там их хорошо видно. А бегать? Бегать пришлось Батоне как самой молодой...

Скоро Тоня получила новую команду — на голубых листках слово «пластилин», короткая команда без расшифровки.

— Зачем тебе пластилин? Иди в сад, я тоже приду, мне там надо смородину подстричь... Зачем?

— Да так.

— А давай попозже, когда мне надо будет в магазинчик. Заодно. А вот что, Анка. Мне до чего некогда, давай ты считаешь отрывочек из «Золотого петушка»? Ты считать-то умеешь? — подначила ее баба Тоня.

— А как же.

В одном месте Анка остановилась. Видно, что-то зашло ей в голову.

*Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их среди луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дагоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дагоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.*

— Ну, так что дальше? — позвала баба Тоня, щелкая секатором. Рузанка молчала.

— Чего ты? — удивилась баба Тоня. — Язык отсох?

— Нет. Я хочу быть этой... царицей.

— Ты что, обалдела? Зачем? Сидеть в шатре и ждать, когда старикашка заглянет?

— Нет, не старикашка. Любой. Он ведь был в шоке, а ее увидел и все забыл. Вот чтоб человек сразу все забывал. И у него проходило все.

— А я, знаешь, в твой шатер не пошла бы, — сказала баба Тоня медленно.

— А почему?

— Да есть вещи, которые я не захотела бы забыть.

— Да? Даже если больно?

— Даже если так.

— Нет, баб, с тобой что-то не так. Я хочу как лучше сделать.

— Не хочу. Иди ветки отнеси в бочку.

— А пластилин?

— Сейчас сходим. Надо покормить всех, и пойдем. Ты котлетки будешь?

— Неохота.

— А что охота?

— Салат.

— Это из-за Алика?

— Нет. Просто надоело есть. Если бы я так не жрала, я бы уже летать научилась.

— Ну-ну, — Тоня даже обиделась. — Между прочим, какая главная мысль сказки? Чему она учит? Главная мысль сказки: не давай обещаний, если не знаешь, сможешь ли сдержать обещание, а если уж дал слово — то держи его. Главная мысль «Сказки о золотом петушке» — за совершенные поступки надо отвечать и надо всегда держать свое слово. Еще тема подстрекали. Пушкин нам даже кричит, что петушок — это «подстрекала», хоть и золотой! Под подстрекающими понимаются некие силы, скрытые в истории. Дальше мы поймем, почему они подстрекали, кто такой на самом деле «золотой петушок». Мудрец говорит: «слушай» петушка (гляди на него), он укажет, когда война! Он укажет, когда идти на войну, даже когда ее и не видно на горизонте! Опасный это петушок... Головой думать надо, а не только подстрекал слушать... Русские сказки — это вообще великие особые завещания...

Купили две тяжелые пластилина коробки большого размера. Аж две коробки пластилина, и все, можно было успокоиться. Да не тут-то было!

Теперь Рузанна все время что-то разминала, лепила, складывала в отдельную коробку из-под обуви. Лепка напоминала червячков. А приглядишься — тонкие человечки по одному и по двое, такие абстрактные танцоры или ангелы. Поскольку ручки-ножки как палочки, они не стояли сами, их только можно было прислонять или оставить лежа. Раньше Анка часами разглядывала картинки в больших книгах, а теперь она часами лепила. Руки у нее были с красными или синими ладонями, цвет ей был неважен. А потом она захотела мальчиков лепить зелеными, а девочек желтыми.

— Почему они все зеленые? — спрашивала Тоня. — Они без одежды?

— Не надо мне одежды! А то пластилин быстро кончится.

Она сразу сообразила, что фигурки смешанных цветов придется выбросить. А ей хотелось растянуть удовольствие. Люди-лапша танцевали, отдыхали на пляже, читали книжки, играли на арфах и на банджо, сидели на креслах и на крошечных лавочках. Лавочки появились для опоры.

Тоня показала Анке смешной альбом в социальной сети, это слепила и сфотографировала ее двоюродная сестра. Там было кафе, бильярдный стол и парочка скучающих людей, и друзья сделали подписи, получился мультяш.

— Давай уж доиграем... — шепнула Лилиан. И Джо, видимо, не понял ее. И они мялись, бродили вокруг зеленого стола. Джо тормозил. — Может, по чашке чая? — намекнула Лилиан. Джо катал шары, и она вдруг взяла и села прямо на стол, нога на ногу.

— Ладно, я положу шары снова... — буркнул он наконец.

— Шары кончились. Может, повторим партию, Джо?

Джо тормозил. Они кружили вокруг стола. Лилиан была то дальше, то ближе. Джо был зеленый и мускулистый, Лилиан в красном и очень тонкая. Тут Лилиан поняла, что пора. Пока Джо скучал, кружа вокруг Лилиан, он увидел, что ее талия не толще его руки. Тонкая, тонкая талия, надо же... И отвлекся от бильярда. Лилиан делала вид, что не понимает. И что ей интересны только шары.

— Не так! Зайди отсюда! — бросал он реплики, поворачивая Лилиан в нужную сторону. Но Лилиан не только закатывала шары, но и сама закатывалась от смеха.

Джо тарасился, но ничего не предпринимал... И когда она решила тоже закатить шар, Джо просто вскипел: полное нарушение правил! До него стало доходить, что она сюда пришла не только ради бильярда... Мало того что она без конца болтала, так еще на стол забралась с ногами... Но юбка на ней была короткая до не могу. Он лупил по шарам, вылупив шары. Настроения не было. Наконец, и бильярд им надоел...

Так Анка стала лепить и придумывать истории. Все платья, джинсы были в пластилине, а он не отстирывался. Скатерти и подлокотники тоже стали все в пластилине, и Антонине надоело. Она сходила в Дом художника, в детскую студию лепки, в художественную школу. И там ей хором ответили, что девочку надо вести на гончарный круг или записать в художку. А это дорого.

— Я не хочу лепить чашки, — заявила Анка, — скучно одно и то же. Чашки одинаковые. Я хочу лепить людей-лапшу и хочу делать с ними, что хочу.

Осенью Рузанна пошла в первый класс гимназии и нулевой класс художки. Антонина и Мила ее провожали. Папа не провожал, они уже был в разводе. Они с мамой жили у бабы Тони. Мама затеяла какую-то ипотеку. Папа иногда звонил Анке: «А как поживает моя маленькая?» — «Да хорошо!» — обрывала его Анка. Не могла же она рассказывать ему, что они попали с Аликом в один класс гимназии... Да он и не знал, кто такой Алик и какова его роль в жизни Рузанны.

Однажды она показала Алику свои задания в художке. И он пожал плечами и стал ее рисовать. Этот рисунок он показал ей, было немного недоделано. Ясно, что кудря-

вые прядки Рузанны и ее черные глаза ему явно удались. Эскиз, как говорят в художке. Пообещал дорисовать дома и ей подарить, и вот пришел другой день, и Анка не получила обещанный рисунок.

Антонина сразу поняла, что Рузанна не в себе. Губа закушена, в глазах темный огонь.

— Да что такое, Анка?

— Понимаешь, этого рисунка больше нет. Где должна быть я. Алик рисовал его дома, по памяти. А отец увидал и порвал.

— Да почему же?

— А он уроки вовремя не делал.

В сумке у бабы Тони и у Милы появились записки: «Купи уголь. Хочу рисовать углем».

Записки-то старые Мила сохранила. А новых записок больше не было. Выросла.

Эпизод 19. ПРЕДЧУВСТВИЯ

Тяжёлым и душным летним днем по дворе появился плотный, хорошо одетый мужчина. Он стучался в каждую квартиру старого длинного дома, торец которого занимала семья Славновых. Жильцы не торопились открывать, а некоторые, особо немощные, сразу встать не могли. Давно умерла седенькая Нора, у которой дочь умотала в Израиль, в её комнате осталась сестра, к которой приезжал внук, чтобы машины чинить во дворе. Двор был удобный, без забора и без ворот. И шоссейка рядом. Тоня спрятаться не успела, потому что ходила в погреб, принесла в двух руках всякие банки. Тут он к ней и подкатил:

— Здравствуйте, женщина, можно вас на пару слов? Солидная компания покупает ваш дом. Вы согласны переехать отсюда в многоэтажку?

— Всю жизнь мечтала, — Тоня всё это слышала сотни раз и не скрывала насмешки. Она поставила банки на крылечко, руки в боки.

— Вот и хорошо, — разбежался пришлый. — У вас сколько метров? Можно взглянуть?

— Нельзя, я одна дома. Только когда муж будет.

— Ну так, пока запишу номер дома квартиры. И комнат сколько?

— Да шесть комнат. А какова будет компенсация за квартиру в двух уровнях? — Тоню душил смех.

— Миллионов пять. Чего смеётесь?

— А вы что, не узнаете меня? Я вас однажды в песочнице нашла, в детсаду.

Мужчина не смутился.

— Это было случайностью. Но мы продолжаем наш разговор!

— Не думаю. Моя квартира сейчас стоит около двадцати миллионов.

— Да бросьте.

— И бросить ее я никак не могу.

— Я ещё вернусь. А ваши соседи?

— Только когда они проснутся...

День под вечер, а на градуснике под сорок. Мужчина резко ушёл. Всё бы ничего, но эти дельцы приходили всё чаще, того и гляди отберут жильё и затолкают в девятый этаж на окраине. А тут у Тони и квартира, и веранда, и цокольный этаж с музеем, и сад при доме, и сарайка с погребом. Да, мужчина с кожаной барсеткой вряд ли кого уговорит, хотя центр, конечно... Тоже не всем нравится. Неужели придется жить за городом, на даче? Неужели отберут все?

Тонечка не спала долго. Разболелись ноги. То ли рынок и аптека, то ли стирка постельного утомили её. То ли давняя хворь очнулась... Она было пристроилась под абжуром читать старый уютный роман, но мысли отталкивались от книги, бились о листы и улетали в ночь, как мотыльки. Жалко будет музея, если дочери унаследуют дом и все выкинут.

Попробовала порастереть усталые за день колени, но боль продолжала сверлить. Иной раз терпишь-терпишь да и прибежешь к таблеткам. Таблетки не всегда помогали, но перебирать-то некогда, не до того... Выпила сразу две, и боль стала утихать. Она сколько раз уж ходила и к терапевту, и к хирургу, и к сосудистому хирургу — нет, всё впустую. Не могли даже диагноз поставить...

А если только представить, что как-нибудь под вечер во дворе появится Медина... Наверно, она не худая теперь, расплнела, поди... Пятнадцать лет минуло... Надо сразу спрятаться, может, хоть наберет себе ведро помидор... Нет, конечно, не появится... Согрелась Тоня под верблюжьим одеялом, стала дремать. Веки смежила, но всё-таки видела светлеющее рассветное небо. Снизу слышались голоса, наверно, форточку

на первом этаже не закрыли, опять авторемонтники работали всю ночь и курят на её крыльце... А боль-то почти ушла. Поспать бы часок...

Она старалась уснуть, зажмурив глаза. Однако позвал муж — иди скорее! Пришлось запахнуть халат, закрутить резиной жесткие кудри и тащить непослушное тело к лестнице.

— Антоша, ты чего? Уже, что ли, утро?

— Спустись, у деда неладно.

Она, крадучись, сошла, держась за перила. Удивилась на своего рослого мужа в рубахе, застегнутой не на ту пуговицу. Он обычно спал крепко и ничего не слышал. Она не раз успевала спуститься, пока он проснётся.

— Что ты, Антоша. Это опять, наверно, мужики у соседа балагурят, автомеханики.

Смотри, форточка нараспах.

— Да послушай как следует, — и он указал на дедову дверь.

Голосов было несколько: один сильно басовитый, низкий, потом дребезжащий и ещё какой-то полудетский, срывающийся. Как будто спорили о чём.

— Наверно, опять забыл телик выключить, как в тот раз, помнишь?

— Я телик уже выключал.

— А дед взял да и снова включил! Он же не помнит.

Антону надоело стоять, и он как можно тише открыл дедову дверь. Голоса стихли, как только Антон включил свет. Пусто. Деда в комнате не было. Пометавшись несколько минут, нашли его под кроватью, свернувшегося в комок и прижавшего колени к подбородку. Он весь дрожал.

— Дед, ты чего, звал?

— Звал, — просипел тот, — да вы не слышали. Выгоните их, выгоните...

— Кого, Фрол Семёныч?

— Людей этих! Спать не дают.

— Дед, да тут нет никого.

— Они тут шумели! И про аварию на ГРЭС пытали.

— Брось, это сто лет назад было. Ты ж двадцать лет потом в главке сидел.

— Какая разница, это как вчера... И всё равно я невиноват...

— Пошли ложиться, Фрол Семёныч. Что это вы вздумали?

— Это не я, это они...

Антон кое-как уговорил отца лечь, Тоня принесла ему теплого компота на вишне. Старик выпил его судорожно, вздохнул.

— Всё будет тихо, спи, дед, — Антон для убедительности пощелкал выключателем телевизора.

Пошел, выглянул на крыльцо. Там тоже никого.

— Три часа, ну, — ворчал он, наливая себе компот. — Мне ещё три часа спать можно.

Кот резко запрыгнул с улицы в открытую форточку и потрусил под лестницу.

«Фу ты», — сказал Антон, и Тоня закрыла форточку тоже.

Спать не получалось — так, дрема, и то урывками. В последнее время дед стал совсем беспокойный. И ест плохо. Как похоронили супругу его, так совсем с толку сбился. То он хоть с ней говорил, а то теперь все люди какие-то ходят... А Тоня с мужем сами в годах, чтоб вскакивать-то по ночам.

Утром дед не встал к завтраку, отсыпался. Тоня убрала после завтрака посуду, пошла на мусорку с раздувшимися пакетами. Там ей встретилась Шаха, переселенка Шехерезада из Дагестана. Она как всегда ходила на мусорку в черном дорогом платье с блестками. А глаза её были всегда потуплены, а косынка шифоновая низко на лоб.

— Шаха, дед слышит голоса.

— Да пора ему, грешному.

— Ну что ты. Я тоже их слышу!

— А тебе ещё рано.

— Так муж тоже слышит. Мы сегодня опять вскочили в полночь, прибежали... а там никого.

Шаха покачала головой.

— М-м... У меня перед тем, как Месхи, мальчик мой, умер, так тоже ходили. Всю неделю ходики, шумели, спорили о чем-то. А как схоронила я Месхи, так перестали.

— И ты их слышала?

— А как же. Провожатые это. Предупреждают его. Скоро, мол, заберем тебя. Ну, чтобы он готовился, не боялся...

— Как жене бояться, Шаха? Страшно ведь...

— Это не так страшно. Страшно — как Иваненкова. Муж ее бил, говорят, гонял за невкусную еду. Вот и умерла. Трое детей осталось. Вот как он с ними будет?

— Это синеглазая Иваненкова?

— Да, ушла наша звонкоголосая, нету ее больше. Пойду помогать. Такому дурню и помогать неохота, но ее мать жалко...

Шаха пошла вдоль по улице, покачиваясь, блески нелепо сверкали на утреннем низком солнце. Прохладный утренний ветерок доносил дорожные шумы. Свежая листва тихо шелестела, впитывая солнце. Чтобы не боялся никто.

Дед Славнов умер через месяц. В городе свирепствовал вирус. Тоня с мужем попали в разные больницы, оба с температурой под сорок. Дом опустел. Ночевала только дочка Мила с внучкой Рузанной. Дед звал-звал, видно, просил пить, но никто не подходил, видно, голос деда был еле слышен. Он ничего не понимал, пометался, да и затих. Мила сама лежала в жару. Первой заметила нехорошее внучка, она стала звонить тетке с чудным именем Медина, та и вызвала похоронную службу. Когда пришло время упокоить деда, та же тетя единственная и поехала на кладбище провожать незнакомого ей человека. Больше некому было... Через две недели стали возвращаться в дом законные жильцы. Бледные. Шатаемые ветром. И головы как у одуванчиков. Ох, и грустная была картина.

Помидоры с вялой ботвой лежали на потрескавшейся земле. Жимолость с кустов и там же под ними подсохла. Из ящика торчали пожелтевшие газеты. Пора было открывать краны в подвале, подключать шланги, поливать сухие, как порох, гряды. Подметать перезрелые сливы на дорожках... Приближалась осень. Но вообще надо было жить дальше.

* * *

Темнеет, а Тоня с работы. Устала в плюху, всмятку, в фарш, день выдался — караул. Ромка-воспитанник весь день капризничал. Кстати, не Роман, а Ромул, не фи́га себе родители дали имечко. Вы в курсе, какая заваруха связана с этим Ромулом? Не с мальчиком, а с древним римлянином. Мало того, что его вскормила волчица, так он потом брата убил. Но это официально. А вообще имя не расшифровывается. Конечно, главное число — единица. А люди с единицей умеют добиваться своего.

Рома-воспитанник не хотел уходить с качелей, а потом ещё лбом приложился к ним же, когда его насильно повели прочь. Ему даром, что выпал первый снег и качели замело. И что посторонней фанеркой не получается так быстро расчистить, как лопатой. Что скажет его мамочка? Увидит, скривится: «Тонечка, вы хоть следите, обо что он падает». Что толку, ему три года, а он сильнее няни. А потом, когда Антонина, наконец, покормила его обедом — это отдельный плач мавританки — пришла пора укладывать спать на тихий час, и тут некстати приходит мастер на замеры, пластиковые окна вставлять. Ребёнок, конечно, подсказывает, прыгает на кровати, как на батуте. А мастер ещё задаёт вопросы, на которые она не знает, что ответить, она ж не хозяйка. А какие надо фрамуги, а как будете открывать? А фурнитура медная или никелированная? Ромка раскраснелся и ни в одном глазу. Сидит няня Тоня, читает как бы, руки у самой дрожат. Но сидит железно. Няня, книжечку! Няня, пить. Няня, в Питер позволю! Ничего не дам. Спи уже! Няня плохая, да.

Хозяйка опять опаздывает няню сменить, в банке, видите, аврал. Ну, конечно, кто не в банке, те — нелюди. Тоня ей поставила окна, пусть попробует недовольство проявить.

А потом ещё приходится бежать в поликлинику за справками в садик. Потому что не Ромке, а своим внукам, хотя мать и не знает. Да, через сестру. Это уже в своё личное время! Вдогонку хозяйка кричит, что завтра нужно пораньше.

После работы ноги уже плохо Тоню держат, но она несется, аллюр три креста, задыхаясь и быстро. Дома, наверно, содом. У очередной родственницы, привезенной из Приозерска, приступ головной боли, рыдает, не помнит, где таблетки. Кошки мяукают от голода. Тоня мечется, находит таблетки, утешая, щебеча и леча, раскладывая по тарелкам всё, что есть, ну а дымчатой кошке только «Роял Канин», у неё желудок.

После посуды она опять бежит, спотыкаясь. Чуть ногу не сломала. Внуки вытащили из кладовки велосипед, а на нем привязана лоскутная собака. Кошмар, так всё завязать. Да, много воспоминаний эта собака навеяла. Вспомнилось, как Тоня лоскутным шитьем увлекалась, книгу выписала английскую, с русским переводом.

Уже в сумерках ей бы сесть на диван, очнуться, но нет, некогда, она клеит декоративную панель на кухне, днем не до этого. Бабка приозерская снова кричит. Милая, ну что ты кричишь? Аж соседям слышно. На таблетку. Не плачь, чаю попей. Всё болит опять? Что значит умираешь? Это тебе кажется. У тебя повышенная тревожность, ты опять про таблетки забыла. Господи! Спаси меня, Господи, говори так, милая. Прости мои грехи. Ах, нету грехов? Ну, это ты зря. Просто у тебя предчувствия, но это ничего

не значит. У моей мамы тоже были предчувствия. Она с ними семь лет прожила... Ты у меня четвёртая смена, успокойся. Я хорошо ухаживаю.

Утром Тоня встает в пять, чтобы оставить час на молитву, потому что без этого сойдешь с ума. Потом готовка еды на весь день. Дочке на столе завтрак, в холодильнике обед — на первой полке борщ, на второй — котлеты и компот. Только разогрейте, умоляю. И, подхватывая мешки на помойку, Тоня убегает.

Она — элитная няня. Очередь к ней стоит на два года вперед. Ведёт самую трудную категорию от нуля до трех. Часто это дефективные дети, которых не взяли врачи, но они начинают быстро говорить. Вот, например, Кузя, он уже ходит в школу, умница, чемпион по шахматам. Отец Зернин до сих пор шлёт открытки. Он ведь со своей Джинной потом сошёлся, второго родила. Дети Медины, которая не знает, тоже довольно успешные. Да нет, Тоня не экстрасенс. Просто с ними всё время говорит, песенки поёт, всё в обход сознания проникает, через доброту. Сказки читает, «Золотого петушка», «Тэн Сяо Си», «Синдбада-морехода». Слова объясняет. Да нет, у неё так-то педагогическое, медицинский не кончала. Но дети, к ним подход интуитивный. А ещё Тоня закончила школу ландшафтного дизайнера, и у неё уже был договор на ландшафт усадьбы, тридцать соток, на БМВ ездить, только пальчиком указывать. Правда, в районе. Но родители на тот момент слегли с инсультами, так что не вышло. Любит она ландшафтный дизайн, это сочетание туй и холмов, диких кустарников и арочных розариев. От этого у неё душа поёт. Сказать, от чего ещё поёт?

Ах, в цокольном этаже она всё же сделала музей старой посуды. А хорошо, только б наследники не вынесли на помойку... От дедов много осталось, да соседи нанесли. Надо попросить мужа Антоху сбить новые стеллажи, и будет хорошая экспозиция.

Короче, утро. Иней невозможный. Выбегает Тоня на угол, там необычная пробка на дороге. Тонин дом стоит на углу, и машины, выезжая из низины, часто сбиваются тут, пережидая тех, кто мчит по прямой. На дороге снежная каша, и колёса буксуют до визга. Девушка в желто-золотистой Хонде оказывается впереди большой колонны и всех задерживает. Она дёргает рычаги, тревожно высовывается в окно и видит — что? Только свои вязнущие в снегу колеса. Сзади бешено сигналият. А у Тони частный сектор. Поутру выходят из ворот мужчины чистить снег, выбрасывать мусор, и все смотрят на опасную ситуацию. Усмехаются: села за руль — рули. А разве не жалко девчонку в Хонде? У Тони ведь тоже, бывало, дочка вязла в пути!

Эта в Хонде бормочет: «Давай, давай», — машет соседу с лопатой. Соседу нет бы помочь, так он отворачивается. Сирены машин позади Хонды не смолкают, становятся угрожающими. Да что ж это такое-то! Где же вы, мужчины моей молодости, которые тащили через болото не только телегу, но и лошадь с нею? Понаставили коттеджей, понимаешь...

Тогда Тоня швыряет сумки с мусором на обочину. Бросается к Хонде и начинает её толкать. Когда Хонда попадает на лед, начинает пятиться прямо на Тоню. Все обалдевают вокруг. Но никто не трогается с места, глазеют. Девчонка в Хонде уже пунцовая. У неё уж, наверно, слёзы на глазах. Ну хоть бы кто помог! А Тоня тоже красная, как рак, оттого что сердитая. Сбрасывает куртку и опять к багажнику. Буксуя, Хонда залепляет её снегом. Фу! Наконец, Хонда выбирается из ямы и медленно ползёт вперед. «Спасибо вам!» — пронзительно кричат оттуда. Пробка живо рассасывается.

Тоню поколачивает, но она отряхивает с трикотажного платья налипший снег, надевает куртку, которая начинает таять снегом прямо на разгоряченное тело. Собирает свои пакеты. «Может, и моей кто поможет?» — думает, слабо надеясь, женщина, тяжело дыша. И ускоряет шаг, ей же нельзя опаздывать на работу. Приказано прийти пораньше, а тут опять происшествие. Нет-нет, пробок нам больше не надо.